

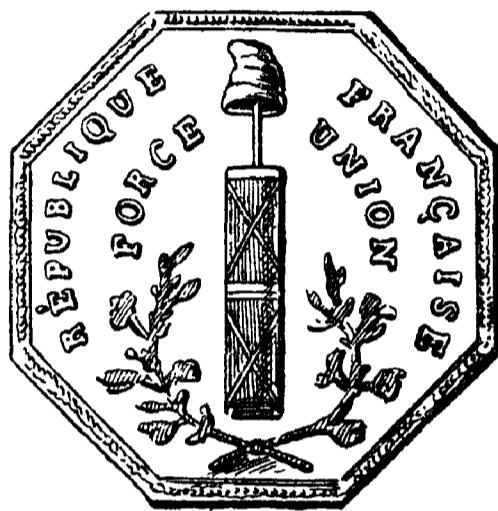
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9-й год издания

№ 7

Июль 1939 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

А. Молок

БОРЬБА ЗА СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ

1

Политическая обстановка во Франции к лету 1791 года складывалась следующим образом. Крупная финансовая, торгово-промышленная и землевладельческая буржуазия, пришедшая к власти в результате революционного восстания плебейских масс 14 июля 1789 года, превратилась в новый господствующий класс и оттеснила на задний план представителей прежних привилегированных сословий. За два года буржуазной революции феодально-абсолютистская монархия превратилась в буржуазно-помещичью, конституционную монархию. Сословные привилегии дворянства и духовенства, церковное землевладение, внутренние таможенные пошлины, цеховые корпорации — эти и многие другие остатки феодализма, тормозившие развитие капитализма, были уничтожены. Но трудящиеся массы оставались политически бесправными,

как и раньше. Вопреки торжественным обещаниям «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года избирательные права были предоставлены только имущим слоям населения, только так называемым «активным гражданам». В национальную гвардию тоже зачислялись только «активные граждане». Так же обстояло дело и со всеми другими политическими правами. Стачки и союзы рабочих были запрещены особым законом 17 июня 1791 года (закон Ле Шапелье). В то же время контрреволюционная агитация сторонников «старого порядка» не встречала должного отпора со стороны центральных и местных органов власти.

Главный вопрос революции — аграрный вопрос — не получил еще удовлетворительного для крестьянских масс решения. Правда, под давлением крестьянских восстаний 1789 и 1790 годов был издан ряд законов,

направленных к ликвидации феодальных повинностей, лежавших на крестьянской земле. Но эти законы не затрагивали основ феодализма в деревне, так как безвозмездно упраздняли лишь ничтожную часть повинностей; все же остальные повинности крестьяне должны были выкупать, причем на очень тяжелых условиях, недоступных даже зажиточному меньшинству сельского населения. Не удивительно, что крестьяне продолжали волноваться, требуя полной отмены феодальных повинностей без всякого выкупа.

Недовольство реакционной и своскорыстной политикой правящей, аристократической верхушки буржуазии росло и в городах.

В то же время при королевском дворе зрел контрреволюционный заговор, организаторы которого ставили своей целью восстановление во Франции старого, феодально-абсолютистского строя. Людовик XVI не примирился с потерей своей абсолютистской власти, с превращением Франции в конституционную монархию. Король и королева поддерживали тесную связь с иностранными дворами и строили планы вооруженной борьбы с революцией. Мария-Антуанетта умоляла своего брата, австрийского императора, двинуть войска к французской границе для устрашения революционеров. В таком же духе действовал и главный уполномоченный Людовика XVI при иностранных дворах барон де Бретейль.

В октябре 1790 года при дворе возник план бегства короля и королевской семьи в Монмеди — крепость, расположенную близ австрийской границы, где стояли войска, находившиеся под командой маркиза де Буйе, одного из наиболее контрреволюционно настроенных генералов французской армии (он снискал себе расположение двора своей ролью при подавлении солдатского мятежа в Панси). Австрийский император Леопольд должен был произвести военную демонстрацию у французских границ, которая позволила бы де Буйе под предлогом их защиты стянуть свои войска в Монмеди. Отсюда они должны были во главе с Людовиком XVI двинуться на Париж и разогнать Национальное собрание. После этого все декреты, изданные против духовенства и дворянства, должны были быть аннулированы.

Восемь месяцев ушло на подготовку к осуществлению этого контрреволюционного плана, на выбор маршрута для короля, на отбор военных отрядов, которые должны были быть размещены по пути его следования из Парижа в Монмеди. Активное участие в этих секретных приготовлениях, кроме маркиза де Буйе и его двух сыновей, принимало несколько человек из ближайшего к королевской семье круга придвор-

ных. Одну из главных ролей играл в этом деле шведский аристократ граф Ферзен, приближенный короля Густава III, состоявший на французской военной службе. Как любовник королевы, он был своим человеком в Тюильрийском дворце.

Министр иностранных дел граф Монморен не был посвящен в тайну. Король тщательно маскировал свои замыслы лицемерными уверениями в своей преданности конституции. В циркуляре, адресованном 23 апреля 1791 года дипломатическим представителям Франции за границей, говорилось:

«Враги конституции не перестают повторять, что король несчастен, как будто бы для короля могло существовать другое счастье, кроме счастья его народа; они говорят, что его власть унижена, как будто бы власть, основанная на силе, более могущественна и прочна, чем власть закона; наконец, они говорят, что король не свободен... Это — нелепая клевета, если принимают за лишение свободы согласие, многократно выраженное королем, оставаться среди парижских граждан»¹.

Этот циркуляр был в тот же день (23 апреля) сообщен Национальному собранию, встретившему его аплодисментами и возгласами «Да здравствует король!» К Людовику XVI была послана депутация, чтобы поздравить его. Король отвечал: «Я бесконечно тронут справедливостью, воздаваемой мне Национальным собранием. Если бы оно могло читать в глубине моего сердца, оно нашло бы в нем лишь чувства, способные оправдать доверие нации; всякое недоверие между нами исчезло бы, и мы были бы счастливы»².

В это самое время при дворе заканчивались последние приготовления к бегству. Несмотря на глубокую тайну, в которую они были облечены, слухи о предстоящем отъезде королевской семьи становились все более настойчивыми. Особенно усилились эти слухи в конце февраля 1791 года, после отъезда в Рим теток короля принцесс Аделаиды и Виктории.

18 апреля народные массы силой помешали королю и его семье выехать в пригородный дворец Сен-Клу. Подозревали, что они собираются бежать на северо-восточную границу, в крепость Валансьенн.

Первоначально отъезд был назначен на начало мая, но затем был отложен на несколько недель. Отсрочка эта была вызвана желанием дожидаться отпуска одной из горничных, которой побавались как демократки.

¹ А. Олар «Политическая история французской революции», стр. 149. Соцэкгиз. 1938.

² Там же, стр. 150.

Бегство произошло в ночь с 20 на 21 июня. Король и его семья выехали из Парижа в большой коляске, специально для этого заказанной. Впереди, в другой коляске, ехали две горничные королевы. Беглецы ехали под видом иностранцев, снабженные паспортом, выданным на имя некоей баронессы Корф, вдовы полковника русской службы, поселившейся в Париже после его смерти. Паспорт этот был получен из министерства иностранных дел через русского поверенного в делах П. М. Симолина.

Баронесса Корф была привлечена к организации побега королевской семьи графом Ферзеном, с которым находилась в дружеских отношениях. Получив для себя паспорт на выезд в Германию, она выхлопала затем дубликат под предлогом, что подлинник сгорел.

Этот дубликат был передан герцогине де Турзель, воспитательнице обоих королевских детей. Дочь богатого петербургского банкира Штегельмана, баронесса Корф представила Людовику XVI не только свой паспорт, но и большую сумму денег.

В ту же ночь бежал из Парижа граф Прованский и другой дорогой благополучно достиг границы.

Что касается Людовика XVI и его спутников, то они были узнаны и задержаны в ночь на 22 июня в местечке Варенн, в нескольких часах езды от Монмеди. Все меры предосторожности, принятые маркизом де Буйе, оказались тщетными.

Солдаты отрядов, расположенных по пути следования короля, отказались повиноваться своим командирам-аристократам и побратались с народом. Начальник почты Друэ, стойкий революционер, первым узнавший короля в момент остановки королевской коляски в местечке Сент-Менегульде (21 июня), успел дать знать в Варенн и задержать беглецов при входе их в этот город.

Весть о побеге короля и о его задержании подняла на ноги все население Варенна. Город покрылся баррикадами. Тысячи вооруженных крестьян из соседних езд прибыли в Варенн на помощь его национальной гвардии. Король и его семья были доставлены обратно в Париж под наблюдением трех комиссаров Национального собрания, высланных им навстречу: Петрона, Барнава и Латур-Мобура, — и в сопровождении нескольких тысяч вооруженных человек, выделенных близлежащими коммунами¹.

25 июня королевская семья вернулась в Париж.

¹ Подробности бегства Людовика XVI см. в книге V. Fournel «L'Événement de Varennes». Paris. 1890.

Король Людовик XVI в фригийском колпаке. Сатирический рисунок неизвестного художника.

Весть о бегстве короля и его семьи, облетевшая Париж утром 21 июня, вызвала в городе огромное возбуждение. Население было оповещено об этом набатным звоном и тремя пушечными выстрелами, произведенными по распоряжению городских властей. Толпа народа устремилась к Тюильрийскому дворцу и ворвалась в опустевшие королевские покои. Слышались шутки: «Как эта толстая фигура могла проскользнуть из дворца, не будучи замечена служащими?» Какая-то торговка фруктами завладела кроватью Марии-Антуанетты, чтобы продавать на ней вишни. «Сегодня очередь нации расположиться поудобнее», — заявляла она.

Бюсты Людовика XVI были или разбиты или прикрыты бумагой. Слова «король», «королева», «королевский» были стерты со всех вывесок.

Многие секции объявили свои заседания непрерывными. Для поддержания более тесной связи с Коммуной секции выделили особых комиссаров.

Массы вооружались. В народных кварталах создавались новые батальоны национальной гвардии, составленные преимущественно из рабочих.

Республиканское движение, ранее мало заметное, теперь впервые получило более широкий размах. На улицах раздавались проклятия по адресу Людовика XVI. На

Арест Людовика XVI в Варенне.

С гравюры того времени.

Вандомской площади группа рабочих громко требовала суда над королем и провозглашения республики. Центром республиканского движения был Клуб кордельеров. 21 июня заседающее в нем «Общество друзей прав человека и гражданина» приняло петицию на имя Учредительного собрания, в которой требовало свержения монархии. «Общество друзей прав человека», — говорилось в петиции, — ... не может скрыть от себя, что королевская власть, особенно наследственная, несовместима со свободой... Оно, может быть, не стало бы требовать теперь же упразднения королевской власти, если бы король, верный своей присяге, сделал из этой власти обязанность для себя... Мы заклинаем вас от имени отечества или провозгласить немедленно же, что Франция больше уже не монархия, что она республика, или по крайней мере подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по этому важному вопросу, прежде чем во второй раз ввергнуть прекраснейшее государство в мире в оковы и цепи монархизма»¹.

Эта петиция была составлена одним из членов Клуба кордельеров, адвокатом Робером, впоследствии видным членом Кон-

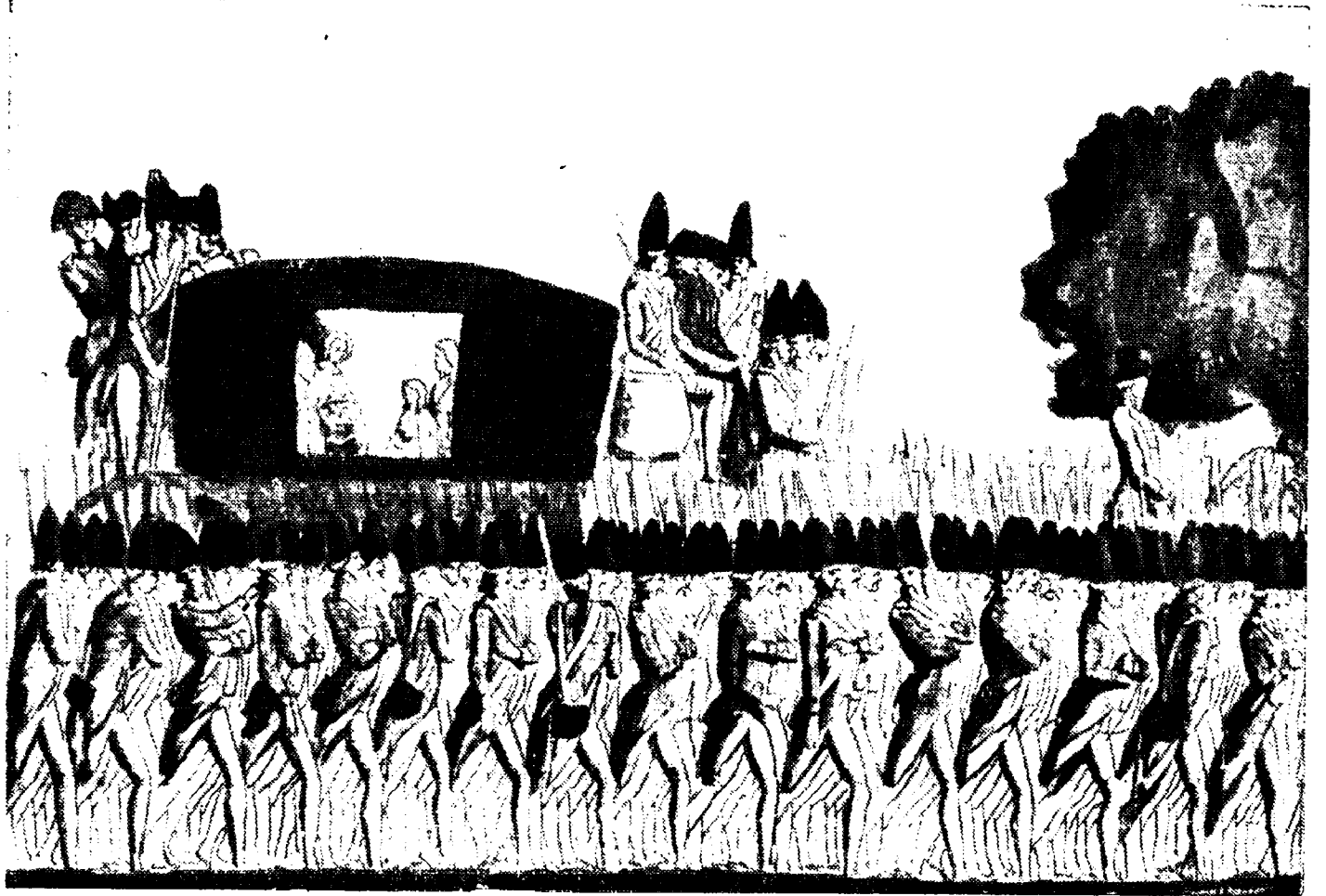
вента; она была напечатана, расклеена и разослана всем народным обществам как Парижа, так и провинции. На следующий день тот же клуб принял декларацию о том, что его члены готовы поразить на смерть тиранов, которые посмеют напасть на границы Франции и покушаться на ее свободу.

Крупная буржуазия враждебно встретила петицию кордельеров. Национальные гвардейцы арестовывали лиц, которые расклеивали эту афишу. Арестован был и сам Робер. Его привели в полицейский комиссариат, где он был избит офицерами национальной гвардии. Однако по требованию народных масс Робер был в тот же день выпущен на свободу.

Но большинство клубов отказалось поддержать требование, вывинутое Клубом кордельеров. В Якобинском клубе, именовавшемся тогда «Обществом друзей конституции», Робер был встречен криками: «Монархия установлена конституцией. Это преступно!» Преобладавшие в клубе представители умеренно-либеральной монархической буржуазии постановили разослать примыкающим обществам письмо, составленное Барнавом и фактически обелявшее короля.

В прессе республиканские настроения проявлялись довольно сильно. «Людовик XVI сам разбил свою корону... Не следует

¹ А. Mathiez «Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes», p. 45—47. Paris. 1910.

Возвращение королевской семьи из Варенна под охраной национальной гвардии.
Французский народный лубок.

только наполовину воспользоваться этим уроком», — заявляла 22 июня газета «Французский патриот», редактором которой был известный публицист Бриссо. 23 июня та же газета писала: «После такого клятвопреступления король и конституция несовместимы друг с другом». Газета «*Vouche de fer*» («Железная пасть»), орган Социального клуба (*Cercle social*), выходившая под редакцией Никола Бонневилья, члена Клуба кордельеров, убежденного демократа, писала: «Пусть все 83 департамента объединятся в Федерацию и заявят, что не хотят ни тиранов, ни монархов, ни протекторов, ни регентов». Газета опубликовала петицию, принятую 21 июня Клубом кордельеров. «Если мы сохраним хотя бы тень короля, мы будем иметь одни только бесплодные революции», — заявлял Бонневилья на страницах своей газеты несколько дней спустя. Столь же резко напал на королевскую власть Камилл Демулен в своей газете «*Révolutions de France et de Brabant*» («Революции Франции и Брабанта»).

Марат, еще весной 1791 года разоблачавший в своей газете «Друг народа» контрреволюционные замыслы двора, обвинял правящие круги в том, что они способствовали бегству короля, и призывал народ восстать, арестовать министров и других представителей власти, разослать

в провинцию комиссаров, разоружить контрреволюционные войска и вооружить патриотов.

Этим смелым призывом к революционному выступлению Марат отличался от большинства других демократических публицистов того периода, рассчитывавших добиться своей цели одними легальными действиями.

Политическим кризисом, созданным в связи с бегством короля, пытались воспользоваться орлеанисты. 21 июня герцог Орлеанский совершил демонстративную прогулку по Парижу в открытой коляске. Проезжая мимо Тюильрийского дворца, он пытался вызвать манифестацию в свою пользу. Но немногочисленные приветственные возгласы были заглушены тысячью других, явно враждебных. На заседании Якобинского клуба один из тайных сторонников герцога Орлеанского, писатель Шодерло де Лакло (автор известного романа «Опасные связи»), потребовал, чтобы на очередь был поставлен вопрос о низложении Людовика XVI. 25 июня в одной из газет появился призыв к парижскому населению подать петицию с требованием учреждения регентства. Призыв этот не имел успеха, и герцог Орлеанский поспешил публично заявить, что он отрекается от своих прав на регентство. Но агитация орлеанистов все же не прекратилась.

21 июня при первом известии о бегстве короля Учредительное собрание с целью помешать королю отдать приказ задерживать всякого, кто захочет выехать из Франции. Собрание объявило свои заседания непрерывными, постановило взять в свои руки высшую исполнительную власть, предложило министрам приводить в исполнение принятые декреты без королевской подписи и призвало к оружию национальную гвардию. Но дальше этого Учредительное собрание не пошло. Несмотря на то что Людовик XVI, уезжая, оставил вызывающее письмо, в котором отвергал конституцию, Собрание выпустило воззвание, в котором говорилось не о бегстве, а о «похищении» короля.

25 июня Людовик XVI был возвращен в Париж, где был встречен ледяным молчанием народных масс. В тот же день Учредительное собрание постановило приставить к нему стражу. Король был временно отстранен от своих функций и превращен в узника. Но судить его не собирались. Удовольствовавшись лживыми объяснениями короля и королевы, утверждавших, что они не имели в виду бежать за границу, Собрание ограничилось тем, что постановило арестовать лиц, сопровождавших короля во время его бегства.

Между тем республиканское движение не прекращалось. Демократические клубы с восторгом встречали Друзя, задержавшего короля в Варенне. 24 июня Клуб кордельеров принял новую антимонархическую петицию, которая была в тот же день представлена Учредительному собранию от имени 30-тысячной демонстрации, организованной народными обществами. Демонстранты выделили 12 делегатов, которые и вручили петицию председателю Собрания. Часть демонстрантов, состоявшая из жителей рабочего Сент-Антуанского предместья, подошла к самому зданию, где заседало Учредительное собрание, и продефилировала мимо него при криках: «Да здравствуют законы! Да здравствует свобода! К черту короля! Да здравствуют верные депутаты! Пусть прочие поберегутся!»

«Законодатели, — гласила эта петиция¹, — мы приносим вам пожелания 30 тысяч граждан... Вы дали нам корбля, он бежал, он бежал, как враг, и должен быть предан суду. Если бы он перешел границу, он присоединился бы к прочим изменникам и пролился бы

кровь. Он арестован, его возвращают назад, и его друзья рычат от злости... Подожмите, пока все 83 департамента обдумают все последствия этого дела».

Учредительное собрание оставило эту петицию без внимания.

Республиканцы продолжали вести деятельную пропаганду и в клубах и в печати. Появился ряд памфлетов против королевской власти. Некоторые из этих памфлетов отличались крайней резкостью тона. Некий Адриан в брошюре «Что такое король» писал, что «Людовик XVI — это боров, откормленный в грязной луже». Характерно заглавие другой брошюры: «Людовик XVI, сам себя лишивший трона».

Была основана новая газета под названием «Республиканец, или защитник представительного образа правления. Издание Общества республиканцев». Главными сотрудниками этой газеты были известный философ Кондорсе и английский демократ Томас Пэн, участник американской войны за независимость, находившийся в это время в Париже. Первый номер газеты появился в июле; всего вышло 4 номера.

Республиканские манифестации имели место не только в Париже, но и в провинции. 27 июня в городе Монпелье местное «Общество друзей конституции и равенства» — его председателем был будущий член Конвента Камбон — обратилось к Учредительному собранию с петицией, требовавшей изложения Людовика XVI и провозглашения республики.

«Чтобы быть римлянами, — писали якобинцы города Монпелье, — нам недостает только ненависти к королям и изгнания их. Первое у нас есть; второго мы ждем от вас. При настоящей организации правительства король бесполезен; исполнительная власть может функционировать без него; между тем это излишнее украшение конституции обходится так дорого, что необходимо его уничтожить, особенно накануне войны с чужеземцами... Мы полагаем, что при представительном образе правления тридцать пять миллионов слишком опасны в руках одного человека, если этот человек захочет прибегнуть к подкупу... Пользуйтесь же случаем: вам никогда не представится лучший. Сделайте Францию республикой. Это не будет трудно для вас. Выкиньте одно слово из конституции, и вы воспламените в нас все добродетели Греции и Рима. Какую республику вы создадите, представители! Она вступит в жизнь с 25 миллионами людей и 3 миллионами солдат; откройте летописи всего мира, и вы не прочтете в них ничего подобного... Мы передаем судьям секиру возмездия и ограничиваемся требованиями от вас, чтобы у француза не

¹ A. Mathiez «Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes», p. 80. Paris. 1910.

было отныне другого короля, кроме его самого»¹.

Приведенная петиция представляет собой одно из самых ярких проявлений республиканского движения в провинции летом 1791 года. Одновременно с этим выступлением Якобинского клуба местные власти (директория департамента и округа города Монпелье) обратились к Учредительному собранию с адресом, в котором просили о низложении короля. Ярость, вызванная этой петицией в реакционных кругах, нашла свое выражение в роялистском памфлете «Разбойничья шайка Монпелье».

В большинстве департаментов сторонники конституционной монархии были в тот момент еще сильнее республиканцев. Так же обстояло дело и в Париже. Клуб якобинцев — наиболее влиятельная политическая организация столицы — продолжал в своем большинстве высказываться против республики. Характерно, что многие вожди левого, демократического крыла Якобинского клуба проявляли в тот момент полное равнодушие к вопросу о форме правления.

Но, расходясь между собой по вопросу о целесообразности и своевременности перехода к республике, представители демократической буржуазии в полном согласии с народными массами требовали низложения Людовика XVI. Представители буржуазной аристократии, движимые страхом перед политической активностью народных масс, добивались, наоборот, сохранения у власти короля-изменника.

4

13 июля Учредительное собрание заслушало доклад комиссии, которой было поручено расследовать обстоятельства бегства короля. Выводы доклада сводились к тому, что Людовик XVI должен быть объявлен невиновным и восстановлен на троне в силу принципа неприкосновенности особы короля.

Обсуждение этого доклада продолжалось три дня. Подавляющее большинство членов Собрания высказывалось за сохранение Людовика XVI у власти. Демократы, не требуя прямо провозглашения республики, возражали против принципа неприкосновенности королевской особы. Робеспьер требовал, чтобы Собрание отерочило свое решение по этому вопросу до тех пор, пока народ не выскажется по этому поводу. Петион требовал, чтобы король был предан суду Собрания или Конвента и чтобы был организован «выборный националь-

ный Исполнительный Совет». Вазье требовал созыва Конвента, который провозгласил бы низложение короля.

15 июля депутат правой Гупиль де Префальн произнес речь, в которой резко нападал на республиканские клубы и утверждал, что они готовятся «свергнуть французскую нацию в бездну ужасной анархии и смут». С нескрываемой злобой говорил он о клубных вождях, «лютях, которых можно назвать клубократами, мятежных интриганах, непытанных в искусстве соблазнять неразумную толпу и руководить ею по своему вкусу». С меньшей злобой отзывался оратор о демократической пропаганде в печати, о «гнусных и преступных памфлетах».

Еще более характерной была речь Барнава. Этот член Учредительного собрания, который вместе с двумя другими депутатами сопровождал Людовика XVI в качестве комиссара на пути из Варенна в Париж, в своей речи вскрыл источник монархических чувств крупной буржуазии — ее жгучий страх перед революционным движением народных масс. Речь Барнава 15 июля 1791 года — один из наиболее выразительных документов классовой борьбы во Франции в период буржуазной революции конца XVIII века. «Вопрос, — говорил он, — заключается в том: собираемся ли мы закончить революцию или думаем ее начать сызнова... Я уже сказал, что не боюсь нападения иностранных государств и французских эмигрантов, и так же искренно утверждаю сегодня, что я боюсь продолжения беспорядков и волнений, которые будут происходить у нас до тех пор, пока революция не будет окончательно и мирно завершена... Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности это революционное движение, которое уже разрушило все то, что надо было разрушить, которое довело нас до предела, на котором нужно остановиться... Подумайте, господа! Подумайте о том, что произойдет после вас. Вы совершили все, что могло благоприятствовать свободе и равенству... Отсюда вытекает та великая истина, что если революция сделает еще один шаг вперед, она сделает его не иначе, как подвергаясь опасности. Первое, что произошло бы вслед за этим в отношении свободы, была бы отмена королевской власти, а в отношении равенства за этим последовало бы покушение на собственность. Я спрашиваю: существует ли еще какая-нибудь другая аристократия, которую можно низвергнуть, кроме аристократии собственности?... Таким образом, несомненно, что революцию уже сейчас пора закончить... В настоящий момент, господа, все должны чувствовать,

¹ А. Олар «Политическая история французской революции», стр. 180—181. Соцэкгиз. 1938.

что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась»¹.

Речь Барнава встретила полное олобрение буржуазно-монархического большинства Учредительного собрания. В тот же день было принято постановление привлечь к судебной ответственности Буйе и его сына, Ферзена (они успели бежать за границу), и некоторых других лиц по обвинению в заговоре против конституции и в подготовке иностранной интервенции. Этот декрет косвенно снимал вину с Людовика XVI и готовил его полную реабилитацию.

Соглашательская позиция, занятая Учредительным собранием по отношению к королю-изменнику, вызвала сильнейшее недовольство среди демократических кругов парижского населения. 13 июля «Братское общество граждан обоего пола» приняло воззвание к стране, в котором резко нападало на Учредительное собрание и призывало народ взять в свои руки верховную власть. В тот же день один из членов этого клуба предложил организовать восстание, но это предложение не было принято.

Призывы к восстанию раздавались и в прессе. Эбер в своей газете «Отец Дюшен» угрожал гневом народа «изменникам Национального собрания, которые хотят вернуть корону Капету, бывшему королю Франции». Газета «Révolutions de Paris» («Парижские революции») напоминала членам Учредительного собрания об участии коменданта Бастилии — де Лонэ — и призывала «граждан всех городов, всех пунктов республики» выбрать новых депутатов, которые и должны образовать новое Национальное собрание.

Волна республиканских настроений поднималась все выше. 14 июля, во время праздника федерации, из толпы, покрывавшей Марсово поле, раздавались крики: «Долой Людовика XVI! Не надо короля!»

15 июля члены Клуба кордельеров и примыкавших к нему обществ собрались на Марсовом поле и здесь, на «алтаре отечества», приняли новую петицию, требовавшую, чтобы Учредительное собрание отложило решение об участии Людовика XVI до тех пор, пока сама страна не выскажется по этому вопросу. Петиционеры выбрали шесть делегатов, которые в сопровождении большой толпы направились к Национальному собранию. Но власти успели принять меры к тому, чтобы не допустить демонстрантов к зданию, где заседало Собрание. Сюда были стянуты сильные отряды национальной гвардии. Им командовал

сам генерал Лафайет. Демонстранты были рассеяны воинской силой. При этом несколько человек было арестовано, в том числе и один из делегатов, выбранных на Марсовом поле. Остальным удалось проникнуть в здание Учредительного собрания и добиться свидания с Робеспьером и Петитом. Последние заявили, что несколько Собрание уже вынесло свое решение по вопросу о короле, петиция стала бессмысленной.

Делегаты не согласились с этим мнением. Выйдя из Учредительного собрания, они направились в цирк Пале-Рояля, где проходило заседание представителей революционных клубов, созванное по инициативе газеты «Bouche de fer». Собравшиеся постановили не признавать декрета, принятого Учредительным собранием относительно короля. После этого участники собрания в цирке Пале-Рояля колонной в несколько тысяч человек двинулись к Якобинскому клубу, где как раз в этот момент обсуждалось предложение о составлении петиции с протестом против решения Учредительного собрания о реабилитации Людовика XVI.

Клуб готовился перейти к голосованию, когда в залу ворвалась толпа, прибывшая из Пале-Рояля. Выступивший от ее имени оратор объявил о намерении прибывших отправиться на следующий день на Марсово поле и там «принести присягу никогда не признавать Людовика XVI королем». Оратор призывал якобинцев поддержать это решение. После долгого обсуждения клуб постановил выбрать комиссию из пяти членов для составления соответствующей петиции.

Она была принята утром 16 июля. «Принимая во внимание, — гласила эта петиция, — что Людовик XVI... поклявшись защищать конституцию, дезертировал с того поста, который был ему доверен, что в подписанной им декларации он заявил протест против этой самой конституции, что своим бегством и своими приказаниями он пытался парализовать исполнительную власть и испровергнуть конституцию, что его клятвопреступление, дезертирство, протест, не говоря уже о всех других преступных деяниях, которые этому предшествовали и за этим следовали, означают формальное отречение от конституционной короны, которая была ему вручена... что новые обещания со стороны Людовика XVI соблюдать конституцию не могли бы служить достаточной гарантией для нации против нового клятвопреступления и нового заговора... нижеподписавшиеся формально требуют, чтобы Национальное собрание приняло, от имени нации, отречение Людовика XVI от врученной ему короны, сделанное им 21 июня, и позабо-

¹ Buchez et Roux «Histoire parlementaire de la Révolution française». Т. XI, р. 65—67.

тилось о его замене при помощи всех конституционных средств. Нижнеподписавшиеся объявляют, что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выразит желания, противного тому, которое выражено в этой петиции»¹.

В тот же день (16 июля) петиция была торжественно оглашена комиссарами Якобинского клуба на Марсовом поле, в присутствии многотысячной толпы, собравшейся по призыву демократических клубов. Петиция была встречена возгласами «Долой монархию! Долой тирана!» В завязавшейся затем дискуссии члены Клуба кордельеров и Социального клуба заявили решительный протест против слов «конституционными средствами». Собравшиеся постановили исключить эти слова из текста петиции и решили снова собраться на следующий день на Марсовом поле для подписания петиции.

Вечером состоялись заседания почти всех демократических клубов Парижа. Центром движения за установление республики продолжал оставаться Клуб кордельеров. На заседании клуба говорилось о необходимости вооружиться, чтобы дать отпор возможной провокации со стороны властей. Но призывы к восстанию, исходившие от отдельных членов народных обществ, не нашли отклика. Собрание решило ограничиться массовой демонстрацией.

Якобинский клуб после четырехчасовой дискуссии, в которой приняли участие и делегаты Клуба кордельеров, высказался за восстановление первоначального текста петиции — без тех поправок, которые были сделаны в нем на Марсовом поле. В таком виде петиция была отправлена в типографию. Вскоре пришло известие о том, что декрет, реабилитирующий короля, уже издан Учредительным собранием. Председатель «Общества друзей конституции» аббат Руайе поспешил тогда снять свою подпись с петиции. Утром следующего дня (17 июля) комитет Якобинского клуба постановил приостановить печатание петиции и отказаться от участия в демонстрации. Решение это было принято по совету Робеспьера, угадывавшего намерения властей спровоцировать уличные беспорядки, чтобы создать предлог для расправы с демократическим движением.

Решение, принятое якобинцами, оказало свое влияние на поведение некоторых других клубов, тем более, что вскоре стало известно, что площадь Бастилии — сборный пункт петиционеров — занята сильными отрядами войск. Революционные элементы настаивали на том, чтобы поднять

¹ Buchez et Roux. Цит. соч. Т. X, стр. 445—446.

Сент-Антуанское предместье, начать восстание, арестовать Лафайета, но их предложения не встретили поддержки.

Тем временем тысячи людей, среди которых преобладали рабочие и мелкие ремесленники, собрались на Марсовом поле по зову Клуба кордельеров и некоторых других народных обществ. Рабочие отправлялись туда прямо с работы, организованно, по профессиям.

Руководство движением оставалось в руках вождей кордельеров: Робера, Бонневилья, Шометта, Коффиналя, Моморо и некоторых других. По их предложению тут же, на «алтаре отечества», была составлена новая петиция следующего содержания (приводим ее в сокращенном виде):

«Представители нации!

Вы заканчивали свою работу...

Но вот совершается великое преступление. Людовик XVI бежит. Он недостойно покидает свой пост; государство оказывается на краю пропасти. Граждане задерживают его в Варенне; его привозят в Париж. Жители этой столицы настоятельно просят вас ничего не решать относительно судьбы виновного, не выслушав предварительно желаний остальных 82 департаментов.

Вы медлите. Множество адресов поступает в Собрание. Все части государства одновременно требуют суда над Людовиком. А вы, господа, объявляете, что он невиновен и неприкосновенен, и в своем декрете от 16-го числа решаете, что конституция будет представлена ему, как только она будет окончательно выработана. Законодатели! Не таковы желания народа, а мы полагаем, что ваша высшая слава, ваш долг заключаются в том, чтобы быть органами выражения общественной воли... Мы требуем, чтобы вы приняли его (Людовика XVI. — А. М.) отречение и создали новое учредительное собрание для того, чтобы приступить к подлинно народному суду над виновными и в особенности к его замене и организации новой исполнительной власти»².

Таково было содержание петиции, принятой 17 июля 1791 года на Марсовом поле. Хотя она и не упоминала прямо о республике, но по существу своему носила, безусловно, республиканский характер. Подписалось под ней более 6 тысяч человек.

Сначала петиционеры держались мирно. Только одно происшествие нарушило (впрочем, ненадолго) спокойствие: под «алтарем отечества» были обнаружены два человека, прятавшиеся там с неизвестной целью. Они были приняты народом за шпионов и убиты на месте. Этот случай был использован как

² Mathiez. Цит. соч., стр. 135—136.

предлог для репрессий против революционных масс. Как только весть об этом происшествии дошла до Учредительного собрания, один из его членов, Реньо де Сен-Жан д'Анжели, потребовал немедленно издания «сурового закона против нарушителей общественного порядка и мятежников, подозреваемых в неподчинению законам». Предложение это было принято (самый закон был издан на следующий день). В то же время председатель Учредительного собрания Трейяр обратился к мэру Парижа Байи с письмом, в котором предлагал ему принять самые решительные меры «для прекращения беспорядков и выяснения их виновников».

Еще до того, как это письмо было получено в ратуше, муниципальный совет принял ряд мер, направленных против республиканского движения. Было издано постановление, запрещающее всякие уличные собрания и предписывавшее главнокомандующему национальной гвардией разгонять их силой оружия. К Марсовому полю были дежурны сильные отряды войск и национальной гвардии буржуазных кварталов. Войсками командовал Лафайет: его сопровождали члены муниципального совета во главе с Байи.

Массы, заполнявшие Марсово поле, толпившиеся на его валах и вокруг «алтаря отечества», не ожидали этого нападения. Почти все они были безоружны. Лишь немногие запаслись ножами и камнями. Лафайет приказал своим офицерам развернуть красное знамя — символ военного положения — и очистить поле от демонстрантов. Последние пытались оказать сопротивление; тогда против них был открыт огонь. Ружейными и пушечными залпами безоружные петиционеры были скоро рассеяны. «Алтарь отечества» был усеян трупами. Их насчитывалось свыше 50; число раненых достигало нескольких сотен.

5

События 17 июля 1791 года имели крупные политические последствия и оказали сильное влияние на все последующее развитие революции. Бойня на Марсовом поле вырыла глубокую пропасть между различными слоями прежнего «третьего сословия»: между господствующей монархической буржуазией и демократической оппозицией. Резкое обострение внутренних противоречий привело к разделению всей Франции на два враждебных лагеря. В одном из них находились те, кто считал революцию законченной, в другом — те, кто стремился к ее дальнейшему углублению.

Это размежевание политических сил нашло свое отражение в расколе Яко-

бинского клуба, происшедшем 16 июля, после принятия петиции о низвержении короля. Умеренно-либеральные члены клуба перестали с этого дня принимать участие в заседаниях «Общества друзей конституции» в бывшем монастыре св. Якова и образовали отдельный клуб в здании бывшего монастыря орлена Фейянов. Новый клуб принял название «Общество друзей конституции, заседающего у Фейянов». В первом списке его членов, датированном 16—18 июля 1791 года, значилось 365 имен. Среди них были такие влиятельные политические деятели того времени, как Лафайет, Барнав, Дюпор, Александр Ламетт. Фейяны заявляли, что желают «конституции, всей конституции и только одной конституции», и клеймили «беспокойных и пылких повторов», стремящихся к установлению республики. Чтобы оградить новый клуб от проникновения в него демократических элементов, был установлен высокий вступительный взнос (в 200—250 франков).

Очистившись от либерально-монархических элементов, ушедших к Фейянам, Якобинский клуб стал более однородной организацией. Руководящая роль перешла в ней к демократам. Большинство провинциальных организаций «Общества друзей конституции» пошло не за Фейянами, а за якобинцами.

Крупная монархическая буржуазия поспешила воспользоваться своей кровавой победой над народом, чтобы расправиться с демократами и республиканцами. Уже 18 июля, т. е. на следующий день после бойни на Марсовом поле, Учредительное собрание приняло декрет, грозивший суровыми карами (тюремным заключением на срок до 2 лет) за «всякий призыв, направленный против национальной гвардии или должностных лиц во время исполнения ими служебных обязанностей и имеющий целью заставить их уступить или сложить оружие». Люди, повинные в таких проступках, объявлялись мятежниками. Мятежниками объявлялись и «все лица, виновные в подстрекательстве к убийству, поджогу, грабежу или неповиновению закону как путем воззваний, афиш, напечатания или распространения печатных произведений, так и путем произнесения речей в общественных местах или собраниях».

В тот же день министр юстиции Дюпор-Дювертр приказал прокурору при трибунале VI округа Вернару начать преследование против всех участников демонстрации 17 июля. Были произведены многочисленные аресты.

Многие видные демократы, чтобы избежать преследований, должны были временно покинуть Париж или даже уехать

заграницу. Робеспьер нашел убежище у столяра Дюпле. Скрываться пришлось и Роберу, одному из главных руководителей Клуба кордельеров. Помещение, где проходили заседания клуба, было опечатано по распоряжению властей. Марат вынужден был на время прекратить выпуск своей газеты, типография которой была разгромлена, и смог возобновить ее издание только 7 августа. 25 августа он писал в своей газете, что есть только одно средство спасения Франции и революции — это гражданская война. «Я выражаю желание, — писал он 28 августа, — чтобы она разразилась как можно скорее со всей силой, чтобы народ мог, наконец, отомстить своим тиранам и их слугам и расправиться со своими заклятыми врагами депутатами, предателями отечества». В начале сентября измученный преследованиями, больной и полуслепший Марат решил на время оставить Францию. 11 сентября он писал в «Друге народа»: «Народ мертв со времени бойни на Марсовом поле. Я старался пробудить его к новой жизни, но тщетно. Ну, что ж, в таком случае и я уйду». 14 декабря Друг народа отправился в Англию, но уже в феврале следующего года вернулся в Париж.

Реакция, наступившая после бойни на Марсовом поле, выразилась не только в преследовании демократов, но и в поправках, внесенных в конституцию, в ухудшении избирательной системы и в ограничении свободы печати. 27 августа Учредительное собрание установило новый, еще более высокий ценз для выборщиков депутатов, чем тот, который был установлен в 1789 году.

Декрет 27 августа 1791 года не был проведен в жизнь. Собрание отложило его применение до обновления избирательных собраний, т. е. на два года. Выборы в Законодательное собрание состоялись на основе старой избирательной системы.

Свою реакционную политику Учредительное собрание завершило восстановлением на троне Людовика XVI. В начале сентября было решено представить конституцию на утверждение короля. 13 сентября Людовик XVI сообщил Собранию, что дает конституции свою санкцию и обязуется защищать ее от всех врагов. Оправдывая свое прежнее повеление, он писал, что тогда еще не знал якобы о желаниях нации. Он оговаривался, что считает предоставленные ему по конституции права и полномочия недостаточными, но добавлял, что лучшим судьей в этом деле должен явиться опыт.

Несмотря на все эти оговорки депута-

ты с энтузиазмом приветствовали короля, когда 14 сентября он явился в зал заседаний для принесения присяги на верность конституции. Затем Собрание в полном составе проводило его до Тюильрийского дворца при звуках военной музыки и грома пушечных залпов.

18 сентября по решению Учредительного собрания в Париже были устроены народные увеселения по случаю окончательной выработки конституции. Муниципальный совет торжественно провозгласил эту конституцию на Марсовом поле — на том самом месте, где за два месяца до того пролилась народная кровь. Вечером Париж был иллюминирован, и король со своей семьей проехал по Елисейским полям среди восторженных криков буржуазной публики, заполнявшей улицы этого фешенебельного квартала столицы.

30 сентября закрылись заседания Учредительного собрания, место которого должно было занять вновь избранное Законодательное собрание. Появление Людовика XVI на последнем заседании Учредительного собрания было встречено возгласами «Да здравствует король!» В тот же день король выпустил манифест, в котором заявлял: «Наступил конец революции».

Политика Учредительного собрания в целом объясняется стремлением крупной буржуазии сохранить монархию как плотину против демократического движения плебейских масс. «Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, — писал Ленин, — например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция, не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым слабит их буржуазная революция, ту свободу, которую она дает, те демократические уч-

реждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве»¹.

Народные массы не разделяли монархических настроений крупной буржуазии. В то время, как в зале заседаний Учредительного собрания раздавались возгласы в честь короля, на улицах слышались крики: «Да здравствует нация! Да здравствует свобода!» Собравшийся у выхода народ бурно приветствовал появление Робеспьера.

Новый полем аграрных волнений, начавшийся летом 1791 г. не прекращался. Как и в 1789 и 1790 годах, крестьяне вооружались, громили и жгли дворянские замки. Особенно серьезный характер крестьянские выступления носили в западной Франции, где дворянство сохранило свои позиции в большей мере чем где-либо. Много замков было сожжено в Бретани.

В некоторых случаях инициатива похода против дворянских замков исходила от городской демократии. В окрестностях Пуатье национальные гвардейцы этого города сожгли замок барона де Лезарьера, где за несколько часов до того происходило секретное совещание представителей местного дворянства, познявшего голову при известии о том, что Людовику XVI удалось бежать из Парижа. Такие совещания состоялись в эти дни и в других замках западной Франции, владельцы которых поддерживали тесные связи с эмигрантами, проживавшими на острове Джорсее. Известие о том, что король задержан и возвращен в Париж, привело в трепет этих контрреволюционных заговорщиков и расстроило их предательские планы.

Неудавшееся бегство короля вызвало новую волну дворянской эмиграции и привело к усилению подготовки интервенции иностранных держав против революционной Франции. 27 августа 1791 года австрийский император Леопольд и прусский король Фридрих-Вильгельм II подписали в городе Пильнице декларацию, в которой за-

являли о своей решимости помочь французскому королю в борьбе с революционным движением. При подписании этой декларации присутствовали братья Людовика XVI, пребывавшие в эмиграции.

Пильницкая декларация возбудила сильнейшее негодование среди всех французских патриотов.

Широкие слои населения, особенно в пограничных департаментах восточной, северовосточной и южной Франции, вооружались, готовясь дать отпор неприятельскому нашествию. Приток добровольцев все увеличивался. В сентябре число их достигало 35 тысяч. Больше всего волонтеров дали департаменты Мерты, Мозеля, Мезы, Марны и Арденн. В департаменте Шаранты число добровольцев уже в июле равнялось 3 тысячам, т. е. почти в 3 раза превышало контингент, установленный правительством для этого департамента (1148 человек). Основную массу их составляли крестьяне, рабочие, ремесленники. Среди них было немало бывших солдат.

Этот революционно-патриотический подъем захватил и переловые слои буржуазной интеллигенции. «Национальное собрание должно, — писал в петиции от 30 июня один преподаватель коллежа в городе Барле-Дюк, — покрыть Францию штыками, пушками и всем необходимым для вооружения шести грозных армий. Это — единственное средство расстроить заговоры двора и тайные проiski иностранных держав». Якобинцы города Валансьенна писали Учредительному собранию: «Мы все дали клятву пролить свою кровь для защиты свободы и счастья родины. Наши внешние враги и враги внутренние встретят мощное сопротивление со стороны свободных граждан, которым грозят рабством».

Из этих патриотических настроений и родились чудеса героизма 1792 года.

Приближалась решительная революционная схватка между силами революции и силами реакции — схватка, которая в 1792 году привела к падению монархии, установлению республики и победе над коалицией.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 57—58.

ЖИРОНДИСТСКИЙ КОНВЕНТ

(20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА — 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА)

1

Выборы в Национальный конвент Франции начались во второй половине августа 1792 года, в дни самой большой тревоги за будущее революции, когда прусские войска под командованием герцога Брауншвейгского двигались к Парижу. Впервые в истории Франции избиратели были представлены народными массами, так как революция 10 августа уничтожила деление граждан на активных и пассивных. Никто из партии фейянов, сторонников и защитников Людовика XVI, в Конвент не попал. Этим самым французский народ отвергнул монархию как политическую форму правления, окончательно скомпрометированную в его глазах с тех пор, как он стал подозревать короля в измене родине.

Центральным вопросом во время выборов в Конвент был вопрос о спасении революции, об изгнании из французской земли пруссаков и австрийцев. В департаменте Марны, в Реймсе, выборы в Конвент происходили в день падения Вердена. Ожидали, что неприятель может каждую минуту занять Реймс. Поэтому на столе у председателя избирательного собрания «вместо звонка... заряженная двустволка, чтобы, в случае приближения врага, быть готовым броситься в ряды храбрецов, которые стекаются со всех сторон и наполняют город»¹. Французский народ выбирал в Конвент прежде всего хороших патриотов, которые сумели бы прогнать врага и заключить почетный для Франции мир.

Но уже во время выборов в Конвент приобрел большое значение другой вопрос, придавший после 10 августа всей французской буржуазной революции новый колорит, оказавший сильное влияние на результаты выборов в Конвент и показавший чаяния и стремления народных масс во Франции в конце XVIII века. Революция 10 августа была названа народом революцией равенства, и Парижская коммуна со второй половины августа стала помечать свои официальные документы: «IV-ый год Свободы. I-ый год Равенства».

¹ Гюстав Лоран «Рабочий-депутат Конвента Жан-Батист Армонвиль», стр. 34.

Народные массы были убеждены, что свержение монархии и упразднение конституции 1791 года устранят все препятствия на пути к осуществлению равенства, подлинного равенства «égalité de fait», как тогда формулировали народные массы свое понимание равенства. Это было совсем не то политическое равенство, которое народ завоевал 10 августа и которое вынуждено было признать Законодательное собрание. Это была целая программа нового социального преобразования Франции, которая выходила за пределы ограниченных историческими условиями возможностей буржуазной революции конца XVIII века и выдвигала идею «нового мирового порядка»².

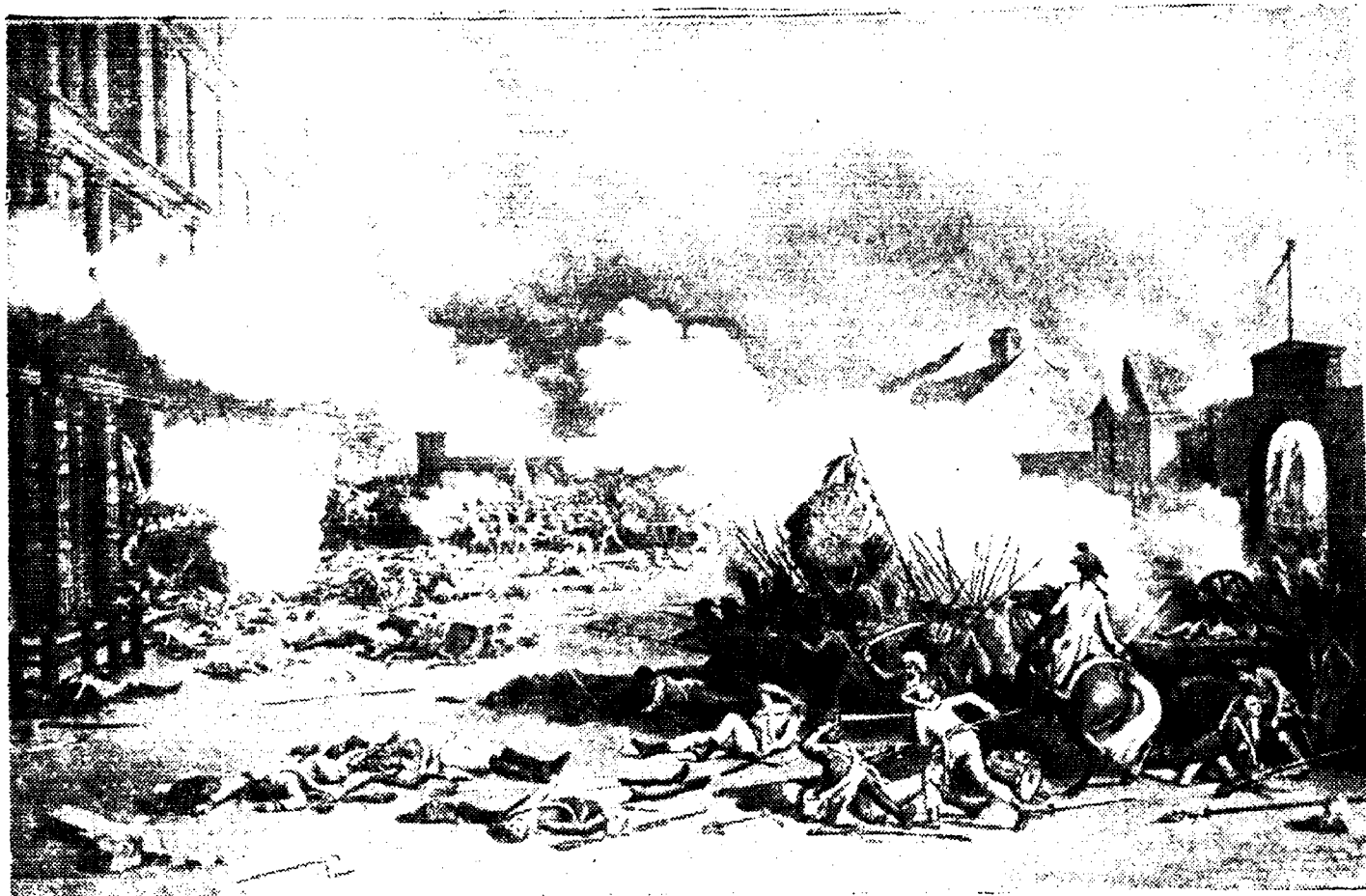
В самом общем виде требование равенства означало тогда, что народ поставил в порядок дня вопрос об уничтожении нищеты и об установлении более справедливого, равномерного распределения богатств. «Пусть злонамеренные граждане сознательно не признают вас, почтенные бедняки, но пусть они узнают от вас, что не пришло еще время сокрушить аристократию богатых; настанет день — и он уже недалек, он наступит тотчас же после наших войн, — день, когда состояния будут уравнены на основании закона»³, — уверяла демократическая газета Приюдама «Революция в Париже» 22 сентября 1792 года, уже после того как Конвент был избран. Газета следующим образом определяла первоочередные задачи Конвента: «Немедленно предоставить в пользование народа те блага, которые им созданы, является настоятельной и неотложной необходимостью; необходимо сделать так, чтобы революция стала для народа его собственным делом; но так как он слишком многочисленен, чтобы самому произвести раздел этих благ, вы должны управлять его достоянием так, как если бы он управлял им сам»⁴.

В это время впервые в ходе революции был поставлен вопрос об общественном вос-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 147.

³ Жан Жорес «История великой французской революции». Т. III. Конвент (1), стр. 103.

⁴ Там же, стр. 106.

Взятие дворца Тюильри народом 10 августа 1792 года.

С картины Дюпlessи.

питании. О нем тогда говорили как о средстве, которое разрушит преимущество богатства над бедностью, «это опасное преимущество, которое сегодня еще имеется в количестве ста на сто, будет уменьшено на протяжении 5—6 лет до 60% и т. д.; с течением времени у нас установится равновесие, так что искусный и просвещенный человек никогда не сможет употребить своих знаний во зло».

К этому же времени относится распространение идеи прогрессивного налога. Прогрессивный налог должен был служить средством для полного проведения уравнивания в имуществах, «которое всех нас объединит одними и теми же узами, одними и теми же естественными интересами, одними и теми же радостями, — надо, чтобы тот, кто не имеет 400 ливров чистого дохода, абсолютно ничего не платил бы деньгами; он уплатит свой долг государству своей работой, своим потреблением, защитой своего очага, тем, что будет иметь многочисленное потомство»¹. И хотя все эти требования не представляли еще непосредственной угрозы для буржуазной собственности, упрочившейся в ходе революции, они породили страшную тревогу среди всей французской буржуазии. На западе, в центре, на востоке — в Беарне, в Реймсе,

¹ Жан Жорес «История великой французской революции». Т. III. Конвент (1), стр. 106.

в Лонгви — была та же тревога, те же опасения.

На предвыборных собраниях буржуазия только и говорила об опасности, угрожающей частной собственности, о ее сохранении, о том, что она должна быть священной и неприкосновенной. В департаменте Ло избирательное собрание в своем воззвании утверждало, что как ни страшны внешние враги, осквернившие землю свободы и нечестивые руки которых «несут опустошение и смерть», но есть враги еще страшнее, на борьбу с которыми оно призывало всех: это враг внутренний, «который, вторгшись в вашу среду, прикрываясь личиной патриотизма, колебля священное право собственности, безопасности, запугивает вас невероятными ужасами и хочет довести вас до анархии»².

До сих пор еще далеко не изучено развитие общественной мысли и социального движения в ходе французской буржуазной революции. Мы знакомы только в самых общих чертах с характером той классовой борьбы, которая происходила во Франции во время выборов в Конвент. Любопытно, что историки французской революции в большинстве своем не останавливаются на этой борьбе. Жорес посвящает ей несколько интересных страниц в своей истории Конвента, высказывая, однако, ряд противоречивых суждений. С одной сторо-

² Там же, стр. 87

ны, он уверяет читателя, что Франция во время выборов в Конвент показала всему миру пример революционного единства, с другой стороны, он не может отрицать ожесточеннейшую классовую борьбу, происходившую в это время во Франции.

Линия этой борьбы во время выборов в Конвент была сложной и извилистой; одновременно с борьбой против роялистов, против изменников роины, ярко намечалась уже борьба между бедными и богатыми вообще, независимо от того, дворянского или буржуазного происхождения было богатство.

До выборов в Конвент в провинции еще плохо отличали якобинцев от жирондистов. Они казались единомышленниками, а жирондист Бриссо и якобинец Робеспьер еще казались людьми, боровшимися против одних и тех же врагов французского народа. Жирондисты позаботились о том, чтобы в департаментах создавалось совершенно неверное, ложное представление о якобинцах. Жирондист Барбару рассказывает, как он познакомил марсельцев с Робеспьером: «Я обрисовал характер Робеспьера, жадного до мести, господства и крови. Я рассказал о попытках Робеспьера достигнуть диктатуры».

Жирондисты с целью дискредитации якобинцев ввалили на них всю ответственность за сентябрьские выступления народных масс и, чтобы окончательно оттолкнуть от них избирателей Парижа, «Французский патриот», жирондистская газета, 15 сентября писал: «Остервенелая шайка, которая не блещет ни талантами, ни заслугами, но одинаково ловко владеет и книжалою мести, и стилетом клеветы, хочет добиться господства путем террора».

Благодаря агитационной деятельности жирондистов значительная часть собственников в провинции отдала им во время выборов в Конвент свои голоса. Жирондисты Бриссо, Ролан, Кондорсе, Верньо и Гюаде были избраны в нескольких департаментах. Жирондисты не только провели в Конвент всех бывших членов Законодательного собрания, но и много новых своих людей: из 750 депутатов в Конвенте насчитывалось 165 жирондистов. Это все были представители крупной торгово-промышленной буржуазии: ее интеллигенция, ее философы, адвокаты, теоретики. Среди них было много талантливых людей, блестящих умов, но все они боялись участия масс в революции, ненавидели и презирали народ и, как говорили про них якобинцы, «хотели свободы без равенства».

Париж, в котором санкюлоты сделались хозяевами положения после революции 10 августа, выбрал в Конвент только якобинцев: Робеспьера, Марата, Камилла Де-

мулена, Фабра Деглантина, Колло Д'Эрбуа, художника Давида, Бильо Варенна, Дантона и др. Кроме Парижа отдельные промышленные центры — Лион, Реймс, Сен-Этьен — также выбрали якобинцев.

В Конвенте очень скоро обратил на себя внимание 22-летний Сен-Жюст, талантливый, целеустремленный человек «с пламенным умом и холодным сердцем»; среди якобинцев был и безыглый Кутон, будущий соратник Робеспьера, и Камбон, ставший потом руководителем финансов французской республики, и честный, благородный Леба, беззаветно преданный республике, завоеванной 10 августа 1792 года, как, впрочем, было предано ей большинство избранных в Конвент якобинцев. Как и жирондисты, большинство депутатов-якобинцев в Конвенте было представителями французской буржуазной интеллигенции; среди депутатов-якобинцев были адвокаты, врачи, артисты, бывшие священники, но в противоположность жирондистам они были связаны с массами и являлись выразителями демократических устремлений этих последних. В Якобинском клубе после революции 10 августа 1792 года собирались самые решительные, самые передовые представители революционной буржуазии Франции.

Всех якобинцев в Конвенте было около 100 человек. Подавляющее большинство Конвента — 500 человек — называло себя нейтральными. Среди них были кушцы, лавочники, предприниматели, землевладельцы, интеллигенты — все собственники, т. е. та же буржуазия и примкнувшие к революции дворяне. Вскоре Париж прозвал депутатов большинства «болотом», «болотными жабами», «брюхом» за то, что во время обсуждения в Конвенте самых жгучих вопросов и во время самых ожесточенных прений большинство заявляло о своем участии в Конвенте только невнятыми возгласами. До 9 термидора «болотные жабы» внешне оставались безмолвными зрителями и статистами той ожесточенно-страстной, а порой и трагической борьбы, которая происходила в Конвенте и которая потрясала не только Францию, но и всю Европу. Тактика «болота» в Конвенте определялась двумя мотивами: собственники-буржуа, многие из которых стали также обладателями национальных имуществ, сильно боялись и не хотели реставрации, но в то же время они не менее сильно боялись народной революции и революционно-демократических требований плебейских масс. Поэтому они всегда поддерживали в Конвенте ту партию, которая была в данный момент сильнее. Сначала они поддерживали жирондистов и своими голосами обеспечили их господство в Конвенте. После изгнания жирондистов они оста-

Санкюлот.

С картины Бугайо.

лись с якобинцами и помогли Робеспьеру одержать победу над своими противниками. Но они же явились главной силой, решившей вопрос об аресте и казни Робеспьера и уничтожившей диктатуру якобинцев.

«Болотные жабы» — это была самая подлинная, в своей плоти и крови мещанская, обывательская, буржуазная Франция, высшая мудрость которой в ходе революции проявилась в том, что она сумела пережить всех деятелей революции и после их гибели, воспользовавшись результатами проделанной ими работы, утвердилась во Франции в качестве ее настоящего хозяина. Наиболее типичной фигурой «болота» был Баррас — бывший аристократ, циник, беспринципный, продажный человек, наживший за время революции миллионы.

Не мудрено, что, когда результаты выборов определились, Марат забил тревогу. «Меня удручает только одна мысль, — говорил он, — что мои усилия спасти страну не приведут ни к чему без нового восстания. Видя закваску большинства депутатов Национального собрания, я теряю надежду на общественное спасение. Если на первых восьми заседаниях не будут заложены все основы конституции, не ждите больше ничего от ваших представителей»¹. В двухстепенных выборах он справедливо увидел «только хитроумное средство, пущенное в ход Законодательным собранием, с целью наводнить развращенными людьми

верховный Совет нации» и воспрепятствовать народу послать в Конвент его подлинных представителей. Но среди депутатов Конвента были и люди, известные в революции. Многие из них были членами Учредительного и Законодательного собраний, заслужившими почетную известность служением делу буржуазной революции.

2

Внимание всей Европы с 20 сентября самым пристальным образом устремляется в Тюильри — бывший дворец французских королей, в театре которого заседали представители Франции. Всех волновали вопросы: справится ли Конвент с опасностями, обступившими революцию со всех сторон, сумеет ли он добиться ее торжества, или возьмут верх роялисты, и тогда будет восстановлен старый режим и Франция, к великой радости ее врагов, будет расчленена на части?

Опасности, стоявшие на пути революции, были так велики, что преодолеть их можно было только при условии мобилизации и единения всех революционных сил народа.

Но единения в Конвенте не было. В самом размещении депутатов было что-то символическое, вскрывавшее соотношение сил в Конвенте. Жирондисты расположились на правой стороне, которую в Законодательном собрании занимали феяны. Они образовали в Конвенте самую правую партию, партию «умеренных». Наверху покато́й залы поместились якобинцы. Про них говорили, что они заняли вершину горы, и их прозвали монтаньярами (от французского слова «montagne» — гора), «болото» заняло большую часть зала — его равнину, центр.

Жирондисты ненавидели Паряж и санкюлотов, которые не выбрали в Конвент ни одного из них. Клевещи на великий город, они изображали его, как город «дезорганизаторов», «анархистов». Поэтому большинство депутатов Конвента уже заранее относилось к Парижу с предубеждением. Парижская коммуна внушала им ужас, Робеспьера они ненавидели, а к Марату питали такое отвращение, что не хотели даже смотреть на вершину горы, в ту сторону, где он сидел. На первом же заседании жирондисты при поддержке «болота» избрали председателем жирондиста Петюна и забаллотировали Робеспьера. В этот же день был избран жирондистский секретариат, и жирондисты стали господствовать в Конвенте.

Французский народ не дал своим депутатам никаких письменных наказов. Но на избирательных собраниях очень много говорилось о задачах, которые Конвент призван был разрешать: все ждали, что Конвент немедленно займется работой по соз-

¹ Марат «Памфлеты», стр. 683. 1939.

данию новой конституции, даст стране новое законодательство на «основе свободы и равенства» и добьется мира. Франция, крестьяне в первую очередь, хотела мира, и во время выборов в Конвент много говорилось о том, что надо скорее изгнать неприятеля с Французской земли и потом заключить с ним почетный для Франции мир.

Но был еще один вопрос, который требовал немедленного разрешения: будет ли создана во Франции республика или же останется монархия? Не разрешив этого вопроса, Конвент не мог начать своей работы над конституцией. Законодательное собрание только временно отрешило от престола Людовика XVI, но не согласилось с требованиями народных масс Парижа, настаивавших на уничтожении монархии и провозглашении республики. Вопрос остался открытым, и Конвент должен был вынести свое решение немедленно. Нужно было срочно решить, как поступить с Людовиком XVI, которого народные массы обвиняли в измене родине. После революции 10 августа были найдены документы, подтверждавшие догадки о том, что король был связан с эмигрантами и австрийцами. Народ требовал, чтобы Людовика XVI судили

как рядового гражданина, уличенного в предательстве.

Жирондисты были заинтересованы в том, чтобы оттянуть решение вопроса о политической форме правления и решить его потом, когда им удастся укрепить свое влияние в Конвенте. Но вопрос этот встал на втором заседании Конвента, 21 сентября. При обсуждении вопроса о конституировании Конвента якобинец аббат Грегуар выступил с гневной, обличавшей монархию речью, в которой он назвал монархию мастерской преступлений, очагом разврата, мартирологом наций. Собрание с ним согласилось и провозгласило, что монархия во Франции уничтожена. Но дальше этого оно не пошло и не объявило об учреждении республики.

Республику провозгласил не Конвент, а народ. Когда батальон марсельцев, отправившийся на фронт, подошел вечером к Конвенту и узнал, что монархии больше во Франции нет, ликующие крики: «Да здравствует республика!» — провозгласили рождение ее во Франции. Марсельцы разнесли эту весть по всему Парижу. Санкюлоты устроили в честь новорожденной республики иллюминацию и народное празднество. Всю ночь Париж веселился и танцевал, и

Французская революционная армия в бою.

Литография Раффе.

всю ночь раздавались в Париже возгласы: «Да здравствует республика!» Таким образом, республика пришла в Конвент извне. Она, по выражению Робеспьера, «пробралась туда тайком». 25 сентября под давлением масс Конвент *post factum* провозгласил французскую республику единой и неделимой. С этого времени все правительственные акты стали помечаться: «IV-ый год Свободы, 1-ый год французской республики».

Провозглашение республики воодушевило французскую армию. Победа французов под Вальми создала разлад между интервентами: герцогом Брауншвейгским и Фридрихом Вильгельмом II; продвижение союзной армии к Парижу приостановилось. Непрерывные дожди, непролазные дороги сделали это передвижение очень трудным и опасным. Население относилось к интервентам враждебно и все от них прятало. Австро-прусская армия терпела всевозможные лишения; распространившаяся среди нее дизентерия погубила много народу. Прусские войска вынуждены были отступить. В конце октября Верден был опять занят французами. В октябре австрийцы были вынуждены отступить также от Лилля, осажденного с сентября 30-тысячной австрийской армией. Гарнизон Лилля состоял только из восьми тысяч человек. С 29 сентября по 8 октября город подвергся артиллерийской бомбардировке; австрийцы выпустили по нему 60 тысяч ядер. Австрийские бомбы, начиненные склянками со скипидаром, вызвали в Лилле большие пожары. От города остались одни развалины, но его защитники не сдавались. Когда в зал заседания мэрии упало ядро, один из заседавших спокойно заявил: «Заседание продолжается».

Героическая самоотверженность не только лилльского гарнизона, но и всего населения города, не покинувшего его, мужество, патриотизм, преданность революции, бесстрашная готовность жертвовать собой во имя спасения независимости родины победили огромную неприятельскую армию, и она вынуждена была уйти из Франции.

В день открытия Конвента южная французская армия вступила в Савойю, и там начались крестьянские восстания. Население Савойи заявило о своем желании присоединиться к французской республике. 30 сентября французская армия под командованием Кюстина перешла Рейн и взяла город Шпейер. Вскоре вся Бельгия была занята французскими войсками. Народные массы Бельгии встретили французскую армию с восторгом. Французская республика в октябре—ноябре 1792 года совершала, таким образом, триумфальное шествие. Презираемые европейскими королями войска санкюлотов были самые лучшие ар-

мии, самых опытных и закаленных в боях генералов. В течение полутора месяцев санкюлоты изменили политическую карту Европы.

Передовая Европа восторженно следила за победами французской армии; «Марсельеза» сделалась с того времени интернациональным гимном в борьбе против феодального строя.

Эти победы и, главное, все возрастающее влияние революции заставили господствующие классы Европы подумать о создании более сильной коалиции против Франции. После вступления французов в Бельгию английский премьер-министр Питт занял открыто враждебную позицию в отношении Франции. Его надежды, что революция сделает Францию слабой, небоеспособной страной, не оправдались, и с осени 1792 года Лондон стал центром всех заговоров против французской республики; здесь находили приют диверсанты, шпионы, эмигранты. Англия стала с этого времени душой, мозгом, банкиром всех европейских коалиций, направленных против французского народа. Таким образом, первые победы не принесли французскому народу мира, военные действия продолжались, и вопросы войны и организации победы продолжали оставаться основными вопросами революции.

Жирондисты стремились использовать успехи французской армии для укрепления своего влияния в Конвенте. Они объявили дезорганизаторами и алтархистами всех, кто указывал, что для создания гарантии от реставрации нужно окончательно разгромить силы старого абсолютистско-феодального режима, разрешить крестьянский вопрос, покончить с феодализмом в деревне и предоставить большинству населения реальные блага. Жирондисты были против всех этих мероприятий.

Якобинцы перед лицом грозной опасности внешней интервенции призывали к объединению всех сил революции.

Марат говорил о новом пути, на который должны стать революционеры после революции 10 августа, и выражал готовность идти вместе с «друзьями народа», с депутатами Конвента. К единению и совместной борьбе против врагов революции призывал также Робеспьер. Но жирондисты отказались от союза с якобинцами и с первых же дней деятельности Конвента повели бешеную борьбу против якобинцев.

На одном из первых заседаний, когда обсуждался вопрос о реорганизации суда, жирондисты напали на якобинцев за их утверждения, что судьей может быть всякий, независимо от того, числится ли он в списке юристов или нет. Возможность выбора судей из числа всех граждан пока-

Гуже де Лиль — автор «Марсельезы» — впервые исполняет ее в Страсбурге.

С картины Нильса.

залась жирондистам серьезной угрозой для буржуазной собственности.

Вскоре жирондисты потребовали ареста Марата, обвиняя его в «сентябрьских убийствах». Всякий раз, когда он появлялся на трибуне, они встречали его оскорблениями и не давали ему слова. В декабре жирондисты потребовали, чтобы Конвент предложил первичным избирательным собраниям переизбрать депутатов, утративших доверие нации, т. е. депутатов Горы, и в первую очередь Робеспьера и Марата. В письмах к своим избирателям они писали, что парижане своими действиями губят революцию. В октябре они добились присылки из жирондистских департаментов в Париж департаментской гвардии в 15 тысяч человек для охраны Конвента от «дезорганизаторов» и «анархистов», т. е. от революционного Парижа. На улицах Парижа прибывшие распеваали:

«Голову Марата, Робеспьера и Дантона
И всех тех, кто их защищает,
И всех тех, кто их защищает»¹.

Имея свою вооруженную силу (Роллан добился организации специальной охраны

¹ Альберт Матъез «Французская революция». Т. II. Жиронда и Гора, стр. 116. «Московский рабочий». 1929.

Конвента), опираясь на «болото», жирондисты упряднили уголовный трибунал, созданный после 10 августа, и объявили о перевыборах Коммуны Парижа. Этими постановлениями они покушались на завоевания революции 10 августа и поощряли контрреволюционеров к безнаказанным выступлениям.

Гора, защищаясь от нападков жирондистов, вынуждена была перейти в наступление. «Теперь, когда враг продвигается... обвиняют самых честных людей в сношениях с неприятелем. И кто же обвиняет? Люди, которые вызвали войну. Без сомнения, они обвиняют нас в своих собственных изменах»², — заявил Бильо Варрен в ответ на нападки жирондистов. «Вы хотите республики только для богатых», — обвинил Робеспьер причину нападков Жиронды на депутатов Горы.

Жирондисты были исключены из Якобинского клуба. Марат сумел проникнуть в казармы департаментской гвардии и рассказать настоящую правду о борьбе трудящихся Парижа. Вскоре департаментская гвардия сблизилась с Якобинским клубом. Она образовала общество федератов 83 де-

² Альберт Матъез «Французская революция». Т. II, стр. 97.

Рука народа пишет приговор королю.
Революционный плакат того времени.

партаментов, нечто вроде военного клуба, находившегося под идеологическим руководством Якобинского клуба.

Неудачными для жирондистов оказались также результаты выборов в Парижскую коммуну. Вновь переизбранная Коммуна (2 декабря 1792 года) отличалась таким же революционным характером, как ее предшественница. В Генеральный совет Коммуны были избраны только якобинцы. Шометт, бывший председатель Коммуны 10 августа, был избран прокурором новой Коммуны, а его заместителем — Эбер, редактор народной газеты «Отец Люшен». Якобинец Паш стал мэром Коммуны.

Между тем война продолжалась, и экономическое положение Франции становилось с каждым днем все более трудным. Вместо того чтобы объединить все силы для разрешения главных вопросов революции, жирондисты три месяца потратили на борьбу с якобинцами, как будто они были ее главными врагами. Конвент по их вине три месяца топтался на одном месте и ничего не сделал для улучшения ухудшившегося экономического положения страны.

Еще в ноябре Коммуна потребовала организации суда над королем. Жирондисты хотели спасти Людовика XVI, но у них не хватило мужества открыто выступить в его защиту. Под разными предлогами, часто невразумительными и оскорбительными для народных масс, они стесняли орга-

низацию суда. В то же время Конвент вел тайные переговоры с государствами коалиции об условиях освобождения Людовика XVI. Но монархи, объявившие войну французской революции, не хотели идти ни на какие уступки ради спасения Людовика XVI; братья Людовика XVI хотели его смерти, чтобы занять его место. Питт откровенно заявил, что участь отдельных членов Бурбонского дома его несколько не интересует и что он борется с революционной Францией.

В конце ноября 1792 года стали известны новые факты предательства Людовика XVI: слесарь Гамен донес Роллангу, министру внутренних дел, о существовании потайного стенового шкафа в Тюильри, который Людовик XVI сделал с его помощью. Из бумаг, найденных в шкафу, узнали о новых фактах измены родине Людовика XVI и о его сношениях с эмигрантами. Жирондисты вынуждены были объявить, что Людовик XVI подлежит суду. Ему предоставили право выбрать себе защитников. На допросе он ни в чем не хотел сознаться, отказался признать документы за своей подписью, не хотел узнать своего ключа от шкафа и т. д.

Несмотря на то что с каждым днем все новые и новые документы подтверждали виновность Людовика XVI, жирондисты вопреки требованиям народных масс сделали еще одну попытку спасти короля. Чтобы выиграть время, они стали оспаривать право Конвента судить Людовика XVI и предложили перенести вопрос о его виновности на обсуждение первичных избирательных собраний, как будто Конвент не пользовался доверием всей нации. За предложением жирондистов скрывалась тайная надежда, что в провинции, где большинство крестьян и санкюлотов ушло в армию и где народные массы были менее активны, собственники выскажутся против обвинения короля. Тогда, думали они, им удастся противопоставить требованиям Парижа и санкюлотов требования департаментов и покончить с якобинцами.

Своей борьбой против якобинцев жирондисты развязывали открытую гражданскую войну во Франции. Жирондисты обвинили якобинцев в стремлении к диктатуре и в разгар прений по вопросу о виновности короля предложили осудить прежде всего тех, кто стремится к диктатуре. Предложение это должно было отвлечь общественное внимание от короля и создать впечатление, что якобинцы против республики. Только 14 января после очень долгих и бурных прений Конвент поставил на именное голосование депутатов три вопроса:

1) Виновен ли Людовик XVI в заговоре против свободы нации и в покушении на безопасность государства?

2) Будет ли приговор предложен голосованию всего народа?

3) Какого наказания заслуживает Людовик XVI?

Почти единогласно Конвент признал короля виновным в злоумышлении против свободы нации и общей безопасности государства. Второй вопрос был отвергнут большинством в 423 голоса. Поименное голосование по третьему вопросу продолжалось в течение 37 часов.¹ За смертную казнь без всяких отсрочек было подано 387 голосов, за тюремное заключение или условную смертную казнь голосовало 334 человека; большинством в 53 голоса Людовик XVI был приговорен к смертной казни без всяких промедлений. Робеспьер мотивировал свое предложение смертного приговора королю следующим образом: «Я не признаю той гуманности, которая убивает народ и прощает деспотов. Чувство, побудившее меня потребовать, хоть и тщетно, в Учредительном собрании отмены смертной казни, есть то самое чувство, которое вынуждает меня сегодня настаивать, чтобы ее применили к тирану моей родины»¹.

21 января 1793 года Людовик XVI был казнен.

3

Уже с осени 1792 года Франция стала испытывать недостаток в продуктах первой необходимости и прежде всего в хлебе.

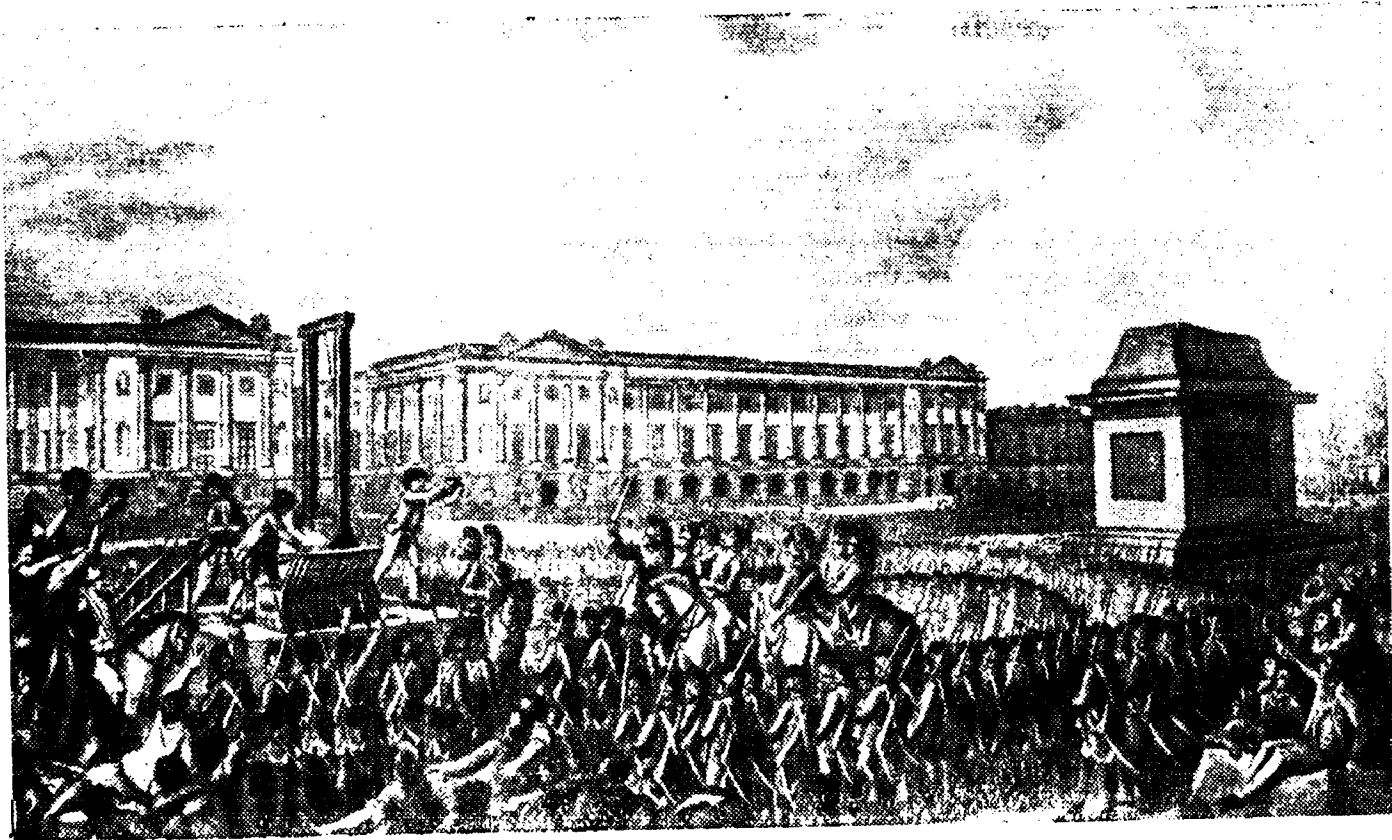
¹ Луи Блан «История французской революции 1789 г.», стр. 44. 1908.

Песмотря на удовлетворительный урожай хлеб достать было очень трудно. Богатые крестьяне не хотели пролавать его за бумажные деньги и прятали зерно. Война поглошала все ресурсы страны, и большинство продуктов совсем исчезло с рынков. За ассигнаты давали только 60% их номинальной стоимости. Все это породило спекуляцию и дороговизну. Нарушение нормальной экономической жизни разорило мелкую буржуазию и поставило в очень тяжелое положение рабочих. В то время как заработная плата осталась на уровне 1790 года, цены на хлеб поднялись в три раза.

Особенно тяжелым было положение рабочих в Лионе. В лионской шелковой промышленности, потерявшей из-за войны и эмиграции аристократов своих клиентов, кризис начался еще в ноябре 1792 года, и лионские ткачи оказались в очень тяжелом положении. Буржуазная революция предоставила им только одну возможность — умереть с голоду.

Только в Париже хлеб продавался по 3 су за фунт (в Лионе, например, фунт хлеба стоил 6 су), и Парижская коммуна ежедневно доплачивала булочникам 12 тысяч ливров. Но качество хлеба было плохое, и, чтобы его получить, надо было дни и ночи проводить в очередях, так как дешовая цена хлеба в Париже вызвала наплыв приезжих из окрестностей и близлежащих городов.

Народные массы считали, что Конвент должен помочь им организовать борьбу со спекулянтами, прятавшими продукты питания и продававшими их втридорога. В

Казнь Людовика XVI 21 января 1793 года.

С рисунка Монне.

конце ноября, когда в департаменте Эры и Луары начались волнения против дороговизны, Конвент послал туда своих депутатов. Он обязал их подавить беспорядки и прибегнуть для этого к помощи вооруженной силы. И хотя депутаты действовали только путем мирной агитации, их встречали повсюду очень враждебно. В одном селении их встретила толпа в шесть тысяч человек, вооруженная ружьями и пиками. Едва комиссары обратились к толпе, как со всех сторон раздались крики: «Это шарлатаны, аристократы! Повесить их надо!» Ораторы из толпы говорили о том, что Конвент — враг народа и что он ведет народ к гибели. Депутатов Конвента избили и под дулом ружей заставили их подписать установленную населением таксу, соответствовавшую ценам 1790 года, на хлеб, ячмень, свечи, мясо, холст, саржу и башмаки.

Вернувшись в Париж, депутаты рассказали Конвенту, что они видели в толпе передетых священников; они уверяли Конвент, что организаторами волнений являются роялисты. Их сообщение о том, что они вынуждены были подписать требуемые населением твердые цены, вызвало в Конвенте сильное негодование жирондистов.

«Им давали в руки топор и перо, — сказал жирондист Мануэль, — и они должны были взять топор и отрубить себе руку». Конвент осудил повеление депутатов и вынес им общественное порицание. Жирондисты считали, что народные волнения организованы роялистами и шпионами Питта. Сторонники физиократов, они были самыми яркими защитниками свободной торговли и невмешательства государства в экономику. Жирондист Роллан, министр внутренних дел, находил, что самое лучшее, что можно сделать для облегчения продовольственного кризиса, — это ничего не делать: когда-нибудь война кончится, тогда цены спадут и будет изобилие продуктов. Жирондисты были совершенно равнодушны к страданиям народных масс от голода. Выразители и представители интересов крупной торгово-промышленной буржуазии, они объявили требования народных масс о введении твердых цен покушением на частную собственность и потребовали самых решительных мер для подавления беспорядков.

Отношение монтаньяров к волнениям из-за дороговизны определилось не сразу. Вначале Робеспьер согласился с жирондистами о необходимости подавления беспорядков военной силой. Марат, наоборот, был против этого. «Нам без конца говорят, что народ не уважает установленные власти. Уважение надо заслужить. Оно не дается по приказу. Не пушками и штыками, которые вы предлагаете несчаст-

ным, требующим хлеба, вы внушите доверие и успокоите их»¹, — убеждал Марат, 29 ноября с большой речью о продовольственном кризисе, его причинах и средствах его преодоления выступил Сен-Жюст. В то время как жирондисты не хотели понять действительных причин продовольственного кризиса, а многие из них отрицали его вовсе, Сен-Жюст смело разобрал вопрос о причинах его. Основное зло заключалось, по его мнению, в чрезмерном выпуске бумажных денег. Крестьяне, говорил он, не хотели менять хлеб на бумажки. Чтобы восстановить нормальный обмен, он предлагал оздоровить финансовое положение республики. В противном случае, говорил он, «наша свобода промчится, как гроза, и победа прозвучит, как удар грома. Если вы хотите основать республику, вы должны извлечь народ из состояния нищеты и необеспеченности, губящих его»².

2 декабря по вопросу о продовольственном кризисе выступил Робеспьер. Он говорил о том, что подлинная свобода торговли ничего общего не имеет с защитой интересов спекулянтов и крупных торговцев: «Необходимая для человека пища так же священна, как и его жизнь. Все нужное для сохранения этой последней составляет общее достояние всего общества, только излишек составляет частную собственность, только ее можно отдавать коммерсантам. Всякая спекуляция, произволимая в ущерб жизни себе подобных, есть не торговля, а разбой»³. Чтобы создать условия для действительно свободной торговли, Робеспьер предложил отказаться от невмешательства в торговлю: «Нало принять меры для определения количества зерна, производимого в каждой местности и собираемого каждым земледельцем, чтобы хлебные торговцы были обязаны продавать хлеб на рынке и чтобы воспретить ночную перевозку хлеба».

Робеспьер и Сен-Жюст несмотря на свое явное сочувствие страданиям народа оставили на этот раз без внимания требование народных масс о введении твердых цен; в их предложениях не было ничего, что помогло бы народным массам немедленно избавиться от увеличивающихся с каждым днем лишений. Когда в департаменте Бос рабочие, крестьяне и ремесленники, вооружившись чем попало, заставили торговцев ввести твердые цены, Конвент единодушно принял решение о подавлении движения вооруженной силой. Якобинцы поддержали

¹ Цит. по работе Mortimer-Ferguson «Histoire de la Terreur 1792—1794», pp. 371—398.

² Там же.

³ «Moniteur». Т. XIV, стр. 637.

решение Конвента. Из-за их колебаний народное движение осенью 1792 года потерпело поражение. Жирондисты отстаивали интересы крупной буржуазии.

Зима 1793 года была очень тяжелой: дороговизна и спекуляция возрастали с каждым днем. Так как Конвент отказался помочь народу в борьбе против голода, массы сами стали искать спасения от него. Еще весной 1792 года, когда с рынков исчезли сахар и кофе, священник Доливье выступил с утверждениями, что земля и ее продукты не могут быть индивидуальной собственностью и должны принадлежать народу. По мнению Доливье, народу принадлежало право устанавливать твердые цены на хлеб и другие предметы питания. Одновременно с Доливье начал агитацию за установление твердых цен почтовый чиновник Варле. В это же время лионез Ланж написал брошюру «Простые и легкие средства установить изобилие и справедливую цену хлеба». Он предлагал создать кооперацию фермеров-потребителей и под ее контролем скупить по средней цене весь урожай Франции. Для сохранения собранной жатвы, по предложению Ланжа, надо было устроить общественные магазины-зернохранилища, откуда хлеб под надзором государства распределялся бы по твердой цене по всей Франции.

Мысль о том, что государство должно положить предел свободной торговле и спекуляции хлебом, стала всеобщей среди народных масс Франции в 1792—1793 году. «Свобода хлебной торговли несовместима с существованием нашей республики»,— заявила делегация от избирателей Сены и Уазы Конвенту еще 19 ноября 1792 года. «Из кого состоит наша республика?—спрашивали делегаты.—Из небольшого числа капиталистов и большого числа бедняков. Кто занимается хлебной торговлей? Это небольшое число капиталистов»¹.

Требование закона об установлении предельных, твердых цен на хлеб и другие продукты питания, или, как тогда говорили, максимума, стало народным уже в конце 1792 года. В установлении максимума бедняки городов и деревень видели не только лучшее средство борьбы с дороговизной и голодом, но и средство избавления от нищеты; они думали, что максимум положит основание подлинному, действительному равенству.

Наряду с требованиями максимума большее распространение после революции 10 августа получило требование издания аграрного закона. Сторонники аграрного закона считали, что правительство должно

перedelать всю землю между общинами Франции таким образом, чтобы на долю каждого бедняка достался кусок земли и чтобы всякий владел только таким количеством ее, какое можно обработать своими руками, без помощи наемных рабочих. Еще в 1789 году многие крестьянские паказы требовали, чтобы никому не разрешалось снимать в аренду больше одной фермы и чтобы был установлен максимальный размер земли под каждую ферму. Зимой 1793 года это требование стало всеобщим среди деревенской бедноты, ненавидевшей богатых фермеров-спекулянтов. Таким образом, народные массы Франции своими требованиями уничтожения нищеты вывинули в ходе буржуазной революции конца XVIII века новые идеи, выведшие ее за пределы тех задач, которые она могла разрешить. Эти требования плебейских масс в конце XVIII века, когда дело шло о разрушении феодализма и создании буржуазного строя во Франции, могли быть только мечтой.

Своими социальными требованиями массы резко противопоставили свое понимание задач революции программе буржуазии. С зимы 1793 г. в развитии буржуазной революции Франции окончательно определились два направления: одно из них, буржуазно-либеральное, представленное жирондистами, стремилось остановить революцию и перенести все ее трудности на плечи санкюлотов, сделав их покорными исполнителями воли крупной буржуазии; другое, народное, вывинуло обширную программу социальных преобразований Франции. Это народное направление, буржуазно-демократическое в основе своей, не всегда, однако, совпадало с требованиями якобинцев, самых последовательных выразителей буржуазно-демократических стремлений революционной буржуазии Франции. В то время как якобинцы со времени революции 10 августа считали, что основная задача революции состоит в создании народной, демократической республики и укреплении демократических завоеваний, плебейские массы—рабочие, деревенские и городские бедняки—считали, что свобода—пустой призрак, если народ обречен на голод. Борьба со спекулянтами, борьба против нищеты—вопрос основное требование, вывинутое миллионами санкюлотов зимой 1793 года.

Эти требования городской бедноты отчетливо выразил Шометт в феврале 1793 года. «Бедняк.—говорил он,—так же, как и богатый, и больше богатых, совершил революцию. Революция, даровав богатому свободу, дала ему бесконечно много, эту свободу и равенство она даровала и бедняку, но ведь чтобы жить свободно, надо прежде всего иметь возможность существо-

¹ «Archives parlementaires» от 19 ноября 1792 года.

Марат на трибуне. С рисунка С. Пти.

вать, а если не существует разумной пропорции между заработной платой и ценами на предметы первой необходимости, то бедняк не может существовать»¹.

С зимы 1793 года в рабочих предместьях Парижа, Лиона и других промышленных центрах появились новые люди, заговорившие от имени народа: Жак Ру, Варле, Леклерк и другие.

Жирондисты называли их «бешеными». В Конвенте все были против них, но в Парижской и Лионской коммунах они имели много сторонников. Шометт и Пап (мэр Коммуны) им явно сочувствовали. Уже в начале 1793 года «бешеные» стремились согласовать свои действия; они пытались создать свой центр и установить связь между различными городами. Программа «бешеных» зимой и весной 1793 года включала следующие требования: 1) максимум (предельные цены) на все продукты первой необходимости, 2) введение прогрессивного налога, 3) создание национального продовольственного управления и 4) издание суровых законов против спекулянтов продовольствием.

Движение против спекуляции и дороговизны приняло в феврале—марте 1793 года такой грозный характер и настолько реальной стала возможность выступления масс против Конвента под руководством «бешеных», что обходить молчанием продовольственный вопрос Конвент больше не мог.

В апреле жирондисты внесли на обсуж-

дение Конвента проект конституции, ничего не дававший народу и создававший, по выражению Робеспьера, республику только для богатей, для скупщиков, для тиранов. Якобинцы были против него. Они представили свой проект конституции, в котором бесконтрольное право пользования частной собственностью ограничивалось определенной долей, регламентированной законом. Частная собственность в якобинском проекте конституции не должна была «наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни жизни, ни собственности наших ближних». Государство обязывалось оказать помощь нуждающимся и нетрудоспособным. Однако никаких гарантий для претворения в жизнь этих обещаний якобинский проект не давал. Частная собственность оставалась священной, как и в проекте жирондистов. Но проект якобинцев был продиктован стремлением обеспечить торжество демократических завоеваний народных масс в революции. Якобинцы были убеждены в том, что окончательное крушение феодального строя и создание буржуазно-демократической республики есть лучшая гарантия для того, чтобы на его развалинах они могли построить мир, в котором разум, справедливость, равенство, братство будут определять отношения между людьми.

Конвент отверг якобинский проект конституции. Тогда, чтобы заставить Конвент принять его, якобинцы объединились с «бешеными».

Как подлинныя революционеры, якобинцы, руководя массами, учились также у масс, прислушиваясь к их голосу. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными и передовыми классами своего времени»², — писал Ленин. Весной 1793 г. якобинцы под влиянием растущей спекуляции и народной нужды отказались от своего отрицательного отношения к максимуму. В апреле Робеспьер выступил против свободы торговли, которая, заявил он, «годна для обычного, а не для революционного времени».

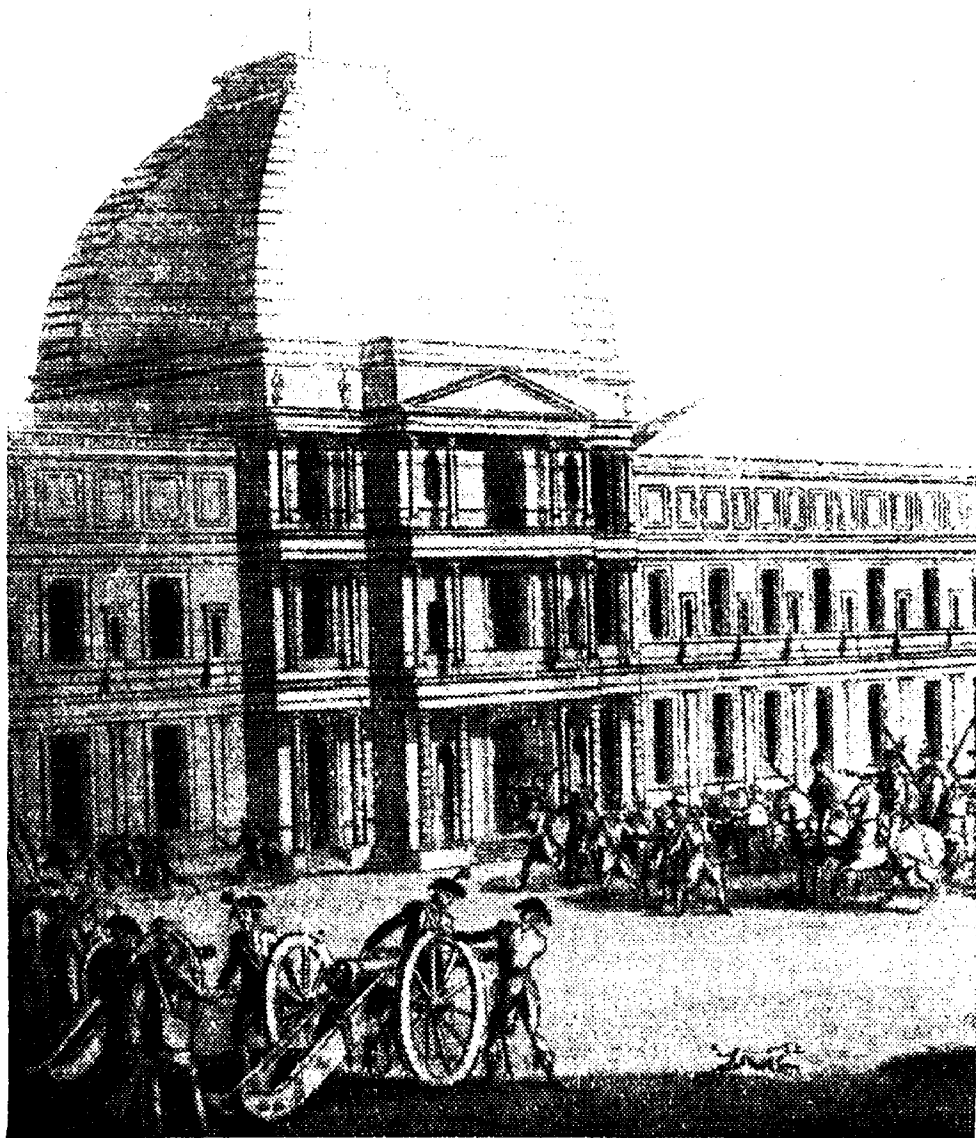
Весной 1793 года против жирондистов образовался сплоченный революционный фронт. Буржуазия и ее представители в Конвенте пришли в ярость. Жирондист Петион писал, обращаясь к своим избирателям в Париже: «Ваша собственность в опасности. Вы закрываете глаза на эту опасность. Над вами совершают насилия всякого рода, а вы терпите».

Это письмо прозвучало прямым призывом к выступлениям против народа. И в

¹ Альберт Матъез «Борьба с дороговизной...», стр. 124.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 435.

Жирондисты, покидая Конвент, нагалькиваются на пушки Национальной гвардии. 2 июня 1793 года. С гравюры Дюплесси.

самом деле, буржуазия всюду перешла в наступление. В Лионе местная буржуазия (еще в феврале) под руководством жирондистов объединилась с роялистами и захватила муниципалитет, где было очень сильно влияние якобинцев. Центральный клуб якобинцев был разрушен, статуя Ж.-Ж. Руссо сломана, дерево Свободы сожжено. Шалье, мэр Лионской коммуны, якобинец, человек редкой честности, стойко и беззаветно преданный революции, был отстранен от своего поста. Банды «золотой молодежи» стали хозяевами улицы. С апреля в Лионе началась настоящая гражданская война.

Таким образом, весной 1793 года крупная французская буржуазия окончательно отошла от революции и заключила союз с роялистами против народа.

На фронте к этому времени сложилось неблагоприятное для Франции положение. После казни Людовика XVI к коалиции против Франции присоединились Англия, Голландия, Сардиния, Пьемонт, Испания. Россия, хотя официально не объявила еще

Франции войну, прервала с нею всякие дипломатические отношения и помогала коалиции. Зимой 1793 года только Дания и Швеция, Швейцария и США сохранили нормальные дипломатические отношения с Францией. В марте в Париж пришли вести о поражении французских войск при попытке занять Голландию. Поражение в Голландии повлекло за собой изгнание французов из Бельгии. Французская армия оказалась в таком же положении, как осенью 1792 года, и Франция снова стояла перед непосредственной угрозой интервенции.

Поражение на фронте усилило надежды контрреволюционеров. Количество заговоров против революции увеличивалось с каждым днем. Объявление Конвентом в марте 1793 года набора в армию 300 тысяч человек послужило сигналом к контрреволюционному восстанию в Вандее—обширной области между Луарой и Бретанью. Весной в Вандее присоединилась Бретань.

Один депутат Конвента из провинции писал в марте 1793 года, что обществен-

ное дело находится на краю гибели. Богатые ненавидят его, бедные нуждаются в хлебе. Везде чувствуется усталость. Революция еще не сделана. Только самые быстрые и самые решительные меры могут еще спасти ее¹.

12 марта Дюмурье открыто восстал против Конвента. Он написал ему письмо, полное угроз. Шесть дней спустя он дал разбить себя австрийцам и потом вступил в переговоры с австрийским главнокомандующим Маком о совместных действиях против Парижа для восстановления конституционной монархии. В начале апреля Париж узнал об измене Дюмурье. Распространился слух, потом опровергнутый, что он увлек за собой армию. Ожидали, что она вместе с австрийской может появиться в Париже. Опасность реставрации опять нависла над революционной Францией. Под давлением нараставшего в массах нового патристического и революционного движения Конвент отстранил Исполнительный совет от ведения войны и организовал в апреле Комитет общественного спасения, поставив во главе его Дантона.

Измена Дюмурье сильно скомпрометировала жирондистов: Дюмурье был их ставленником, и его измена находилась в непосредственной связи с их борьбой против требований народных масс и с отходом крупной буржуазии от революции. 25 секций Парижа из 48 потребовали изгнания жирондистов из Конвента. Чтобы удержать власть, жирондисты согласились на издание закона о максимуме, и 4 мая Конвент принял решение о введении твердых цен на зерно (1-й максимум). Но дальше этого жирондисты по пошли.

Якобинцы предложили проект принудительного займа в один миллиард у богатых, чтобы одеть и снабдить армию. Прения по вопросу о займе показали, что жирондисты не допустят проведения его в жизнь. Они решили покончить со всякой, направленной против них оппозицией. 13 апреля Конвент принял решение об аресте Марата. Но народ слишком любил Марата, чтобы позволить жирондистам арестовать «друга народа». Суд его оправдал. Массы, обсыпав Марата цветами, отнесли его из суда прямо в Конвент. Этот день (23 апреля) жирондисты назвали днем траура.

С конца апреля заседания в Конвенте превратились в настоящие битвы не на жизнь, а на смерть, между жирондистами и монтаньярами. 16 мая жирондист Бюзо потребовал перенесения заседаний Конвента из Парижа в провинцию. Предложение это не прошло. Но Конвент принял в этот день другое предложение—о создании Ко-

миссии 12 для охраны общественного «спокойствия». В состав ее вошли одни жирондисты. Комиссия обрушилась на революционные центры Парижа, потребовала протоколов заседаний секций и стала проверять деятельность Коммуны. По ее приказу был арестован Эбер, помощник прокурора Коммуны; арестом Эбера жирондисты нарушили неприкосновенность народных представителей. Комиссия 12 хотела терроризировать санкюлотов и покончить с ростом революционной активности в Париже. В конце мая жирондист Пенар угрожающе заявил якобинцам: «Скоро станут некая на берегах Сены, действительно ли существовал Париж». Однако Комиссия 12 своими действиями только ускорила взрыв возмущения. Большинство секций Парижа примкнуло к «бешеным», и под их руководством был создан Комитет восстания, потребовавший изгнания и ареста вожаков жирондистской партии из Конвента. К Комитету присоединился также Якобинский клуб. Тогда движение против жирондистов возглавила Парижская коммуна.

Рано утром 31 мая с Собора парижской богородицы ударил набат, забил тревогу барабанщики. Народ стал собираться у Коммуны, улицы заполнились вооруженными батальонами. Но день прошел спокойно, и жирондист Верньо, видя, что восстание не развивается, предложил вынести секциям благодарность отечества. Вечером санкюлоты заполнили залы Конвента. Тогда Робеспьер потребовал ареста членов Комиссии 12 и отдачи под суд вожаков жирондистской партии. Но уничтожение Комиссии 12 было единственным результатом выступления масс 31 мая. Жирондисты остались у власти попрежнему. Тогда революционный комитет решил довести дело до конца. 1 июня Марат произнес в Парижской коммуне речь, в которой призывал народ действовать согласно своим интересам. Окруженный массами, восторженно выслушавшими его речь, он вышел из Коммуны на башню ратуши и ударил в набат. Вооруженные отряды немедленно стали собираться вокруг Коммуны. 1 июня, в 9 часов вечера, делегация Парижской коммуны опять пришла в Конвент и потребовала ареста 27 жирондистов. Набат гудел всю ночь. А на завтра утром, 2 июня, заседание Конвента началось с того, что приехавший из Лиона депутат Конвента огласил чрезвычайно тревожные известия. Жирондисты Лиона, объединившись с роялистами, опять начали мятеж, убили 800 якобинцев и избитого до полусмерти Шалье бросили в тюрьму.

Известие о лионских событиях решило исход дня. 100 тысяч вооруженных людей окружило Конвент. Но даже при этих обстоятельствах Конвент сделал попытку от-

¹ См. Альберт Матьез «Борьба с дороговизной...», стр. 127, 128.

стоять депутатов-жирондистов. По предложению Барера, депутаты Жиронды и часть депутатов Горы решили выйти на улицу в уверенности, что народ расступится перед своими депутатами и даст им дорогу. Но начальник Национальной гвардии, окружившей Конвент, Анрию командовал: «Канониры, к орудиям!» Депутаты вынуждены были вернуться обратно. После этого Конвент принял декрет об аресте и исключении из своих рядов 22 депутатов-жирондистов.

* * *

Революция 31 мая — 2 июня 1793 года устранила от власти представителей крупной буржуазии, еще весной этого года окончательно перешедшей в лагерь контрреволюции. Испугавшись социальных требований масс, не желая жертвовать своими частными интересами в интересах спасения революции в целом, крупная буржуазия и ее представители — жирондисты — готовы были отказаться от собственных завоеваний, предать свое собственное дело, дело буржуазной революции, и открыть границы неприятелю.

Политика жирондистов в Конвенте была политикой, выражавшей групповые интересы крупной буржуазии, а не общие интересы буржуазной революции. Вот почему жирондисты с весны 1793 года превратились в авангард роялизма. «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... — писал Энгельс. — Начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию... только эти плебей и совершили революцию»¹.

¹ Письмо Ф. Энгельса к К. Каутскому от 20 февраля 1889 года. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 42.

Участие в революции широких народных масс стало самым мощным рычагом для продвижения буржуазной революции к решению стоявших перед ней задач.

Марат в клубе якобинцев следующим образом определил цели революции 31 мая — 2 июня: «Мы хотим, чтобы граждане, которых зовут санкюлотами, пользовались счастьем и благосостоянием. Мы хотим, чтобы этому полезному классу помогли богатые по мере своих достатков. Мы не хотим нарушить право собственности. Но какое право собственности священнее других? Право на существование. Мы хотим, чтобы это право собственности было сохранено»². Марат заблуждался вместе с народными массами, когда думал, что можно будет обеспечить достаток для санкюлотов, сохраняя частную собственность. На самом деле значение революции 31 мая выразилось только в том, что она устранила с пути революции крупную буржуазию, мешавшую делу национальной обороны и борьбы с интервентами, делу упрочения буржуазных завоеваний революции.

После революции 31 мая — 2 июня у власти стали якобинцы, самые передовые и «решительные представители»³ революционной буржуазии Франции того времени. Ради спасения революции и мобилизации всех ее сил на борьбу с внешними и внутренними врагами французского народа якобинцы выполнили некоторые требования плебейских масс.

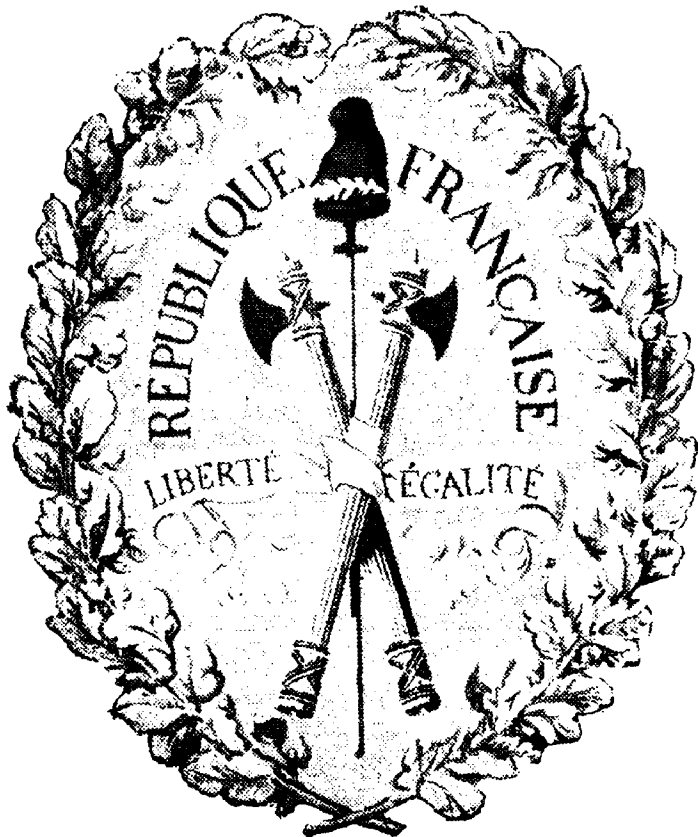
«Для того, чтобы буржуазия могла заплодотворить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»⁴, — указывал Энгельс.

² Протоколы Якобинского клуба под ред. Олара. Т. V, стр. 227.

³ Из постановления жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник 3 и 4-го классов и т. д.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 297.

С. Фрязинов

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ЛАГЕРЕ ЯКОБИНЦЕВ

1793—1794 годы

В лету 1793 года из Конвента изгнаны были виднейшие представители Жиронды, 22 из них были арестованы и заключены в тюрьму, другие жирондисты бежали в провинцию и там разжигали пламя мятежного «федералистского» движения. Вблизи к жирондистам Шарлоттой Кордэ был убит в Париже один из крупнейших вождей якобинцев—Марат.

Во Франции установилась якобинская диктатура, которая должна была разрешить крупнейшие задачи революции. Якобинцы установили твердую, сильную власть, беспощадную к врагам народа, и применили против сил контрреволюции «плебейские» методы борьбы.

Ленин отмечал, что «якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики»¹. Период существования якобинской диктатуры явился высшей фазой развития французской буржуазной революции XVIII века. Якобинцы разрушили узел феодальных отношений и освободили крестьянство от всяких феодальных повинностей, проявили революционную инициативу и решительность в деле коренной реорганизации армии и мобилизации

всех сил народа на борьбу с интервентами. Как самым фактом своего прихода к власти, так и своими успехами в борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции якобинцы, эти последовательные и решительные представители революционной буржуазии того времени, были обязаны тому, что они поддерживали тесную связь с народными массами. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»².

Но эта связь с массами, составлявшая главную силу якобинцев, не могла оставаться неизменной на протяжении всего периода существования якобинской диктатуры. По мере того, как в ходе революции обнаруживалась классовая буржуазная ограниченность якобинцев, их неспособность улучшить коренным образом положение городской и деревенской бедноты, в рядах последней зрело и развивалось недовольство против якобинцев.

Особенно сильное недовольство вызывали мероприятия якобинцев в области со-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 556.

² Там же, стр. 435.

циально-экономической и аграрной политики. Якобинцы установили максимум на заработок рабочего, оставили в силе закон Ле-Шапелле, запрещающий союзы рабочих и караваний рабочих за стачки, не обеспечили достаточно широкого наделения бедноты землей за счет национализированных имуществ, не заняли последовательной позиции в борьбе за максимум (твердые цены на продукты).

Все это с неизбежностью привело к тому, что и в отношении якобинцев чем дальше, тем сильнее давал о себе знать тот отличительный признак буржуазной революции, который отмечен товарищем Сталиным: «Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми».

Недовольство народных масс находило свое отражение в выступлениях левой части якобинцев, так называемых эбертистов.

1

Активную роль в установлении якобинской диктатуры сыграла группа «бешеных» с Жаком Ру, Варле и Леклерком во главе, выражавшая стремление и интересы рабочих парижских предместьев, плебейских элементов, занятых в ремесленных предприятиях Парижа.

Однако союз якобинцев и «бешеных» оказался недолговечным и уже осенью 1793 года распался: якобинцы, среди которых заметное место занимали представи-

тели мелкой буржуазии, были встревожены горячей революционной активностью «бешеных»: они боялись потрясения «бешеными» основ буржуазной собственности. В начале сентября 1793 года якобинскими властями был арестован виднейший вождь «бешеных» Жак Ру, который позже покончил с собой, подвергшись ложному обвинению в расхищении общественных сумм и предвзятой неминуемой гибели свою под топором гильотины; вслед за ним стали подвергаться арестам или вынуждены были отойти от политической жизни другие, более видные деятели движения «бешеных».

Движение плебейских масс Парижа, однако, не заглохло. Среди самих якобинцев нашлись люди, стоявшие на левом крыле этого социально-политического течения, которые возглавили движение масс. По имени своего крупного вождя Жака-Рене Эбера, издателя газеты «Отец Дюшен», представителей этого течения, тесно связанного с плебейскими массами, обычно называют эбертистами. Газета Эбера пользовалась до самого начала весны 1794 года огромной популярностью: ею зачитывались члены многих провинциальных отделений Якобинского клуба, тысячами возникавших даже в деревнях; ею увлекались революционно настроенные солдаты на фронтах; известны даже случаи, когда номера газеты перепечатывались на местах на собственные средства (присылавшихся из Парижа экземпляров не хватало).

В социально-политической платформе Эбера многое воспроизводило требования «бешеных», так что между эбертистами и «бешеными» вряд ли возможно провести

Арест жирондистов.

С рисунка Монне.

Максимилиан Робеспьер.

четкую грань; и эбертисты и «бешеные» совместно выступали в начале сентября 1793 года перед Конвентом, и многие из рядовых «бешеных», лишившись осенью 1793 года своих вождей, перешли в ряды эбертистов. Для обоих течений характерны те же требования расширения и беспощадного проведения максимума, та же страстная враждебность к владельцам крупных состояний и спекулянтам, та же горячая ненависть и призывы к решительному применению террористических мер по отношению к спекулянтам и контрреволюционерам. У Эбера напрасно было бы искать четких формулировок его политической платформы, не даром о нем и о других, близких к нему по настроению деятелях Парижской коммуны (органа городского самоуправления французской столицы, игравшего крупную роль в революции) Энгельс заметил в одном из своих писем: «Чего они хотели, никто сказать не мог, до тех пор, пока Бабеф, спустя долгое время после падения Коммуны, не придал этому определенной формы»¹. Однако умение Эбера отзываться в своей газете на насущные вопросы текущего политического момента делало его широко популярным, выдвигало его в ряды крупнейших представителей революционной публицистики того времени, подымало до положения вождя целого политического течения.

¹ Письмо Энгельса к Кауцкому. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 43.

Среди вождей эбертизма был, однако, человек, социально-политические стремления которого носили более отчетливый характер чем у основной массы эбертистов и «бешеных»: это был Анаксагор Шометт, один из руководителей Парижской коммуны. Наставляя, подобно другим эбертистам, на беспощадном применении террористических мер в отношении к спекулянтам и на безусловном проведении максимума, Шометт в то же время выдвигал более цельную программу мероприятий, основной задачей которых должно было являться улучшение положения плебейских масс; сюда входили и мероприятия благотворительного характера: организация общественных работ и выдача пособий нуждающимся и меры по распространению народного образования; сюда отнесены и ряд мер иного свойства — обложение состоятельных людей в усиленном размере, что дало бы возможность частично освободить от налога немущую бедноту, обеспечение малоимущим гражданам права на голосование при выборах в органы городского самоуправления, наделение бедняков землей за счет национальных имуществ и владений противников революции, даже отобрание в собственность государства предприятий у хозяев, вступавших на путь сокращения производства и торговли. Очень ярко сказывалась у Шометта еще одна черта — страстная ненависть не только к контрреволюционному католическому духовенству, но и к самой католической религии.

Крупнейшие вожди эбертизма располагали не только поддержкой широких плебейских масс, но и целым рядом своего рода опорных пунктов в Париже: всецело под их влиянием находилась Парижская коммуна, в которой Шометт и Эбер занимали руководящие должности прокурора и его помощника; за них стояли некоторые секции — районы Парижа, плебейские по своему составу населения (секции Марата, Муция Сцевола); одним из объединяющих центров эбертистов являлся в рассматриваемый нами период Клуб кордельеров — «веревочников», — заседавший в помещениях упраздненного монастыря нищенствующих монахов, полоясывавшихся веревками; немало эбертистов служило в военном министерстве.

К осени 1793 года достиг огромного обострения продовольственный кризис в Париже; в самом начале сентября 1793 года контрреволюционной жирондистской буржуазией был предательски слан англичанам Тулон; весть об этом произвела в Париже потрясающее впечатление; между тем робеспьеристский Комитет общественного спасения откладывал судебные процессы находившихся в заключении коро-

левы Марии-Антуанетты и 22 арестованных в начале июня 1793 года жирондистских депутатов Конвента.

В этих условиях парастающего недовольства народных масс эбертисты, не ограничиваясь отдельными выступлениями в Конвенте и Якобинском клубе, стали искать выхода в революционной массовой демонстрации, в проведении которой Эбер и Шометт сыграли большую роль, выступая глашатаями требований плебейских масс Парижа. 5 сентября 1793 года революционные массы Парижа подступили к Конвенту и, оценив его, предъявили ему ряд требований, на удовлетворение которых Конвент вынужден был пойти. Для осуществления реквизиции продовольствия в деревнях с целью лучшего снабжения Парижа были созданы своего рода продовольственные отряды, получившие наименование «Революционной армии»; во главе последней был поставлен эбертист Ронсен; в лице этих отрядов была создана военная сила, которой распоряжались эбертисты; значительно расширен был состав Революционного трибунала—чрезвычайного революционного суда; он был разделен на шесть секций, каждая из которых в отдельности разбирала политические процессы, так что революционное судопроизводство ускорилося, а этим самым применение террора фактически усилилось. Около того же времени принят был ряд мер, направленных к улучшению дела обороны революционной организации от иностранной интервенции: был издан декрет о призыве в армию холостяков в возрасте от 18 до 25 лет, точно определен порядок платежей по принудительному займу, ложившемуся в первую очередь на состоятельных людей, окончательно урегулированы были твердые цены на зерновые продукты, а затем установлен общий максимум на предметы потребления; принят был ряд мер для прекращения торговли с Англией, непримиримым врагом революционной Франции, и для поощрения французского торгового мореплавания; частично обновлен был высший командный состав революционных армий на фронтах. Полномочия Комитета общественного спасения были усилены в сторону превращения его в центральный орган революционной власти: он получил официальное право выдвигать списки кандидатов в другие комитеты Конвента. Самый состав Комитета общественного спасения был пополнен двумя политическими деятелями, близко стоявшими к эбертистам.—Бильо-Варенном и Колло д'Арбуа. В октябре 1793 года в Революционном трибунале поставлены были процессы королевы Марии-Антуанетты и 22 жирондистских депутатов; обвиняемые были присуж-

Жак-Рене Эбер.

дены к смертной казни. Эбертисты, таким образом, добились удовлетворения своих основных требований: укрепления революционной власти и революционной армии для решительной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией и спекуляцией. Сам Робеспьер должен был заявить, что народ прав в своей мести и в своих требованиях, предъявленных во время сентябрьского выступления эбертистов и «бешеных». Но дальнейший рост революционного движения в массах, руководимых эбертистами, пугал его: максимум он принимал, лишь скрепя сердце.

В то время, как Робеспьер шел на уступки под давлением плебейских масс Парижа, толкавших своими выступлениями революцию вперед, представители более правого, оппортунистического течения среди якобинцев, получившие по имени своего руководителя название дантонистов, придерживались совершенно другой тактики. Жорж-Жак Дантон, выдающийся организатор, сыгравший крупнейшую роль на предыдущем этапе революции, был настроен весьма оппортунистически. Стоявшие за Дантоном «нувориши» (новые богачи), разбогатевшие в ходе революции на спекуляциях с национальными имуществами и военных поставках и еще раньше помышлявшие о примирении с жирондистами, тянулись к соглашению со старой торгово-промышленной буржуазией, представлявшей собой основную силу Жиронды. Во имя приумножения буржуазных состояний дантонисты готовы были пойти на прекращение террора, ударявшего по спекуляции, а это прекра-

щение террора было осуществимо лишь при условии примирения с внешними врагами революционной Франции, к чему и стремились дантоисты.

Сам Дантон отнюдь не блистал честностью—ни политической, ни личной,—не брезговал вступать в весьма подозрительные закулисные сношения с агентами иностранных держав, в частности по вопросу о спасении за хорошее вознаграждение короля Людовика XVI в период процесса последнего; он сожалел о невозможности спасти жизнь королевы Марии-Антуанетты, так как ее казнь затрудняла примирение революционной Франции с монархической Европой. Очень ярко сказывалось у Дантона корыстолюбие, доходившее до продажности; далеко не безгрешен был он и в отношении спекуляции национальными имуществами.

В отношении к эбертистским требованиям Дантон занял явно предательскую позицию, приспособляясь к эбертистскому движению с намерением при первой возможности подавить его. К осени 1793 года Дантон кажется настроенным решительно: совет не делать больше уступок врагам революции, быть грозными, опустить меч закона на головы внутренних заговорщиков, полностью удовлетворить народные требования. Но в это же время он проводит через Конвент постановление об ограничении числа общих собраний парижских секций двумя в неделю, что означало ограничение политической активности секций. Дантон ловко замаскировал его одно-

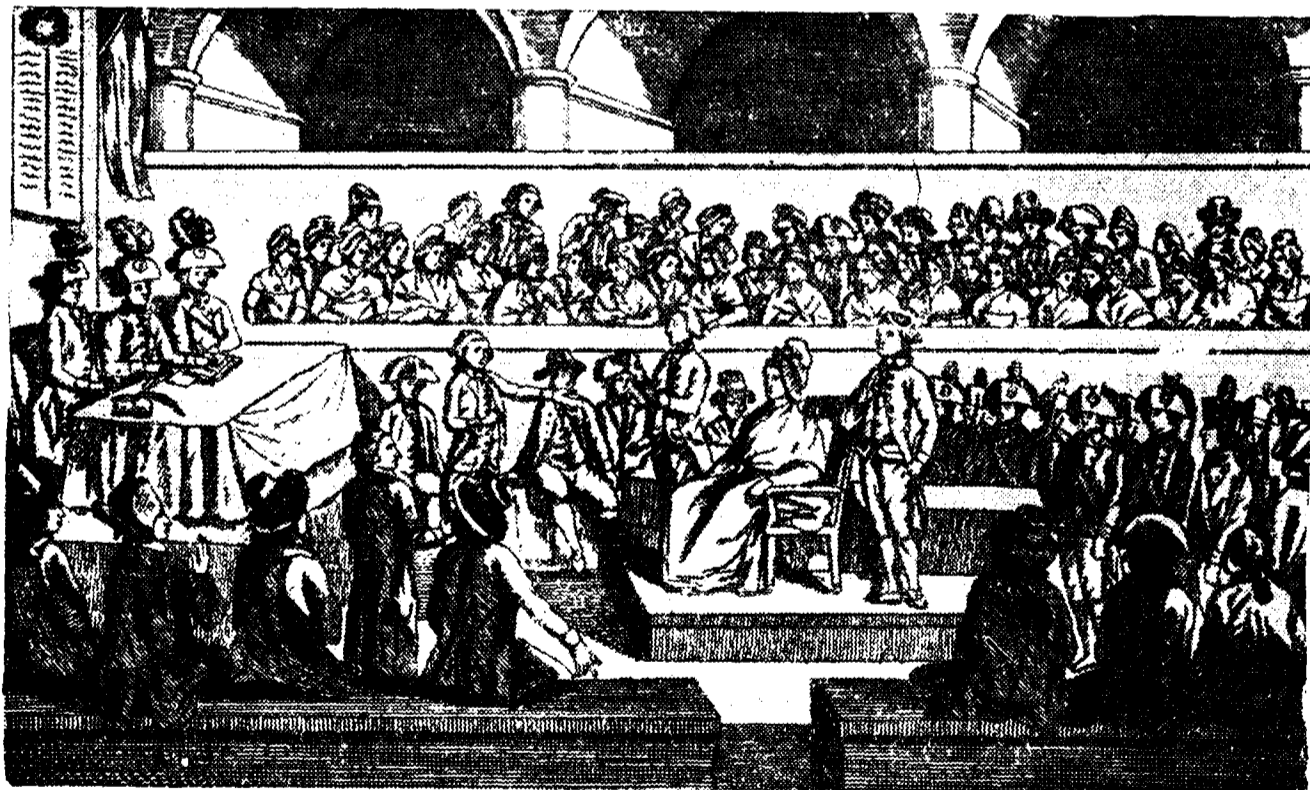
временным предложением о введении платы маломужских граждан за посещение этих собраний.

Но плебейские массы Парижа очень скоро поняли смысл постановления о секционных собраниях: в некоторых секциях стали раздаваться голоса, что «санкюлоты делали и поддерживают революцию не за плату», с сентября 1793 года в Париже начали массами возникать «секционные общества»—политические клубы, заславшие нередко в тех же помещениях общих собраний секций в свободные от других заседаний часы. Эти секционные клубы, тесно связанные с Парижской коммуной, сделали одним из могущественных противников влияния эбертистов в Париже.

После сентябрьского выступления влияние эбертистов широко распространилось и в провинции: и там местами начали создаваться для реквизиции продовольствия «революционные армии», и там эбертистски настроенная часть конвентских комиссаров—депутатов Конвента, осуществлявших под руководством Комитета общественного спасения революционную диктатуру на местах,—беспощадно применяла террористические меры против врагов революции.

2

Одним из актуальных вопросов французской политической действительности, вокруг которого развернулась осенью 1793 года борьба различных течений среди якобинцев, был вопрос о так называемой

Мария-Антуанетта («Вдова Капет») перед Революционным трибуналом.

С гравюры того времени.

дехристианизации—об отходе от католической церкви и даже от христианской религии вообще.

«Дехристианизация» была в тогдашней обстановке вполне естественной и закономерной: ведь католическое духовенство проявило себя в период революции как контрреволюционная политическая сила. Одна часть его, которую называли «неприсяжным» духовенством, выступила против постановлений государственной власти еще в период Учредительного собрания, когда последнее приняло так называемое гражданское устройство духовенства, устанавливавшее избрание духовных лиц политически полноправными — «активными» — гражданами и провозгласившее церковные земли «национальными имуществами». Папа римский отказал «гражданскому устройству духовенства» в своем признании, и во имя сохранения связи со своим духовным главой значительная часть духовенства Франции отказалась дать присягу (отсюда и название «неприсяжного» духовенства) в подчинении установленному государством новому церковному устройству. В дальнейшем ходе революции эта часть духовенства все более переходила в стан контрреволюции и, используя религиозные настроения отсталой части крестьянства, разжигала восстание в Вандее.

Но не меньшие опасения вызывало поведение и другой части духовенства, так называемого «присяжного», или «конституционного», духовенства. Многие его представители присягнули в признании «гражданского устройства духовенства» лишь из страха пред репрессиями или из боязни лишиться предоставляемого государством содержания, но оставались врагами революции и активно поддерживали жирондистское, контрреволюционное движение.

От борьбы с духовенством многим участникам революции нетрудно было сделать дальнейший шаг—в направлении к борьбе с самой религией.

Одним из первых вопросов, вставших перед Конвентом в связи с проведением «дехристианизаторской» политики, являлся вопрос о «революционном» календаре, поставленный уже в сентябре 1793 года. Еще до выработки этого календаря Шометт в начале октября предлагал Парижской коммуне принять календарь, составленный известным тогда в Париже атеистом Сильвем-Маршалем. Работа по выработке календаря попала, однако, в руки дантонистов Конвента, оппортунистически примкнувших к антицерковному движению. Главным составителем проекта нового летосчисления сделался поэт Фабр д'Эглантин, нашедший в работе над проектом известное применение своим литературным дарованиям. Календарь давал новые наименования месяцам (брюмер — месяц туманов, нивоз — месяц сне-

Шометт.

га, прерналь — месяц лугов, термидор — месяц жары и т. п.), связанные с характерными чертами тех времен года, на которые приходился тот или иной месяц; отдельные дни получили названия цветов, плодов, сельскохозяйственных животных и орудий и других общепользованных предметов (незабудки, винограда, лошади, бороны, железа и т. д.); в календаре найдла себе известное применение и десятичная система: днем отдыха являлся не каждый сельмой, а каждый десятый день («декады»); исходным моментом нового летосчисления, началом революционной эры, объявлялся день провозглашения во Франции республики, и этим подчеркивалось не только антицерковное, но и революционно-патристическое значение нового календаря. Принятый Конвентом в ноябре 1793 года, новый календарь усиленно насаждался затем на местах конвентскими комиссарами.

Но «дехристианизаторское» движение пошло значительно дальше введения в жизнь нового календаря, и некоторые комиссары Конвента на местах и Коммуна в Париже в особенности энергично углубляли «дехристианизаторскую» работу.

Главным вдохновителем «дехристианизаторской» работы в Париже был Шометт. Руководимая им Коммуна ограничила проявления культа на улицах Парижа, изъяла много церковных ценностей, установила гражданский обряд похорон, осуществила сожжение мощей св. Женевиевы. За этими мероприятиями последовало общее закрытие в Париже храмов всех исповеданий, постановление о котором принято было Коммуной 23 ноября 1793 года. Антирелигиозная деятельность связывалась у Шометта с мероприятиями благотворительного характера, направленными на облегчение положения парижских плебейских масс: за счет изымаемых церковных ценностей он испрашивал у Конвента аванс на содержа-

Бильо-Варенн.

ние немущих граждан и на обеспечение их работой.

Ликвидация в Париже старых культов, в первую очередь самого распространенного из них — католического, связывалась с насаждением нового культа — культа Разума, горячими пропагандистами которого выступали эбертисты. 10 ноября 1793 года в Соборе парижской богородицы, превращенном по этому случаю в храм Разума, совершенно было пышное празднество в честь нового божества при участии артистки, выступавшей олицетворением свободы, сопровождавшееся пением гимнов в честь Разума; празднество происходило в присутствии многих членов Конвента, и олицетворявшая свободу женщина в сопровождении целой толпы зрителей явилась в Конвент и удостоилась приветствий со стороны его президиума. Культ Разума сочетался с культом природы, получил в известной мере пантеистический характер. Из Парижа он стал широко распространяться по департаментам, сливаясь там по преимуществу с культом революционного отечества, с празднествами революционного характера; он получил ярко выраженный патристический отпечаток, особенно в тех местностях, которые находились под угрозой со стороны внешней или внутренней контрреволюции.

Через неделю с небольшим после празднества торжественно отрекся в Конвенте от своих церковных функций и надел на голову трехцветный «колпак свободы» парижский «конституционный» епископ Го-

бель; вслед за ним отреклось еще много представителей духовенства в Париже и провинции, а многие духовные лица как до, так и после этого вступили в брак добровольно или по принуждению местных органов революционной власти, нарушая тем самым старинные церковные предписания о celibate — обязательном безбрачии духовенства.

«Дехристианизаторская» работа эбертистов тревожила, однако, Робеспьера; он готовился задержать проведение в жизнь революционного календаря, но не смог или не успел этого сделать; еще в большей мере он опасался насаждения культа Разума. Этому культу, который проповедывали энциклопедисты, чуждо было представление о боге как о верховном существе. Робеспьер же являлся горячим последователем Руссо с его деистической идеологией, исходившей из признания существования бога в виде верховного существа. Вера в существование такого бога представлялась Робеспьеру наилучшим блюстителем частной собственности; идея будущего суда божьего над людьми и загробного блаженства имела в его глазах определенное социальное значение: бедноту важно было удержать от посягательств на собственность и внедрить в ее сознание в виде утешения идею посмертного воздаяния за понесенные на земле страдания. Робеспьер также опасался «дехристианизаторской» политикой оттолкнуть от революции широкие массы крестьянства, затруднить замирение мятежной Вандеи и еще более восстановить против революционной Франции феодально-монархическую Европу.

В силу этого Робеспьер склонен был рассматривать «дехристианизаторов» как «агентов Питта», главы английского правительства, как контрреволюционных заговорщиков, умышленно осложнявших революционную обстановку. В одной из своих речей он прямо заявил, повторяя Вольтера, что если бы бога не было, его нужно было бы выдумать, что идея бога в высшей степени демократична, тогда как атеизм является аристократичным, что насильственные меры против религиозного фанатизма способны лишь сильнее разжечь его. Шометту и Эберу пришлось к началу зимы забить отбой, и религиозный культ в некоторых местах Парижа и провинции продолжал отправляться, а в начале декабря 1793 года Конвентом принят был специальный декрет, воспрещавший «всякие насилия или угрозы, противные свободе культа»¹.

В своем выступлении против «дехристианизации» Робеспьер встретил поддержку со стороны переменивших позицию данто-

¹ «Moniteur». Т. XVIII, р. 600.

нистов, к началу зимы 1793 года все более начавших сближаться с робеспьеристами. Дантон, вернувшийся в Париж после довольно продолжительного пребывания на родине, выступил против «дехристианизации» и энергично потребовал и добился от Конвента постановления, воспрепятствовавшего появлению в зале его заседаний процессий, пародировавших служителей католического культа и католические религиозные обряды.

3

Борьба течений среди якобинцев, происходившая вокруг вопроса о «дехристианизации», естественно, связывалась с другими кардинальными вопросами, разделявшими эти течения, и прежде всего с вопросом о пределах приумножения буржуазной собственности: не даром Робеспьер ценил божеество отчасти как охранителя этой собственности.

Эбертисты готовы были ограничить накопление собственности узкими рамками: в одном из заседаний Якобинского клуба в середине октября 1793 года эбертист Брише заявил, что можно казнить как спекулянта каждого богатого фермера, а эбертистски настроенные комиссары Конвента, например Лалланш в Орлеане и Бурже, беспощадно облагали контрибуциями на революционные или благотворительные цели (расходы якобинских клубов, закупку продовольствия, выдачу пособий немущим, прежде всего семьям призванных в армию) живших дворян и всяких состоятельных

...люционный календарь. 1793 год.
...юра Дебюкура.

Колло д'Арбуа.

людей. Эбертисты считали необходимым применение террористических мер к нарушителям закона о максимуме и высказывали пожелания, чтобы производившие реквизиции продовольствия отряды «Революционной армии» сопровождала гильотина.

Эти предложения были вызваны тем, что деревенская буржуазия оказывала сопротивление максимуму яростное сопротивление, а распродажа национальных имуществ широко использовалась ею для укрепления своего материального положения: так например в одном только Северном департаменте (главный город Лилль) зажиточные слои крестьянства, не составлявшие и 5% всех покупателей-крестьян, приобрели почти 50% всей купленной крестьянством земли. Известен случай, когда в Шомонском дистрикте (округ на востоке Франции) некий зажиточный крестьянин Деклерк-младший прямо заявил властям, что законы вообще не исполняются и что он лично весьма мало с ними церемонится, что масса хлеба нелегальным путем утекает из округа и что он хочет быть хозяином своего товара; если же кто недоволен его ценой, может не покупать—пусть подыхает с голоду, а он больше никому не проает хлеба.

Обязанные по закону о максимуме делать декларации об имеющихся у них хлебных запасах, состоятельные крестьяне всячески прятали хлеб, и власти вынуждены были производить у них обыски и иногда (хотя бы в том же Шомонском дистрикте осенью 1793 года) обязывать более состоятельных владельцев хлебных запасов обеспечивать хлебом своих немущих односельчан. В упомянутом уже Северном департаменте

Камилл Демулен.

власти дистрикта Берг распорядились арестовывать по 1—2 состоятельных земельных собственника на каждую коммуну (сельскую общину) в случае невыполнения нарядов на поставку хлеба, подлежавшего реквизиции.

Понятно, что в проведении подобной политики представители власти встречали обычно поддержку деревенской бедноты, иногда указывавшей властям на тех, у кого имелись скрытые запасы хлеба. Однако самые органы власти на местах нередко оказывались не в руках бедноты, и тогда строгое проведение максимума ослаблялось. Мало того, ради обеспечения производства сельскохозяйственных работ органы революционной власти нередко прибегали к реквизициям рабочей силы, к принудительному наряду деревенских бедняков на работу по твердой таксе (в 1,5 раза выше цены 1790 года), которая при трудности получения продуктов по нормированной цене оказывалась явно недостаточной. Не удивительно, что сельскохозяйственные батраки иногда резко выражали свое недовольство и, например, в том же Бергском дистрикте в октябре 1793 года молотильщики прибегли к своеобразному саботажу, оставляя после молотбы в снопах до половины зерна. Словом, борьба вокруг максимума происходила не только в Конвенте и Якобинском клубе, но получила гораздо более широкий характер, переходя в острую классовую борьбу в городе и деревне.

Эбертисты отстаивали усиление террора по отношению к контрреволюционным эле-

ментам; близкий к эбертистам Бильо-Варени, например, доказывал в Конвенте во время процесса 22 жирондистских депутатов, что в свидетелях по этому делу вообще нет надобности и подсудимые должны быть просто казнены как заговорщики.

Робеспьеристы совсем не склонны были пойти так далеко: Сен-Жюст на фронте, в Страсбурге, производил реквизиции обуви у имущих слоев населения для нужд армии, но он не склонен был возводить эти реквизиции в принцип, а действовал скорее в силу необходимости; и максимум робеспьеристы принимали лишь под напором плебейских масс. Ход процесса жирондистских депутатов робеспьеристы ускорили, предоставив постановлением Конвента присяжным право прекращать дальнейший допрос свидетелей после трехдневного разбирательства дела, если вопрос для них уже достаточно ясен, но они не решились совсем упразднить этот допрос. Робеспьер, характеризуя в одном из своих докладов в Конвенте «принципы революционного правительства» и доказывая необходимость такого правительства, в то же время заявлял, что оно «должно приближаться к обычным нормам поведения во всех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы»¹.

Осенью 1793 года между эбертистами и робеспьеристами обозначились резкие разногласия по вопросам внешней политики. Часть эбертистов отстаивала идею революционной войны до объединения вокруг революционного французского народа других народов Европы, освобождающихся от своих правительств, и расширения французской территории до пределов древней Галлии. Энгельс отметил в одном из своих писем дальнейшую судьбу этих планов революционной войны: «Партия войны беспощадной (à outrance), войны за освобождение народов, оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия сама давно обезглавлена»².

Робеспьер относился сугубо подозрительно к подобным планам эбертистов. Он не считал возможным порывать экономические связи Франции с теми странами, с которыми они еще поддерживались, не хотел расширять фронт выступавшей против Франции европейской коалиции, стремился закрепить дружественные отношения Франции с Соединенными штатами Америки и Швейцарией, странами, более близкими Франции по своему социально-политическому строю.

¹ P. Mautouchet «Le gouvernement révolutionnaire», p. 262.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 363. Под ред. В. Адоратского. 1931. 4-е изд.

Декретом Конвента, изданным в середине ноября 1793 года, Французская республика подчеркивала свое намерение «уважать и заставлять уважать территорию всех нейтральных или союзных наций»¹.

Если с большинством противников Франции Робеспьер готов был пойти на примирение, то к Англии и главе ее министерства — Питту — он относился резко враждебно. В лице Питта он видел вдохновителя контрреволюционных заговоров и питрий в самой Франции.

4

Совершенно на иных позициях и в вопросе о пределах накопления собственности, и в вопросе о терроре, и в вопросах внешней политики стояли осенью 1793 года Дантон и его последователи. Дантон вращался в кругу финансовых дельцов и спекулянтов, нередко связанных с иностранными державами — врагами революционной Франции. Состав этих темных дельцов и аферистов был очень пестрым: они принадлежали к различным народностям и занимали неодинаковое социальное положение. В окружении Дантона и его ближайших друзей мы видим и иностранных банкиров Перрего, Проли, Симона, Бойда и других, спекулянта ромом депутата Конвента Робера, и австрийских дворян-евреев — двух братьев Фрей, и одного из деятелей Якобинского клуба — французско-винооторговца Дефье, и деклассированного испанского гранда (знатного дворянина) Гузмана, и немало других, не внушавших доверия людей.

Самой яркой фигурой в этой спекулянтской компании являлся барон де Батц, когда-то член Учредительного собрания, связанный с двором и эмигрантскими кругами, ставший крупнейшим деятелем «Индийской компании», обладавшей в течение долгого времени монопольным правом торговли с Ост-Индией. Постановлением Конвента эта компания подобно многим другим была объявлена подлежащей ликвидации. В связи с этим и выступили в роли «посредников» некоторые близкие к Дантону депутаты Конвента: Делоне, Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, Фабр д'Эглантин. Они получили от компании крупную взятку за предоставление ей возможности ликвидироваться самой под наблюдением правительственных агентов, вместо того чтобы подвергнуться ликвидации через посредство уполномоченных революционной власти. Декрет Конвента о ликвидации компании был дан в печать без надлежащего просмотра, в измененной заинтересованными депутатами редакции, и за-

¹ «Moniteur», Т. XVIII, р. 448.

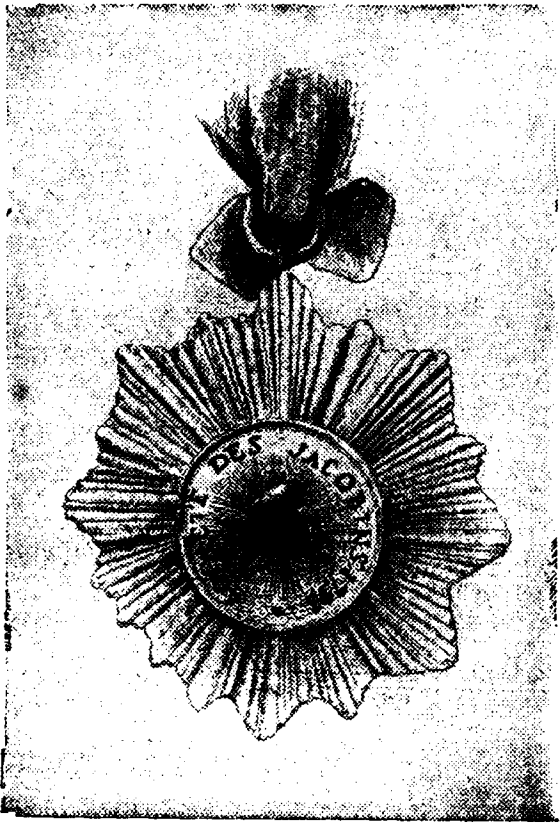

Дантон.

правила компании с де Батцем во главе получили возможность уклониться от внесения части причитавшихся с нее платежей государству.

Мошенничество, однако, обнаружилось, когда Фабр д'Эглантин, чтобы отвести подозрения от себя, сделал пленам Комитетов общественного спасения и общественной безопасности донос о существовании в Париже целого «инострального заговора», участники которого, по его заявлению, занимались не только спекулятивными операциями, но и шпионской работой в интересах иностранных держав — врагов Франции. Дело вызвало громкий скандал. Началось расследование, в некоторых показаниях фигурировало имя Дантона, а кое-кто из обвиняемых (например, Перейра) был близок также к вождям эбертизма. Ни Дантона, ни Эбера к делу, однако, не привлекли, но об уликах против Дантона вспомнили во время процесса дантонистов.

Сообщения об «иностральном заговоре» вынудили Дантона, отправившегося было на родину и занявшегося там разного рода прибыльными операциями с целью увеличения своего состояния, возвратиться в Париж. Общая политическая обстановка теперь успела существенно измениться, и прежде всего значительно изменилось к лучшему внешнее и внутреннее положение революционной Франции: на Рейне, на бельгийской и испанской границах армии революции одержали ряд побед, на юго-востоке была занята Савойя, были сокрушены контрреволюционные восстания в Лионе и Тулоне, мятежникам в Вандее был нанесен ряд тяжелых ударов. Теперь,

Медаль Якобинского клуба.

казалось дантонистам, наступило время, когда должен быть смягчен террористический режим, когда должны быть устранены стеснения на пути к увеличению буржуазных состояний.

Понимая, что необходимым условием для смягчения террористического режима являлось прекращение внешней войны, Дантон выдвигает лозунг мира, мира во что бы то ни стало. Эта позиция по вопросам внешней политики не являлась новой для Дантона: закулисные переговоры о прекращении войны велись им через секретных агентов с иностранными государствами значительно ранее, когда он находился в министерстве и во главе Комитета общественного спасения. Теперь, в начале 1794 года, Дантон знакомился с секретными письмами некоего Майльза, агента Питта, выдвигавшего план устройства мирной конференции в Швейцарии. Энгельс указывает, что «Дантон хотел мира с Англией и английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов получить власть». Между Робеспьером и Дантоном установилось временное сближение на почве борьбы со сторонниками Парижской коммуны. «Оба были противниками Коммуны и добивались прежде всего свержения тех людей, которые желали войны для революционной пропаганды и распространения по всей Европе республиканского строя»¹.

Стремления дантонистов добиться прекращения террора получили наиболее

определенное выражение в литературной деятельности крупнейшего дантонистского публициста — Камилла Демулена. В декабре 1793 и январе 1794 года он выпускает один за другим шесть номеров основанной им газеты «Старый кордельер». Самый заголовок газеты был симптоматичен: Демулен напоминал о тех временах, когда кордельеры шли еще не за эбертистами, а за Дантоном. К эбертистам Демулен выражал в своей газете страстную ненависть, обвинял их в связях с врагами революционной Франции, выдвигал обвинения лично против Эбера, громил Парижскую коммуну. В то же время он льстил Робеспьеру и расточал ему похвалы.

Однако это сближение дантонистов с робеспьеристами намечалось далеко не по всем пунктам, и нередко Демулен высказывал взгляды, совершенно расходившиеся с политикой революционного правительства, возглавлявшегося Робеспьером: он горько жаловался на то, что депутаты не пользуются свободой мнений в Конвенте и что во Франции нет свободы печати; он готов был поставить в последнем отношении в пример Франции даже Англию Питта. Он требовал скорейшего устранения стеснений экономического оборота, а в политическом отношении — возможно быстрого перехода к конституционному режиму на основе введения в действие конституции 1793 года.

Основным требованием, выдвигавшимся в политической публицистике Демулена в это время, было признание безусловной необходимости прекращения революционного террора.

Публицистические выступления Демулена, по существу, приобретали явно контрреволюционный характер, и не даром среди плебейских масс Парижа его газета получила прощупанное прозвище «Состарившегося кордельера». И в самом деле, противниками революции номера газеты Демулена раскупались нарасхват.

Робеспьер долго щадил Демулена и дантонистов вообще: они были нужны ему в первую очередь для того, чтобы с их помощью сокрушить эбертистов, которым порой удавалось одерживать политические успехи и поздней осенью и зимой 1793 и в начале 1794 года. Достаточно будет указать, например, на то, что в половине ноября 1793 года эбертисты добились исключения из Якобинского клуба дантониста Тюрио, в начале января они настояли на исключении из клуба ряда видных дантонистов: Филиппо, Фабра д'Эглантина, Бурдона из Уазы — и едва не добились исключения Демулена; в начале февраля они настояли на освобождении арестованных революционными властями двух видных своих деятелей — Ронсена и крупно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 362.

го работника военного министерства Венса; и на местах, среди конвентских комиссаров и в якобинских клубах, эбертистские настроения сказывались довольно сильно.

Когда в ряде заседаний Якобинского клуба в декабре 1793 года и январе 1794 года был остро поставлен вопрос о статьях Демулена и его газете, Робеспьер пытался защищать Демулена, указывая на то, что он искренно любит свободу и является лишь заблуждающимся; он пытался в Якобинском клубе и в Конвенте отвлечь внимание в сторону эбертистов, указывая, что именно они представляют серьезную опасность; он признавал возможным ограничиться в отношении к Демулену лишь сожжением прикримпнируемых ему номеров его газеты, не принимая репрессивных мер в отношении к нему самому. Лишь после того, как Демулен запальчиво возразил, что «сечь — не значит ответить», Робеспьер вынужден был со всей резкостью обрушиться на него, подчеркивая, что и дантониисты и эбертисты ставят своей целью привести республику к гибели, добиваясь роспуска Конвента. Однако даже после этого принятое было якобинцами постановление об исключении Демулена из состава клуба было отменено — и как раз в результате защиты Робеспьера.

Однако сближение робеспьеристов и дантониистов оказывалось непрочным, и робеспьеристы все более чувствовали себя между двумя группировками — эбертистской и дантониистской, из которых, по образному выражению Робеспьера в одной из февральских его речей 1794 года в Конвенте, «одна хочет обратить свободу в вакханку, другая — в проститутку»¹. Неминуемым становился разрыв робеспьеристов не только с эбертистами; но и с дантониистами, близко было падение тех и других.

5

Говоря о падении эбертистов, Энгельс видит одну из основных предпосылок его в коренном изменении внешнего положения Франции: «К концу 1793 г. граница была почти обеспечена, 1794 г. начался благоприятно, французская армия почти всюду продвигалась вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой и для Робеспьера, и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира»². Внутри государства эбер-

¹ «Moniteur». Т. XIX, р. 405.

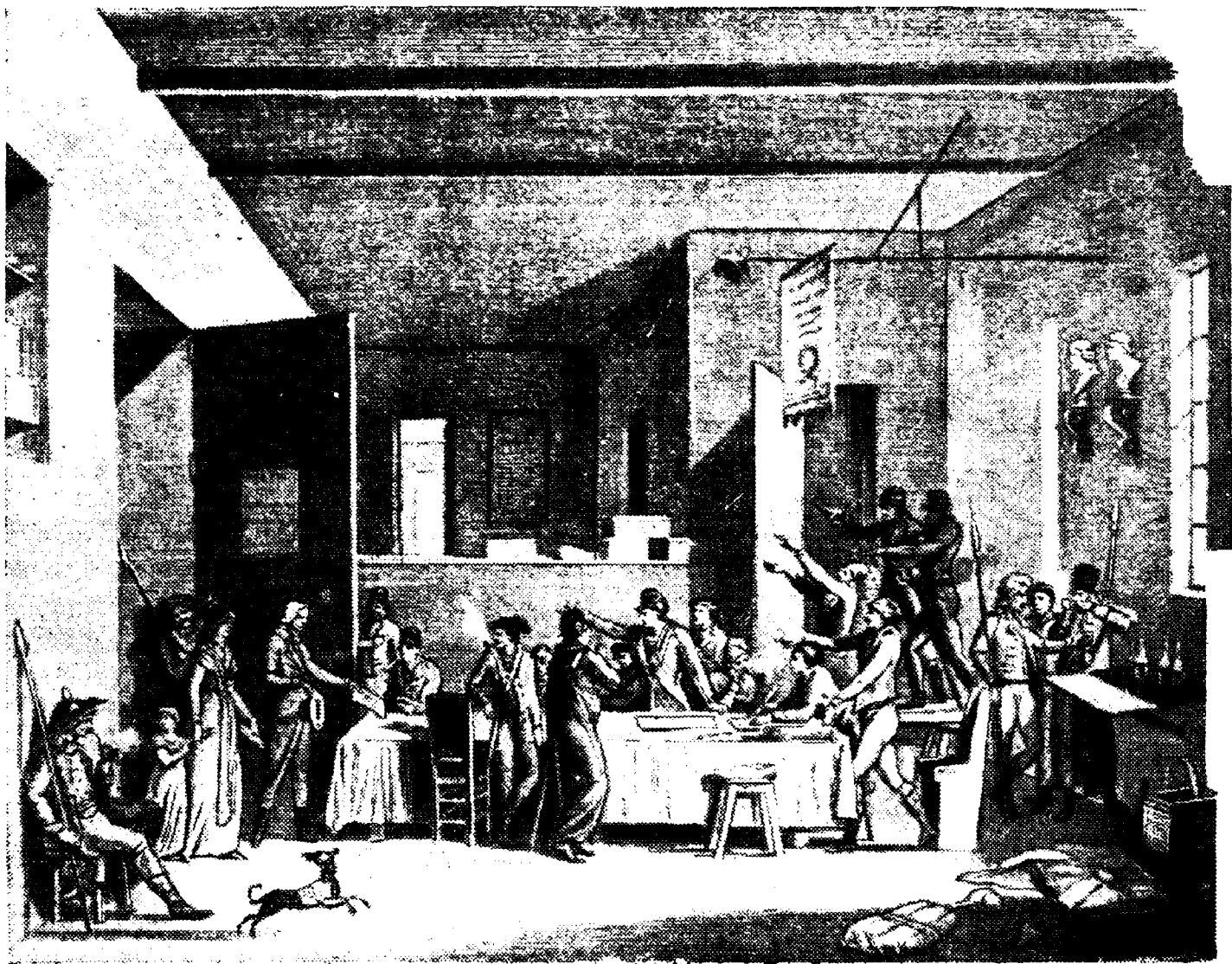
² Цитированное письмо Энгельса к Каутскому. «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 43.

Сен-Жюст.

тистские массы оказывались слишком слабыми, чтобы одним играть роль гегемона революции. А между тем при всей недостаточности их сил обстановка толкала их на выступление с целью захвата власти, и прежде всего толкала их на этот путь экономический кризис, который в начале 1794 года очень обострился. Среди эбертистов все более назревало недовольство правительством Робеспьера, особенно во времени сближения робеспьеристов с дантониистами. Робеспьера и близких к нему политических деятелей в эбертистских кругах стали даже величать «усыпителями». В начале марта Ронсен, Каррье и сам Эбер уже выступали в Кордильерском клубе с открытыми призывами к восстанию, висевший в клубе текст Декларации прав человека был демонстративно задернут черным покрывалом. Восстание активно подготавливалось в плебейской секции Марата, но не встретило нужной поддержки в других секциях и у Парижской коммуны: ее руководитель Шометт решительно высказался против всякого выступления.

Между тем Робеспьер усиленно подготавливал почву для сокрушения эбертистов, стремясь выбить у них их опору в массах путем ряда законодательных мероприятий в пользу народных масс. С начала вантоза (месяц революционного календаря, начинавшийся в конце февраля по нашему счету) Барером поставлен был на рассмотрение в Конвенте проект нового общего

Революционный комитет времен террора.

Рисунок Фрагонара-сына.

максимума, а затем, по инициативе главным образом Сен-Жюста, приняты были Конвентом так называемые вантозские декреты, согласно которым нуждающиеся патриоты должны были быть наделены собственностью за счет конфискованных имуществ врагов республики. Этими декретами Робеспьеристы показали, что они готовы открыть для преданных делу революции плебеев определенные перспективы улучшения их материального положения. Сен-Жюст конкретизировал идею, ранее высказанную Шометтом в менее определенной форме, и, таким образом, не только обезоруживал его, но и обращал эту идею в орудие борьбы с эбертистами.

Подготовив почву, Робеспьер через Комитет общественного спасения быстро ликвидировал все еще продолжавшиеся попытки эбертистских выступлений, протекавшие в форме предъявления отдельными секциями эбертистских петиций и расклейки на улицах воззваний. В ночь с 13 на 14 марта был арестован ряд видных эбертистских деятелей: Ронсен, Венсан, Моморо во главе с самим Эбером. В Революционном трибунале поставлен был громкий процесс. Обвинение заключало в себе ряд пунктов, из которых основной пункт не возбуждал сомнений: эбер-

тисты готовились поднять восстание, — и приговор в этих условиях мог быть только один — казнь на гильотине. За исключением одного все обвиняемые подверглись гильотинированию 24 марта. Шометт, не поддержавший планов вооруженного выступления, не был привлечен к этому делу.

Вместе с падением эбертистов совершенно обновлен был по назначению Комитета общественного спасения руководящий состав Парижской коммуны; замерла деятельность секционных клубов. Вскоре последовал и декрет Конвента о ликвидации «Революционной армии» — руководимых эбертистами продовольственных отрядов. Робеспьер устранил опасность эбертистского восстания, но разрыв с эбертистами сделал значительную часть парижского плебейства враждебной ему.

Еще до казни эбертистов началась подготовка другого процесса — процесса дантонистов. Камилл Демулен никак не хотел успокоиться и подготовлял к выпуску в свет еще один номер «Старого кордельера» где возвращался к своим излюбленным идеям неограниченной свободы суждений для депутатов Конвента, свободы печати и примирения с выступавшей против Франции европейской коалицией.

В выступлении против дантонистов Робеспьер мог надеяться на полную поддержку идеологически близких к эбертизму двух членов Комитета общественного спасения — Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, и как раз последний раньше других поставил на обсуждение Комитетов общественного спасения и общественной безопасности вопрос об аресте Дантона. Положение последнего оказывалось чрезвычайно шатким: ни на какую поддержку плебейских масс он рассчитывать не мог, обманулся он и в своих расчетах на возможность заключения внешнего мира. «Выборы в Англии прошли благоприятно для Питта, Фокс был на годы отстранен от правительства, — это испортило положение Дантона»¹.

Когда Дантон был арестован в ночь на 1 апреля 1794 года одновременно с близкими к нему Демуленом, Филиппо и Делакруа, Робеспьеру и Сен-Жюсту удалось, подавив отдельные выступления депутатов дантонистов в Конвенте, добиться от большинства Конвента поддержки в деле ликвидации дантонистов. 2—5 апреля процесс Дантона и его политических единомышленников разбирался в Революционном трибунале. Революционный трибунал 5 апреля приговорил всех подсудимых во главе с Дантоном за исключением одного к смертной казни, которая и была совершена в тот же день.

Падение дантонистов было крупным шагом по пути утверждения в Конвенте монополярной власти сторонников Робеспьера и Сен-Жюста. Как известно, однако, их власть была вскоре свергнута термидорианским переворотом.

Борьба течений в лагере якобинцев отражала ярко классовую дифференциацию и

борьбу классов внутри третьего сословия и одновременно борьбу всей буржуазии против угрозы реставрации власти дворянства.

Буржуазная историческая наука не случайно пытается на все лады объяснить поражение якобинцев, как результат их кровавого террора. Все эти попытки буржуазных историков и политиков свалить причину падения якобинцев на их террор выражают лишь страх современной буржуазии перед социалистической революцией, страх перед неизбежной победой диктатуры пролетариата, перед революционным террором, который будет направлен на подавление сопротивления эксплуататоров.

Марксизм-ленинизм видит подлинную причину поражения якобинцев в классовой ограниченности буржуазной революции. Якобинцы, выполнив историческую миссию самого передового отряда буржуазной революции, расчистив путь для утверждения господства буржуазии, не могли больше вести за собой широкие неимущие массы, без того, чтобы не перешагнуть через рамки буржуазной собственности, неприкосновенность которой была основой основ господства буржуазии.

Буржуазия, завоевав власть, должна была для дальнейшего утверждения своего господства положить предел революционной активности неимущих масс. Для этого крупной буржуазии надо было убрать якобинцев и установить такую диктатуру, которая не становилась бы на путь социальных уступок массам, которая грубо и решительно повернула бы огонь против народных масс и развязала бы окончательно руки крупной буржуазии в деле монополярного и всестороннего использования плодов революции для себя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 362.

М. Буковецкая

ВОЙНА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В сокровищнице неопенимого опыта, которым Великая французская буржуазная революция обогатила все последующие революции—как буржуазные, так и пролетарские,—видное место занимает исторический опыт революционной войны французского народа против объединенных сил европейской реакции. Создание революционной армии, вышедшей из народа и показавшей миру высокие образцы подлинного патриотизма и беззаветной преданности революции, творческой инициативы и новой военной тактики, обеспечившей победу революции, представляет собой одну из самых бессмертных страниц этой революции.

Франция во время буржуазной революции XVIII века принуждена была бороться с целой коалицией европейских держав. Война, в которую вступила Франция в апреле 1792 года, тянулась почти непрерывно в продолжение всей революции, директории, консульства и империи Наполеона I и закончилась только вместе с крушением наполеоновской монархии. Но войны времен консульства и империи имели уже совершенно иной характер чем война 1792—1794 годов. Это были несправедливые, завоевательные войны за

утверждение гегемонии Франции на континенте Европы, тогда как война 1792—1794 годов была справедливой, освободительной войной—за оборону революционной Франции, против иностранных интервентов, которые угрожали уничтожением всех завоеваний буржуазной французской революции.

«Война 1792 года,—отмечает товарищ Сталин,— была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей»¹.

1

Буржуазная французская революция была сильной угрозой всему феодально-мо-

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю». Сборник статей, стр. 4. Гиз. 1925.

нархическому строю Западной Европы. Особенно опасались влияния французской революции на своих подданных австрийский император Леопольд II (родной брат французской королевы Марии-Антуанетты), прусский король Фридрих-Вильгельм II, Екатерина II и Павел I.

Уже с самого начала революции высшие придворные круги французской аристократии начали эмигрировать за границу вслед за обоими братьями короля, которые бежали первыми из революционной Франции. Вслед за высшей аристократией потянулись в эмиграцию и дворяне-помещики и офицеры королевской армии. Первые бежали в страхе перед аграрным крестьянским движением, офицеры же спасались от волны солдатских восстаний. Эмигранты появились при дворе австрийского императора, прусского короля и мелких германских князей. Они агитировали за «спасение Людовика XVI», бряцали оружием и уверяли всех, кто хотел их слушать, что французский народ стонет под игом «секты революционеров» и ждет иностранной помощи для восстановления «короля и церкви».

Центром роялистской эмиграции сделался город Кобленц. Здесь формировались военные отряды эмигрантов, целиком состоявшие из офицерства. Они предназначались для вторжения во Францию. В августе 1791 года в саксонском городе Пильнице эмигранты добились свидания Леопольда II и Фридриха-Вильгельма и получили от этих монархов милостивое обещание помощи и содействия в осуществлении своих агрессивных планов против Франции.

Русская императрица Екатерина II и шведский король Густав III послали в Кобленц своих уполномоченных и обещали эмигрантам свое покровительство.

Французский король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта со своей стороны также умоляли европейских монархов о вооруженном вмешательстве в дела Франции. Официально изображая из себя «конституционного» короля и присягнув в верности Конституции 1791 года, король на деле тайно изменял Франции. «Австрийский комитет» — как называли кучку прежних придворных, группировавшихся вокруг Марии-Антуанетты, — деятельно подготовлял контрреволюционный переворот с помощью французских эмигрантов, усиленно готовивших иностранную военную интервенцию.

Внешнее положение Франции обострялось с каждым месяцем. 7 февраля 1792 года Леопольд II заключил военный и оборонительный союз с прусским королем; союз этот, активно поддержанный царской

Россией, был прямо направлен против Франции. Вскоре после этого был сформирован особый австрийский корпус со специальным назначением помогать рейнским германским князьям в случае их столкновения с Францией.

Начало войны было ускорено жирондистами. Жирондисты надеялись, что война отвлечет немущие трудящиеся массы от требований дальнейших социальных реформ, от борьбы против дороговизны и от продовольственных бунтов и даст им — жирондистам — возможность одержать окончательную победу над королем без помощи масс. Но именно этот курс жирондистов на ликвидацию революционной активности масс и на недопущение дальнейшего развития революции вглубь был на руку королю и монархии. Отражая интересы крупной буржуазии торгово-промышленных городов, главным образом юга и югозапада Франции, жирондисты хотели войны также и потому, что стремились к расширению внешнего французского рынка, к экономическому господству Франции на континенте, к оттеснению своего главного конкурента на мировом рынке — Англии, — к всемерному расширению всех экономических возможностей, которые сулил им новый буржуазный порядок. Однако своей агитацией за войну жирондисты одновременно отражали справедливый гнев и патриотический подъем всего французского народа против подготовлявшейся иноземной интервенции. Ораторы-жирондисты произносили смелые речи, призывавшие к войне. Депутаты: Верньо, Гале, Бриссо — облекали свои речи в форму горячих патриотических призывов.

Для широких народных масс Франции война с Австрией, Пруссией, немецкими князьями и вооруженным эмигрантским строем была священной войной за завоевания революции. Народные массы горячо воспринимали лозунги жирондистов, которые говорили о том, что предстоящая война не будет похожа на прежние войны королевской Франции, что это будет: «Война тиранам — мир хлбкнам», «Война не против народов, а против королей и их наемных армий».

Но своей политикой наиболее быстрого развязывания войны, за которой скрывались узко классовые цели торгово-промышленной буржуазии, жирондисты ослабляли обороноспособность Франции, ибо не давали народу ни времени на подготовку, ни указаний на те возможности, которые могли бы увеличить военную мощь страны.

Совершенно иной тактикой придерживались представители немногочисленной крайней левой в Законодательном собра-

Максимилиан Робеспьер. Бронзовый медальон работы Д. д'Анжс.

нии. Робеспьер, будущий вождь якобинцев, и другие предупреждали, что для ведения войны потребуется огромное напряжение народных сил. Робеспьер предостерегал массы против измены короля и дворянского командного состава, который все еще стоял во главе армии. Якобинцы призывали разгромить внутреннюю контрреволюцию, создать мощную революционную армию, укрепить обороноспособность страны и тогда двинуться против интервентов. Позиция Робеспьера и его сторонников была основана на стремлении мобилизовать французский народ на лучшую подготовку к войне, на борьбу с изменниками родины в тылу и на фронте.

Великий французский писатель Ромэн Роллан в своей статье «Вальми» так говорит о позиции Робеспьера:

«При внутренних наших спорах не раз пытались, да и сейчас еще пытаются, опорочить войну, начатую революционной Францией против европейских монархий, ссылкой на мнение Робеспьера. Он, действительно, восставал тогда против всеобщего увлечения. Но смысл занятой им позиции совершенно неказили. В большой речи, произнесенной 18 декабря 1791 года в Обществе друзей конституции, Робеспьер никогда не говорил, что он противник войны. Он заявил только, что не следует объявлять ее «в настоящий момент» (он подчеркнул эти слова). Он считал, что нация недостаточно подготовлена; и, признавая, что неприятельское нашествие и стоящая под Кобленцем эмигрантская армия представляет собой смертельную опасность, он все же сказал: «Прежде чем устремиться на Кобленц, — приготовьтесь к войне». Он ясно видел, что французский

двор и враги революции рассчитывают на войну, чтобы снова полностью захватить власть в свои руки с другого конца... Он был против всякой завоевательной войны, зато он горячо превозносил «стихийный и спасительный взрыв негодования всего французского народа при падении на его территорию»¹.

20 апреля 1792 года Законодательное собрание Франции объявило войну Австрии. С этого момента Робеспьер и крайняя левая направили все свое внимание на то, чтобы разъяснить массам, что только мобилизация сил всего народа обеспечит Франции победу над внешним врагом. Робеспьер произнес речь, в которой указывал, что эта война должна вестись по-новому: «всеми силами народа», а не только прежней, наемной армией, унаследованной от старого режима. Эти установки якобинцы впоследствии воплотили в жизнь.

2

К моменту пачала военных действий основную военную силу Франции составляла королевская армия. Офицерский состав был сплошь дворянским; высший командный состав заполнялся лицами из аристократии; значительная часть должностей, например должность полкового командира, покупалась за деньги и была пожизненной. Лица, получавшие офицерский чин, должны были предварительно доказать свое дворянское происхождение.

Совершенно понятно, что, после того как революция уничтожила дворянство как привилегированное сословие, солдатская масса не могла мприться с царившими в армии порядками.

В течение 1789—1790 годов и в начале 1791 года непрерывно вспыхивали восстания солдат против дворянского офицерства, во время которых часть этого офицерства изгонялась, а на вакантные должности солдаты выбирали офицеров из своей среды, а также из незнатных молодых дворян. К началу войны ощущался большой недостаток в опытном командном составе. В тяжелом состоянии, плохо оборудованная и плохо снабженная всем необходимым для военных кампаний, регулярная армия, или, как ее тогда называли, «линейная армия», вступила в войну. Солдатская масса, несмотря на изменения в командном составе, питала глубокое недоверие к верхушке армии. Это недоверие было совершенно основательно, так как ряд измен доказывал, что в среде выше-

¹ Ромэн Роллан «Вальми». Журнал «Октябрь» № 3 за 1939 год, стр. 13—14.

го командного состава находилось немало лиц, замышлявших контрреволюционный переворот.

И Робеспьер и демократическая газета «Парижские революции» тотчас после объявления войны открыто выражали недоверие высшему командному составу. «Как мы будем вести войну против королей и дворян,— писала газета,— когда во главе нашей армии все еще стоят титулованные лица: граф Рошамбо, герцог Бирон, маркиз Лафайет и т. д.»¹.

Наряду с регулярной армией к началу войны уже существовали батальоны добровольцев. Эти батальоны стали возникать еще до начала войны, они были действительным детищем революции; их снабжали и экипировали на свой счет департаменты Франции.

В добровольческих батальонах до полного слияния их с регулярной армией (оно произошло лишь в 1793 году) весь командный состав избирался самими добровольцами и пользовался доверием своих подчиненных.

К середине лета австро-прусская армия начала наступление. Когда в Париже узнали о начавшемся наступлении неприятеля, взрыв патриотизма охватил все население города. Законодательное собрание издало постановление (11 июля), которое имело большое политическое значение; оно объявило: «Отечество в опасности!» В дополнительных постановлениях было указано, что каждый гражданин Франции, способный носить оружие, обязан явиться по первому требованию департаментских властей для борьбы с внешним врагом. Департаментским властям было предписано вести учет имеющегося в департаментах оружия. Этим декретом Законодательного собрания еще не вводилась всеобщая воинская повинность; армия попрежнему пополнялась добровольными наборами, но с момента объявления «Отечества в опасности» все граждане, имущие и неимущие, могли быть призваны для защиты родины, если это потребуется.

Австро-прусская коалиция, располагавшая для того времени большим количеством солдат, вела наступление вялыми темпами. Энгельс в своей работе — «Возможности и предпосылки войны Священного Союза против Франции» — вскрыл причины вялости действий коалиции. «В августе 1792 г. во Францию вторглись 90 тысяч пруссаков и австрийцев. Король прусский был намерен идти прямо на Париж, герцог Брауншвейгский и австрийские генералы не соглашались. Единство командования отсутствовало; нерешитель-

«К оружию, граждане!» Французские солдаты 1792 года. Парижский кабинет эстампов.

ность сменялась быстрым движением вперед, планы все время менялись»². Эта вялость и нерешительность давали время революционной Франции стягивать войска, организовывать пополнение, наскоро обучать батальоны добровольцев.

Трудящиеся массы убеждались с каждым днем в измене короля. Парижские городские секции, рабочие, ремесленники, беднота Парижа требовали свержения короля. К этому требованию присоединились и федераты — молодежь, прибывшая в Париж из разных департаментов Франции для добровольного вступления во вновь формируемые батальоны волонтеров.

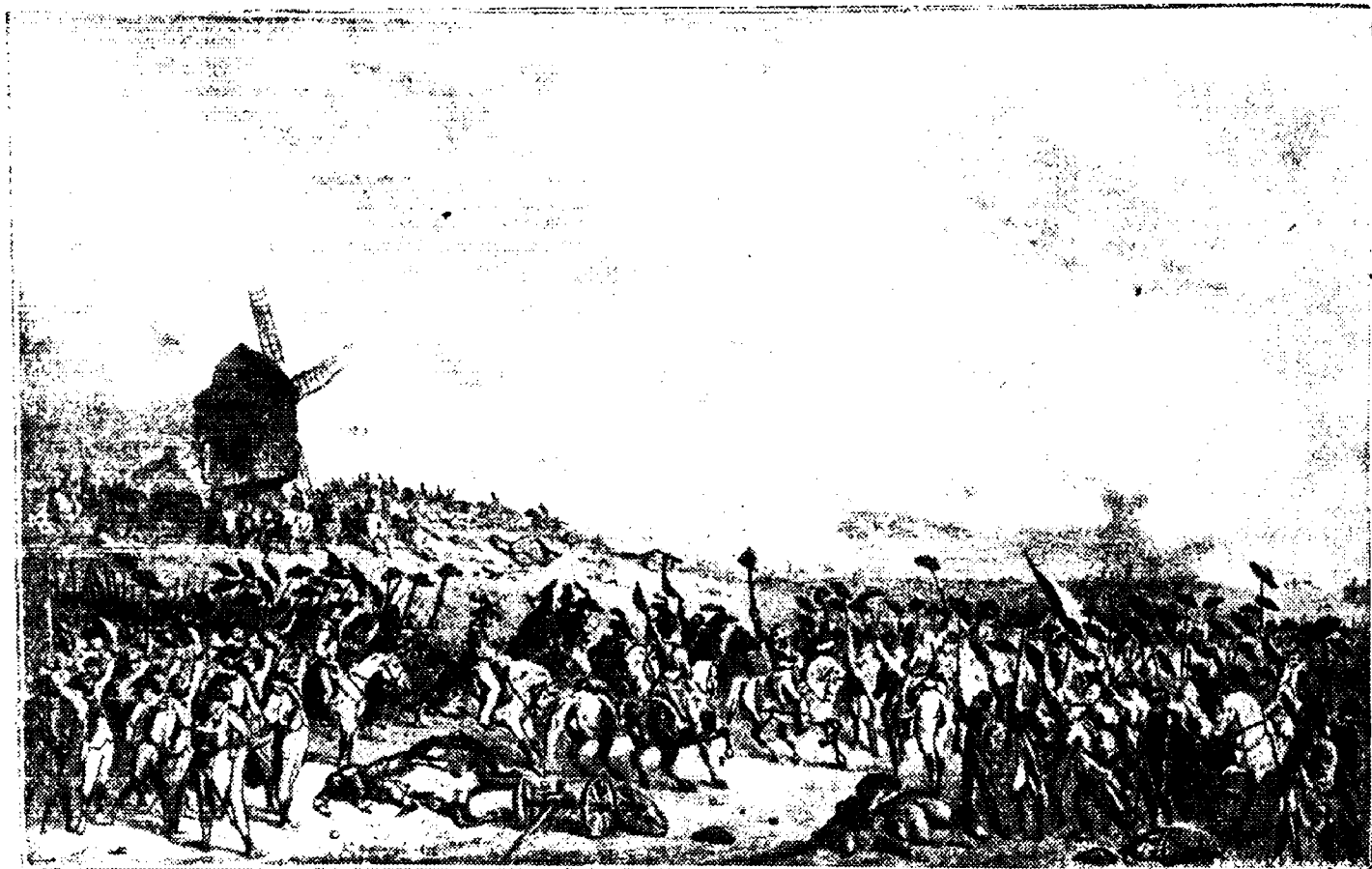
Победа народной, демократической революции 10 августа 1792 года, свергшая короля, создала возможности для организации революционной народной войны против интервентов. Весть о свержении монархии, уничтожении цензовой, буржуазной Конституции 1791 года была встречена в армии с величайшим восторгом.

К этому времени военная обстановка на фронте сложилась не в пользу Франции. 19 августа австро-прусская армия перешла границу Франции. 20 августа они осадили крепость Лонгви, 30 августа — большую крепость Верден. 23 августа Лонгви сдали, 2 сентября пал Верден. Дорога на Париж была открыта для внешнего врага.

Главнокомандующий французской армией генерал Дюмурье (впоследствии изменник), стянув силы различных французских

¹ «Revolutions de Paris» № 147 за 1792 год.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 448.

Битва при Вальми 20 сентября 1792 года.

Литография Релланже.

отрядов, преградил пруссакам путь у Вальми. Здесь 20 сентября произошло знаменитое сражение, в котором в первый раз за всю кампанию французы принудили пруссаков отступить. Революционный энтузиазм добровольческих батальонов решил исход боя. Знаменитая, прославленная своими прежними победами, прусская пехота отступила перед плохо вооруженными революционными войсками.

Сражение при Вальми явилось переломным моментом для всей кампании. Об этой битве великий Гете сказал: «С этого дня, в этом месте началась новая эпоха всемирной истории».

В осенние месяцы 1792 года французские войска далеко продвинулись на иностранные территории. Наступление было направлено прежде всего на Бельгию, где население встречало французские войска как своих освободителей.

Вслед за решительной победой при Жемаппе, которая доставила славу французскому оружию, был занят Намюр, затем вся Приморская Фландрия, Гент и Антверпен. В начале декабря 1792 года вся Бельгия была в руках французов. На Рейне генерал Кюстин занял ряд мелких германских княжеств и овладел без труда крупными городами: Шпейером, Вормсом и Майнцем. На юге французские войска вступили в Савойю и Ниццу.

Французские войска, далеко зашедшие на иностранные территории, были плохо

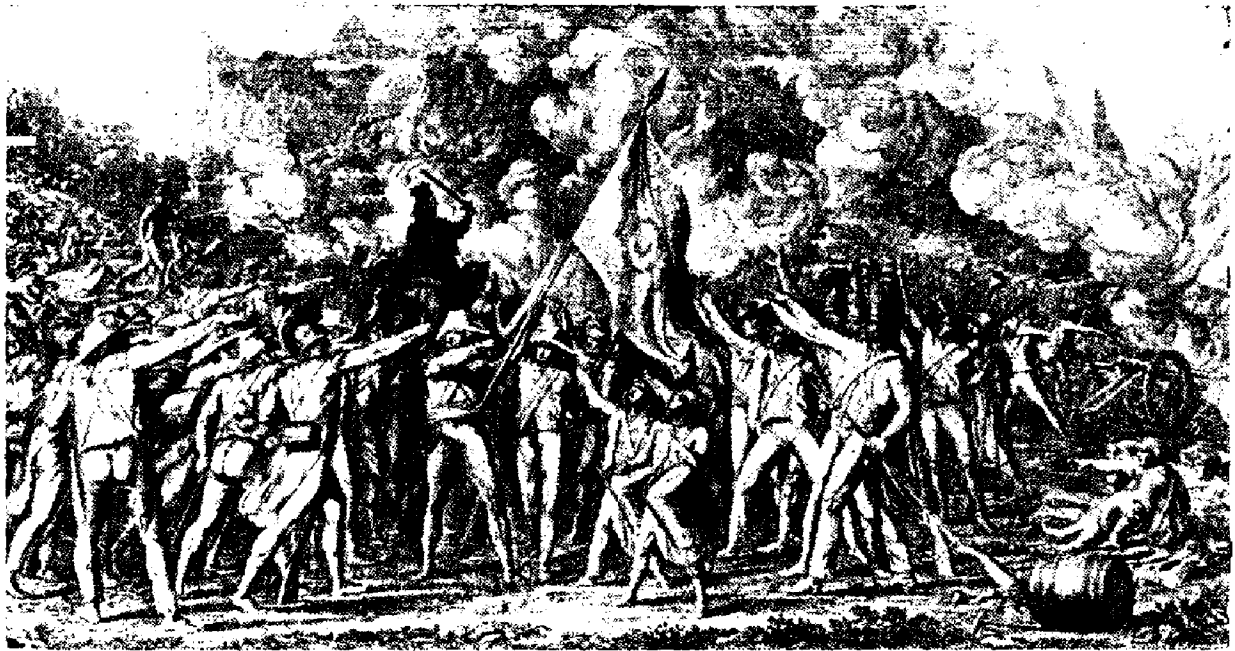
снабжены оружием, амуницией, обмундированием и нуждались в предметах первой необходимости.

В период с августа—сентября 1792 года и до июня 1793 года ответственность за организацию всего военного дела и оборону страны лежала на жирондистах, которые занимали первенствующее место в Конвенте, фактически назначали военных министров и руководили внешней политикой Франции.

Все снабжение армии находилось в ведении частных компаний, которых жирондистское министерство очень слабо контролировало. Из-за страшных хищений и небрежности в организации всего военного снабжения солдаты часто получали негодную обувь, у них в зимнюю пору не было шинелей, одеял, палаток, они спали на голой земле; не хватало ружей, патронов¹. Департаментские власти не получали своевременно субсидий из военного министерства и не имели возможности хорошо экипировать волонтерные батальоны, отправляющиеся на фронт². Отсутствовала централизация управления армией: с одной стороны, Конвент издавал постановления и распоряжения, с другой — военное министерство.

¹ Carnot «Correspondance». Т. II, апрель 1793 года.

² «Moniteur». Т. XV. Доклады комиссаров Конвенту, стр. 368—370.

Революционная армия клянется одержать победу.

С гравюры Коха.

Под натиском левой Конвента — монтаньяров — один военный министр за другим уходил в отставку, но система от этого не изменялась.

В то же время внешняя обстановка все более осложнялась. 1 февраля к враждебной против Франции коалиции присоединились Англия и Нидерланды. 7 марта Испания, 22 марта имперский сейм Германии объявили войну Франции от имени всей «Священной Римской империи и Германской нации».

Английское правительство встало во главе всех контрреволюционных замыслов подавления и уничтожения французской революции. Английский министр Питт был главной фигурой в реакционной борьбе Англии.

Крупная торговая и промышленная буржуазия Англии рассматривала укрепляющуюся у власти крупную французскую буржуазию как своего сильного и опасного конкурента. Английская аристократия и буржуазия видели для себя величайшую опасность в широкой волне демократического движения, поднимавшегося в Англии под влиянием французской революции.

С момента вступления Англии в контрреволюционную коалицию Франция имела перед собой сильного непримиримого противника, не сложившего оружия вплоть до Венского конгресса.

Английское правительство постоянно субсидировало все контрреволюционные заговоры во Франции, помогало тайным агентам эмиграции переправляться во Францию, раздувало контрреволюционное возмущение в Вандее и выступило с откры-

той интервенцией, захватив лучший военный и торговый порт Франции — Тулон.

Политика жирондистов в отношении войны носила все время двойственный характер. Ярые сторонники продолжения войны, они в то же время противились реорганизации армии, оставляли во главе ее множество лиц из прежнего высшего командного состава и не принимали мер для подавления контрреволюционных заговоров в тылу. Внутри страны жирондисты возбуждали против себя недоверие и негодование широких народных масс тем, что яростно защищали принципы свободной торговли и противились требованиям народных масс о введении твердых цен на предметы первой необходимости. Они оттолкнули от себя широкие массы крестьянства тем, что несколько не продвинули вперед разрешение аграрного вопроса. Во время острой опасности иностранной интервенции жирондисты не могли сплотить народные массы для борьбы с врагами родины и революции.

К весне 1793 года положение внутри страны осложнилось начавшимся контрреволюционным восстанием в Вандее. Монтаньяры во главе с Робеспьером справедливо обвиняли жирондистов в дезорганизации всего военного дела, в недостаточной борьбе против контрреволюции внутри страны, в двусмысленной позиции, занятой ими по вопросу о судьбе короля. Под влиянием обострившихся предвзятых затруднений и страшной дороговизны парижские народные массы требовали решительных мер по борьбе со спекуляцией и установления твердых цен на предметы первой необходимости.

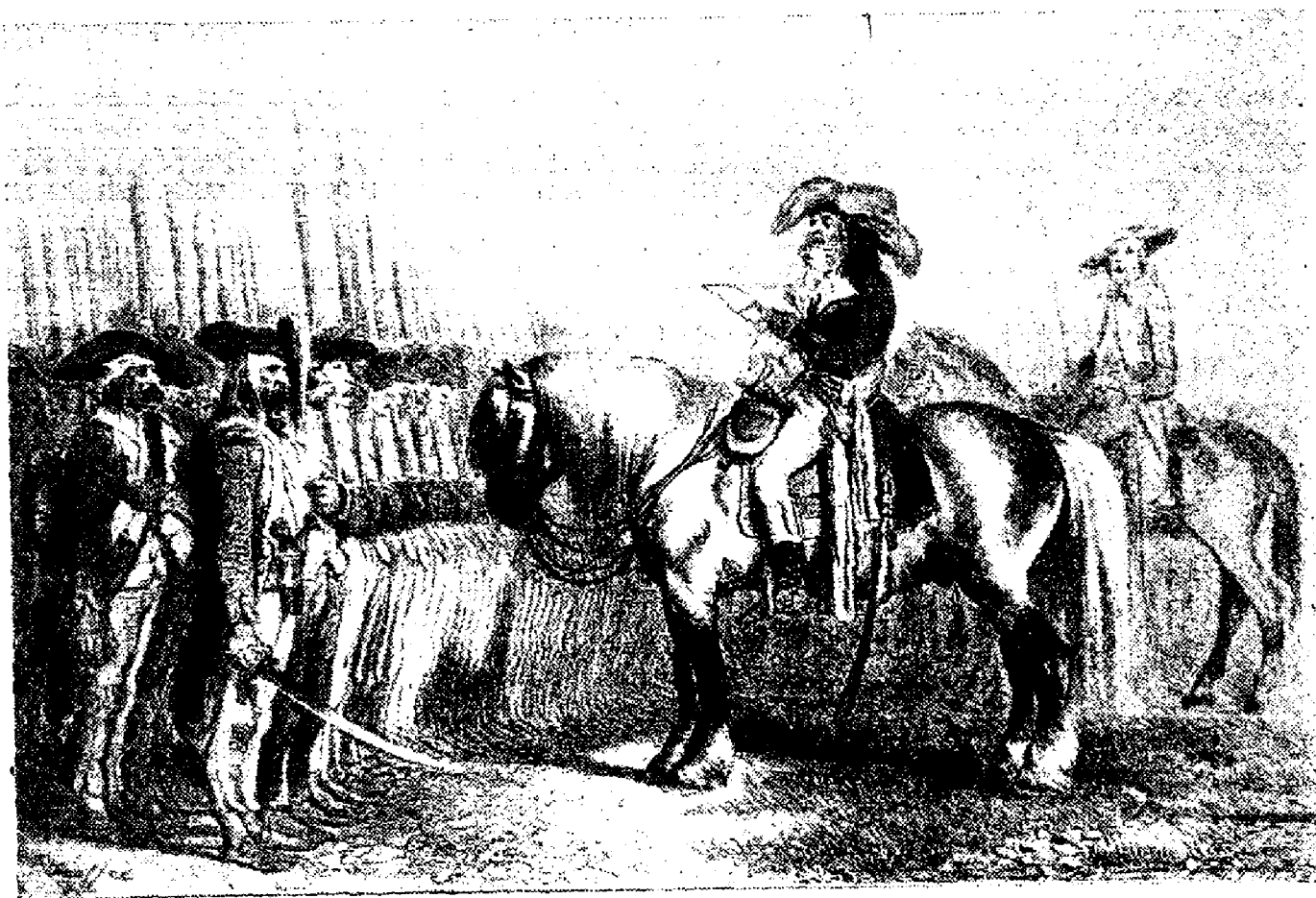
опидисты старались спасти свое положение блестящими военными успехами, вывели план быстрого наступления французской армии и овладения всей нцией. Но этот план потерпел крах. Главнокомандующий французской армией генерал Дюмурье потерпел ряд поражений (март 1793 года) и, опасаясь суда венета, решил осуществить подготовленный им задолго перед этим контрреволюционный переворот. Он рассчитывал с помощью австрийцев и части французских войск двинуться на Париж, разогнать якобинцев и восстановить монархию, посадив на престол одного из родственников королевской семьи. Дюмурье потерпел полное поражение в своих предательских замыслах, так как во всей французской армии не нашлось ни одной части, которая согласилась бы на его план: французская армия была верна родине и революции.

Когда Дюмурье пытался говорить с солдатами, чтобы склонить их на свою сторону, солдаты отказывались его слушать и кричали: «Республика или смерть!» Отправляясь на свидание с австрийским главнокомандующим, Дюмурье подвергся обстрелу со стороны волонтерского батальона, мимо стоянки которого он проезжал. Молодой командир Даву (будущий маршал Наполеона) приказал волонтерам стрелять по изменнику-главнокомандующему, что они с удовольствием и исполняли, но Дю-

мурье успел ускользнуть. Убедившись, что он не встретит поддержки во французской армии, Дюмурье бежал в австрийский лагерь с небольшой группой лиц из своего штаба.

Народное восстание 31 мая—2 июня, во главе которого стояли парижские секции и революционная Парижская коммуна, имело своим результатом изгнание жирондистов из Конвента. Некоторые из них бежали и подняли с помощью роялистов контрреволюционное «федералистское» движение в целом ряде крупных торгово-промышленных городов Франции: Бордо, Тулузе, Шампе, Лионе, Марселе.

Летние месяцы 1793 года были самыми тяжелыми для молодой республики. Лион, где началось контрреволюционное движение, призывал на помощь пьемонтцев. Контрреволюционный мятеж в Тулоне отдал в руки англичан этот лучший военный и торговый порт Франции. В Валансе разгоралось контрреволюционное движение. На внешних фронтах французы потеряли все свои прежние завоевания. Французские войска ушли из Бельгии, оставили Конде и Валансьен. На Рейне были потеряны Вормс и Шпейер. Пруссаки осадили Майнцкую крепость, где находился французский гарнизон. Началась героическая защита Майнца, которая длилась 4 месяца. Два комиссара Конвента: Ревель и Мерлен, находившиеся в Майнце, — деятельно ру-

Приказ: «Так как батальон ивней Луары храбро сражался с врагом, каждый получит по паре деревянных башмаков».

Литография Раффе.

ководили обороной и воодушевляли французский гарнизон. Мерлен за свою беспримерную храбрость был прозван пруссаками «огненным дьяволом». Когда в крепости не осталось буквально никаких съестных припасов и кончились боевые материалы, гарнизон капитулировал (23 июля 1793 года), выговорив себе право выйти из Майнца с боевыми знаменами и полным вооружением и увести с собой во Францию тех жителей Майнца, которые пожелают с ними идти.

Пять иностранных армий перешли границу Франции. Для спасения революции, для обороны Франции от внешней интервенции требовалось объединение всех народных сил вокруг единого революционного центра.

3

Франция была спасена диктатурой якобинцев, которые рассматривали дело организации обороны страны от внешней интервенции как важнейшую, центральную задачу революционного якобинского правительства.

Весь период существования диктатуры якобинцев революционная Франция вела войну против интервентов, и эта война рассматривалась, как якобинским правительством, так и широкими народными массами как война справедливая и оборонительная, какой она и была на деле.

Энгельс указывает, что только после свержения жирондистов, с переходом власти в руки якобинского правительства, дело правильной организации военного дела было сдвинуто с мертвой точки.

«Конвент и предшествовавшее ему министерство 10-го августа имели, таким образом, достаточно времени, чтобы организовать сопротивление. С 10 августа 1792 года по март 1793 ничего, однако, не было сделано. В марте 1793 г. был произведен вышеупомянутый набор 300 000 человек; с этого момента и до следующего марта Конвент имел целый год времени и полную свободу для вооружения, в течение же 10 месяцев, т. е. с момента падения жирондистов, революционная партия имела руки совершенно развязанные»¹.

Армия находилась в ведении якобинского Комитета общественного спасения. В Комитет вошли наиболее деятельные члены монтаньярского ядра Конвента: Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон, Колло д'Эрбуа. В августе 1793 года к ним присоединились Карно и Приер, оба — инженеры-специалисты. Все члены Комитета общественного спасения были в то же время членами

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 450.

Солдаты революции. Литография Раффе.

Конвента. Конвент утверждал распоряжения Комитета и давал общие директивы для исполнения.

Из сохранившейся и опубликованной переписки Карно видно, какую огромную работу выполнял Комитет общественного спасения в деле организации обороны страны. Карно переписывался с командующими армиями и с командирами отдельных частей, разрабатывал планы кампаний, рассматривал представления военного начальства о назначениях, передвижениях на военных должностях, заботился о политическом воспитании армии. Приер ведал главным образом продовольственным и техническим оборудованием армии.

Комитет общественного спасения направил свои усилия к изгнанию всех контрреволюционных и ненадежных элементов из среды командного состава армии. Тотчас после измены Дюмурье монтаньяры в Конвенте настояли на отрешении от должностей целого ряда генералов, которые подозревались в сочувствии Дюмурье. После изгнания жирондистов из Конвента, в тяжелые напряженные летние месяцы гражданской войны, Комитет общественного спасения усиленно занимался очищением штабов от всех лиц, подозреваемых не только в измене, но и в вялом, равнодушном отношении к ведению войны². Их спешно замещали молодыми силами, быстро выдвигавшимися во время войны.

Связующим звеном между армией, с одной стороны, и Комитетом общественного

² Carnot «Correspondance» 6 августа 1793 года

спасения и Конвентом — с другой, являлись комиссары Конвента. В период гражданской войны, с лета 1793 года и в течение всей якобинской диктатуры, «командированные в армию представители Нации», или «комиссары Конвента», играли огромную организационную и политическую роль. Они были наделены неограниченными полномочиями контроля по всем вопросам снабжения армии на местах, а также политического контроля над командным составом. В число комиссаров периодически входили наиболее деятельные члены Конвента, Карно и Приер, до включения их в состав Комитета общественного спасения, Сен-Жюст, Леба, Мерлен, Робеспьер-младший. Комиссары на местах следили за выполнением поставок на армию, реквизировали, если это было необходимо, у местного состоятельного населения съестные продукты, обязывали муниципалитеты в принудительном порядке давать заказы на экстренное шитье мундиров, сапог, одеял, следили за расходованием полковых сумм и т. д.

Комиссары отчитывались перед Конвентом в своей деятельности после возвращения из командировок и постоянно поддерживали письменную связь с Комитетом общественного спасения. Часто комиссарам приходилось тут же на месте приводить в исполнение какое-либо мероприятие, не дожидаясь ответа Комитета. Комитет в большинстве случаев утверждал эти мероприятия. При широком содействии местных якобинских клубов комиссары деятельно работали над политическим воспитанием солдатской массы: они отправляли в армию газеты, опубликовывали прокламации, обращенные к армии, разъясняли солдатам цель предстоящего сражения и тактику, которая должна была применяться в том или другом случае. Вместе с командующими армиями они разрабатывали планы ближайшего наступления на неприятеля и участвовали сами непосредственно в сражениях.

История сохранила нам множество военных эпизодов, в которых комиссары Конвента были непосредственными участниками боев, а некоторые из них даже командовали отрядами войск. Два комиссара — Мерлен и Робеспьер — непосредственно участвовали в героической защите осажденного в Майнце французского гарнизона; Сен-Жюст и Леба под огнем неприятеля принимали участие в операции перехода французской армии через Самбру; Карно непосредственно руководил операцией по освобождению Мобежа. Комиссары не щадили своих сил, для того чтобы вдохнуть энергию не только в ряды войск, но и в среду населения прифронтовой полосы. Сен-Жюст, Леба, Робеспьер-младший

энергично производили реквизиции на армию, были беспощадны в отношении тех, кто сопротивлялся этим реквизициям, и делали все от них зависящее, чтобы снабдить армию хотя бы самыми необходимыми вещами и поднять бодрость солдат в тех невероятно трудных условиях, которые были созданы разрухой предшествующего периода.

Связью между местными демократическими элементами и революционным правительством являлись многочисленные филиалы якобинского клуба в провинции. Комиссары Конвента встречали огромную поддержку в этих клубах. Члены клубов помогали комиссарам реквизировать необходимые для армии вещи, боролись с местными контрреволюционными элементами, распространяли в армии парижские якобинские газеты. Парижский якобинский клуб посылал в армию особый бюллетень, через который армия осведомлялась о политических событиях внутри страны и о положении на всех фронтах. Якобинские клубы вели борьбу с контрреволюционными элементами высшего командного состава¹.

Якобинское правительство деятельно занималось политическим воспитанием армии. Когда была опубликована якобинская конституция 1793 года, армия была привлечена наряду со всеми гражданами к обсуждению этой конституции. В переписке Карно мы находим свидетельство о том, что конституция обсуждалась и принималась во многих войсковых частях².

Якобинское правительство принимало энергичные меры для увеличения состава армии.

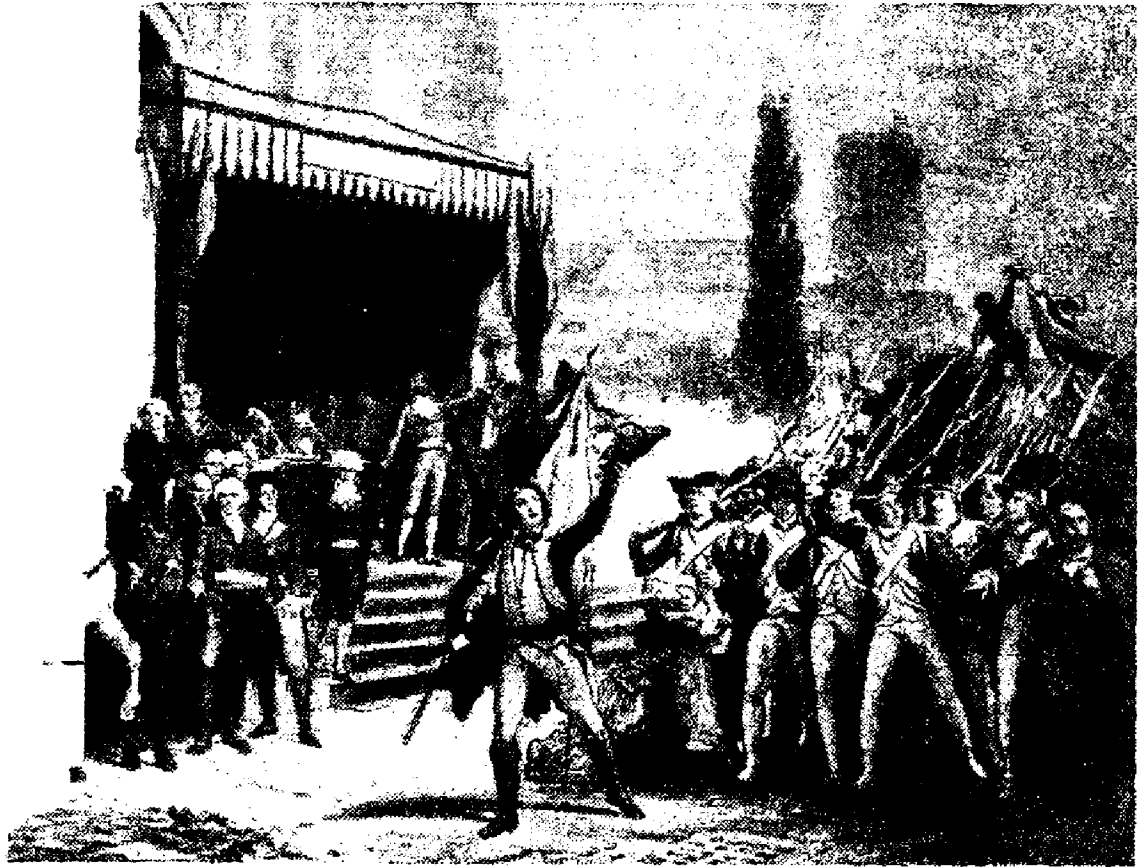
12 августа 1793 года Барер от имени Комитета общественного спасения предложил Конвенту опубликовать обращение ко всему населению Франции с призывом встать всем поголовно на защиту отечества. Это предложение было встречено массами с энтузиазмом.

Конвент опубликовал воззвание к гражданам Франции, начинавшееся словами: «К оружию, французы! К оружию! Встанем все поголовно, как один! Свобода зовет на защиту всех тех, кто клялся быть ей верным!»

23 августа 1793 года был издан декрет Конвента о «Всенародном ополчении (la levée en masse)». Значение этого постановления революционного правительства было огромно. Франция перешла от добровольной армии к обязательной воинской повинности. Воинская повинность вводи-

¹ См. заседание якобинского парижского клуба от января — февраля 1793 года, Aulard «La Société des Jacobins» t. IV.

² Carnot «Correspondance». Т. II, стр. 395 etc.

...льцев в революционную армию.

С картины Кувера.

на время войны, но «до тех пор не будет изгнан с территории французской республики», было декретом. «Все граждане Франции обязаны носить оружие, находятся в состоянии мобилизации» (реквизиции, как говорили; отсюда название «реквизиционист» — для призванного августа 1793 года). Никто из призванных не имел заменять себя другим лицом. В первую очередь были призваны молодые люди от 18 до 25-летнего возраста, притом богатые и бездетные вдовцы. Последующие «реквизиции» повысили возраст призываемых. Первая «реквизиция» прошла с громадным подъемом и дала 450 тысяч бойцов. Уклонявшихся от призыва во «Всеобщее ополчение» было ничтожно малое количество. Франция могла «в начале 1794 г. выставить против коалиции примерно 750 000 чел., т. е. значительно больше, чем сама коалиция могла двинуть против Франции»¹. — отмечал Энгельс. Крупным мероприятием Конвента по организации военных сил Франции было введение так называемой «амальгамы», т. е. полного слияния волонтерных батальонов призыва 1792—1793 годов и старых «линейных войск»². Причина эта была продиктована жизнью,

и ее давно требовали комиссары Конвента и военное командование. Преведенная армия давно перестала быть «королевской» армией и вместе с волонтерными батальонами составляла революционную армию Франции. В сливаемые части входили и «реквизиционисты», призываемые по декрету о «Всеобщем ополчении». Слияние это обыкновенно происходило следующим образом: один батальон «линейных войск» сливался с двумя батальонами волонтеров призыва 1792 или 1793 года или же с новыми «реквизиционистами». Полученная таким образом новая боевая единица составляла «полубригаду». Более крупной боевой единицей являлась дивизия, в состав которой входили артиллерия, кавалерия и пехота. Все остатки прежних военных форм, напоминавшие старый режим, были уничтожены. Вся армия была одета в синие мундиры, которые сначала носили только волонтеры, называвшие себя «синими» в отличие от «белых» — солдат «линейных войск».

Французская армия в период революции выработала и усвоила новую тактику. «Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычай войны и создав,

¹ Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Т. VIII, стр. 449.

² «Moniteur». Заседание 12 августа 1793

вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»¹. О сущности и значении этой новой военной тактики Энгельс писал: «Сразу был вновь открыт великий факт, что для исхода боя важно не то, сражается ли батальон на «правильном» месте в боевом строю, а то, чтобы он вступал по приказанию в боевую линию и хорошо сражался... Боевая линия не должна была быть, как прежде, обязательно прямой и непрерывной; она могла изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность, так как теперь не выбирали больше обнаженных гладких равнин для поля сражения... Французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рощицу, которой они могли овладеть. Если батальоны первой линии развертывались, то обычно они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атакывали в таком строю точные линии противника»².

Прусская и австрийская пехота не выдерживала бурного натиска полных энтузиазма французских пехотинцев, которые кидались в штыковой бой, распевая «Марсельезу», сделавшуюся национальным (а потом и интернациональным) революционным гимном, или веселую песенку «Са га» — «Паша возьмет», — направленную против аристократии и королей.

Особенно отличались своими боевыми качествами французская артиллерия и инженерные (саперные) войска. Еще до революции французская артиллерия и саперные части считались, по отзывам военных специалистов, лучшими в Европе³. Французская артиллерия проявила себя прекрасно во множестве сражений с войсками коалиции и сыграла огромную роль во время взятия французами Тулона, занятого англичанами. (Артиллерией под Тулоном командовал молодой офицер Наполеон Бонапарт.)

Французская революционная армия отличалась еще одним качеством, которое удивляло ее противников, а именно: необыкновенной быстротой передвижения благодаря полному отсутствию обозов. В то время как за армиями коалиции тащились по отвратительным дорогам громоздкие обозы, французы шли, имея при себе только ранцы, оружие и, в лучшем

случае, шинели. Это обеспечивало быстроту передвижения французской армии. «Французы, — писал Энгельс, — достигли подвижности и легкости при построении боевого порядка, совершенно неизвестных их противникам. Потерпев поражение, они через несколько часов были вне преследования, при наступлении же могли появляться в неожиданных пунктах на флангах противника, прежде чем тот мог их заметить»⁴.

В тяжелые месяцы гражданской войны 1793 года и в течение 1794 года Конвент и Комитет общественного спасения употребляли огромную энергию, для того чтобы достать необходимое снабжение и вооружение для армии.

В Париже в несколько недель был создан большой ружейный завод. Продукция его в скором времени начала давать вдвое больше, чем давали старые заводы Сент-Этьена, Шарлевиля и Мобежа. Кроме того в Париже более 200 кузниц было приспособлено для вспомогательных работ на оборону. Революционное правительство мобилизовало рабочих — металлистов частных мастерских, обучало их на большом заводе Шарлевиля и затем отправляло на ружейные и пушечные заводы. Дома бежавших аристократов и многочисленные монастырские помещения были заняты под военные склады и магазины. Ученые — знаменитый математик и основатель высшей политической школы Монж и химик Бертоле — включились в работу на оборону страны, писали технические инструкции для военных заводов, выполняли поручения Комитета общественного спасения по техническому выполнению литья пушек и ядер.

Огромные усилия, которые тратило революционное правительство якобинцев и весь французский народ для отражения иностранной интервенции, увенчались полным успехом. В сентябре и октябре 1793 года французская армия одержала ряд побед. Эльзасская граница была очищена от неприятеля. Молодой генерал Гош двинулся для освобождения Лангау и 23 декабря 1793 года разбил австрийцев в решительной битве при Вейсенбурге. Командующий северной армией Гушар одержал победу при Гондшооте. Заменивший его Журдан спас 15 октября осажденный Мобеж и разбил неприятеля при Ваттиньи.

Война велась в невероятно трудных условиях для французской армии, в холодную зиму 1793—1794 годов. В ноябре 1793 года генерал Журдан писал Комитету общественного спасения, что солдаты его армии заворачивают ноги в солому и

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 334.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 2-я. стр. 487, 488.

³ Там же, стр. 491.

⁴ Там же, стр. 488.

Бой «Мстителя».

Рис. Озанна-младшего.

в таком виде совершают переходы среди осенней грязи и распутицы¹.

В мае и июне 1794 года арденнская французская армия переправилась через Самбру с целью прорвать австрийскую линию. Леба и Сен-Жюст, посланные Конвентом в качестве комиссаров, руководили переправой французской армии под огнем неприятеля. В июне 1794 года Журдан нанес решительное поражение австрийцам при Флерюссе. После этого ряд крепостей перешел в руки французов. Генерал Пишегрю двинулся через Гент и Брюгге на Брюссель и соединился с Журданом. В июле — августе 1794 года вся Бельгия была опять в руках французов. Затем были заняты Кельн, Кобленц (где в 1791—1792 годах эмигранты устроили свой королевский двор и грозили раздавить французскую республику), затем Майнц и Трир. На южной границе французская армия победила пьемонтцев. Интервенты были далеко отброшены от границ Франции, и революционные войска победоносно продвигались на чужие территории.

На море французскому флоту пришлось столкнуться с таким грозным противником, как сильнейший в то время в мире английский флот. Против 115 крупных английских военных кораблей французы имели только 76. Французский флот не мог вызвать английский на открытый

бой, но во время происшедших столкновений французы проявляли отчаянную смелость, поражавшую англичан.

История сохранила множество эпизодов этой героической борьбы, из которых один наиболее характерен для того революционного энтузиазма, которым были охвачены французские моряки. В мае 1794 года большой транспорт зерна был отправлен из Соединенных штатов в Брест, где его ждали с нетерпением. Французская эскадра вышла ему навстречу, для того чтобы защитить его от нападения английского флота. На адмиральском корабле находился комиссар Конвента Жанбон Сент-Этьен. Французский флот столкнулся с английским и, прикрывая собою торговый транспорт, вступил в неравный и отчаянный бой. Французские корабли потерпели значительный урон. Один из французских кораблей «Vengeur» («Мститель»), пробитый со всех сторон английскими ядрами, бился отчаянно против трех английских кораблей. Экипаж не хотел сдаться, несмотря на предложение англичан. Последний залп из пушек был дан «Мстителем», когда корабль уже погружался в воду. Команда потонула вместе с кораблем, оглашая воздух криками: «Да здравствует Республика, да здравствует свобода, да здравствует Франция!» Транспорт с зерном благополучно прибыл в Брест.

Огромные изменения произошли в командном составе армии. Взамен командиров старой армии, перешедших на сторону

¹ Carnot «Correspondance». Т. IV, 16 ноября 1793 года.

революции, но не сумевших усвоить ни нового характера войны, ни духа новой, революционной армии, быстро выдвигались новые талантливые люди из народа, из мелкой буржуазии, люди, которым в старой, королевской армии был закрыт доступ к командным должностям. Многие из них во время революционных войн стали в возрасте от 24 до 30 лет генералами. Многие командовали дивизиями в 22—25 лет.

За крупными военными талантами, выдвинувшимися в этот период, стояли тысячи безвестных героев, которые делали свое трудное дело.

* * *

Сыны свободолюбивого французского народа показали миру пример величайшего героизма и самоотверженности. В жестоких и упорных боях они отстояли родину и революцию от объединенных полчищ европейской реакции.

«Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»¹, — писал Ленин.

В своем блестящем очерке «Вальми» Ромэн Роллан напомнил недавно французскому народу об его доблестной, героической борьбе с интервентами в годы Великой буржуазной революции. «Потомки революции, вы, нынешнее поколение, способны ли вы еще, без смущения и страха, слушать героические отзвуки канонады Вальми?» — спрашивает Ромэн Роллан.

Эти слова великого писателя звучат как грозное обличение современной реакционной французской буржуазии и горячим призывом ко всему антифашистскому фронту.

Объятый паническим страхом перед приближающейся пролетарской революцией, французский империализм строит свою внешнюю политику на гнилом принципе пособничества агрессорам фашистской

Германии, злейшим врагам французского народа.

Только героический французский пролетариат во главе всего народа, предки которого с величайшим энтузиазмом отстаивали целостность и независимость Франции в неравной, тяжелой борьбе против объединенных полчищ европейской реакции, является подлинным преемником великих героических традиций буржуазной революции конца XVIII века и ее справедливых, оборонительных войн. В эпоху империализма и пролетарских революций французский пролетариат, обогащенный опытом Великой Октябрьской социалистической революции и ее борьбой против иностранной интервенции, великими уроками революционных классовых боев послеоктябрьского периода в рядах страп, подымает эти традиции на высшую ступень.

Под руководством коммунистической партии, во главе с революционным пролетариатом великий свободолюбивый французский народ очистит почву Франции от всех тех, кто от Бурбонов и Тьера до нынешних кагуляров и мюнхенцев всегда были готовы предать народ и родину чужеземным завоевателям.

В дни стапятидесятилетнего юбилея Великой буржуазной революции на весь мир снова прозвучат слова тов. Тореза из его речи на VII конгрессе Коминтерна: «Мы превозносим память Коммуны 1793 г. и Парижской Коммуны 1871 г. Шовинизму фашистов и патриотизму торговцев пушками мы противопоставляем любовь к нашей родине, к нашему народу. Мы гордимся его славным прошлым, его вековой борьбой против рабства и гнета. И мы, правнуки санкюлотов 1792 г., солдат Вальми, отказываем аристократам, последышам кобленцких эмигрантов, вернувшимся во Францию в обозе иностранной контрреволюции, полковнику графу де ля Рок, — прадед которого сражался в армии Конде и прусского короля, — в праве говорить от имени нашей страны. Мы их разоблачаем, как вчерашних и завтрашних предателей, готовых, как некогда их прадеды, а в наше время русские белогвардейцы, обратить оружие против своей родины, лишь бы сохранить или вернуть свои привилегии и свои прибыли».

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 190.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Французская революция 1789 года «была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над до тех пор привилегированными сословиями — дворянством и духовенством»¹.

Эта победа оказалась возможной прежде всего потому, что в недрах старого, феодального общества уже в достаточной степени созрели новые, капиталистические производительные силы, которые, не вмещаясь более в рамки старых производственных отношений, должны были взорвать отживший общественный строй феодализма. Вместе с ростом новых, капиталистических отношений вырос и окреп новый, революционный класс общества — буржуазия, перед которой история поставила задачу — свергнуть прогнивший до основания феодальный строй и на его развалинах построить новую, буржуазную форму общества. Однако ни одна общественная формация никогда не падает сама собою, и ни один исторически отживший общественный класс не сходит добровольно с политической сцены, не уступает без борьбы дорогу новому, революционному классу. Борьба старых, реакционных сил с новыми, революционными ведется со все возрастающим напряжением в течение длительного периода разложения старой социальной формации и созревания новых общественных условий и завершается революцией, которая и есть наиболее острая и решающая стадия этой борьбы.

Громадную роль в революционной классовой борьбе играет идеологический фактор — философские, социальные и политические идеи и теории, революционизирующие сознание передовых классов общества и подготовляющие субъективные предпосылки для победы нового общественного строя. Эту колоссальную роль идеологии в общественной жизни всегда и неизменно подчеркивали классики марксизма.

«Общественные идеи и теории, — читаем мы в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят

развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений»².

Французская буржуазия XVIII века, являвшаяся в то время революционным и прогрессивным классом, выдвинула из своей среды ряд великих ученых в разных отраслях знания и целую плеяду блестящих писателей, философов и политических мыслителей. В числе естествоиспытателей, математиков, астрономов этого века мы встречаем такие крупнейшие имена, как Бюффон, Лавуазье, Лаплас, Лаланд, Галамбер, Реомюр и др. В этом же веке французы дали миру таких гениальных писателей и мыслителей, как Монтескье, Вольтер, Руссо, Лидро, Гольбах, Гельвеций.

Всеим этим ученым и мыслителям принадлежит громадная роль в деле борьбы с феодальным строем и с его основным оплотом — католической церковью. Все они явились провозвестниками новых политических принципов, новой, революционной морали, новых форм общественной жизни.

«Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции, — писал Энгельс, — сами были крайними революционерами. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 261.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 111.

Монтескье.

ство,—все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности»¹.

Ленин подчеркивает, что французский материализм XVIII века оказался «единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.»², которая вела решительную борьбу против средневекового хлама и крепостничества в учреждениях и идеях.

Материализм XVIII века явился вместе с тем той философской основой, которую Маркс и Энгельс развили дальше, обогатили всеми приобретениями немецкой классической философии, углубили и довели до конца, распространив на познание человеческого общества.

Ленин говорит о просветителях XVIII века, что они своей борьбой с феодализмом и поповщиной обогащали общественную науку и двигали ее вперед.

Роль идей французских просветителей и французских материалистов в подготовке революции служит ярким примером организующего и преобразующего значения передовых идей в развитии общества.

1

В первой половине XVIII века (вплоть до второй половины сороковых годов) оп-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 17.

² В. И. Ленин. Соч. Г. XVI, стр. 350.

позиционная литература Франции была представлена лишь некоторыми выдающимися сочинениями сатирического и обличительного характера. К числу этих работ принадлежат «Персидские письма» Монтескье, вышедшие в 1721 году, и «Философские письма» Вольтера, первое издание которых вышло в 1733 году, а второе— в 1734 году. Оба эти сочинения имели громадный успех.

В «Персидских письмах» Монтескье в остроумной и изящной форме высмеивает недостатки и пороки политической системы современного ему общества. Он язвительно подтрунивает над придворными паразитами, которые с «неутомимой храбростью» «искушали королевскую щедрость, выпрашивая себе пенсии», и «настолько же прославили двор своими интригами, насколько королевские полководцы прославили государство своими военными подвигами» (письмо 124-е). При этом Монтескье не побоялся также показать, сколь дорого обходятся стране и прежде всего крестьянству щедрости короля, которыми он осыпает придворных.

Монтескье едко высмеивает также фискальную политику короля, который в поисках источников дохода не пренебрегает никакими средствами, вплоть до того, что дает дворянское звание не за заслуги, а за деньги.

Достается от Монтескье также и духовенству за то, что оно, сосредоточивая в своих руках «чуть ли не все государственные сокровища», отказывается от уплаты налогов и нерационально использует свои богатства. «Это, — пишет о духовенстве Монтескье, — общество скупых людей, которые вечно берут и никогда ничего не возвращают, они беспрестанно собирают доходы для того, чтобы наживать капиталы. И такие богатства поражены, если можно так выразиться, параличом; прощай, обороты, прощай, торговля, ремесло и фабрики» (письмо 117-е).

Критика Монтескье носила еще сравнительно скромный и осторожный характер, но для своего времени это, несомненно, было смелым революционным выступлением, которое заставило насторожиться королевскую власть и католическую церковь по отношению к «опасному» писателю.

Еще более сильное впечатление на феодальную реакцию произвела книга Вольтера «Философские письма». Это сочинение, в котором автор с большим остроумием и наблюдательностью описывает порядки Англии (совершившей свою буржуазную революцию, как известно, еще в XVII веке), явилось косвенным обвинительным актом против феодального строя Франции, и поэтому книга была официаль-

по признана вредной и, согласно приговору парламента, подверглась сожжению.

В 1746 году появляется первая ласточка, предвещающая наступление материалистической и атеистической весны в философии, а именно «Философские мысли» Дидро. Это небольшое сочинение замечательно тем, что автор в нем не ограничивается только критикой религии, являвшейся идеологической базой феодальной реакции, а выдвигает целый ряд положительных философских тезисов. В частности заслуживает внимания защита Дидро в этом сочинении тезиса о благотворной роли страстей, чем он бросал вызов католической церкви, осуждавшей страсти как греховное начало, и закладывал основы новой теории морали, базирующейся не на священном писании и учении отцов церкви, а на конкретном изучении реального человека.

«Люди,— пишет Дидро,— постоянно встают против страстей, они приписывают страстям все свои страдания, забывая, что те же страсти являются источниками их наслаждений... И однако только страсти, и притом сильные страсти, способны возвышать душу до величавых подвигов... Подавление страстей лишает человека его лучших способностей... Было бы в высшей степени неразумно помышлять об уничтожении страстей. Происхождение страстей оправдано самой природой».

Разумеется, книга, содержащая такие мысли, не могла не подвергнуться самому суровому осуждению со стороны церкви и парламента как работа, «наполненная ядом самых преступных и абсурдных взглядов, на какие только способен извращенный разум». Кроме того автору инкриминировалось, что «он ставит на одну доску все религии, чтобы в конечном счете не признавать ни одной из них».

Через два года после «Философских мыслей» Дидро вышли две книги, которые вызвали подлинный переполох в стане феодальной реакции. Первая книга—«Нравы» Туссена, а вторая—«О духе законов» Монтескье. «Нравы» не выделялись ни своими научными достоинствами, ни особой серьезностью содержания, но эта книга в полной мере отвечала революционным настроениям общества и в связи с этим имела громадный успех. Вслед за Дидро Туссен также защищает полезную роль страстей в жизни человека и общества и смело громит «лицемеров-ханжей, этих безжалостных ригористов в области нравственности, которые осмеливаются настолько чернить любовь человека к самому себе, что громко защищать ее считается постыдным». В этой же книге автор, находившийся под влиянием английского де-

изма¹, с необычайной для своего времени и для своей страны смелостью проводит ту «еретическую» мысль, что внешние культы безразличны для бога и что принципы добродетели надо искать не во вне, а в собственном сердце.

В «Правах» резко осуждалась также смертная казнь, как наказание, противоречащее естественному закону.

Книгу, конечно, постигла участь всех революционных книг: она была подвергнута сожжению.

Несмотря на невысокую научную ценность книги Туссена последняя в свое время сыграла весьма положительную роль, поскольку она пропагандировала критическое отношение к вопросам религии и политики. Но «Права» Туссена по своему общественному значению и силе влияния не могут идти ни в какое сравнение с вышедшей в том же году книгой Монтескье «О духе законов». Насколько велик был успех этой книги, видно из того, что в течение полутора лет она выдержала 22 издания. Сила этой книги, являющейся замечательнейшим памятником политической мысли XVIII века, заключается в том, что она представляет собою не только публицистическое сочинение, но и серьезное научное исследование, опирающееся на громадный исторический и этнографический материал. В этой книге прежде всего ценна попытка создать методологию общественно-политической науки. Автор полностью порывает с теологической трактовкой истории и пытается вывести законы социальной жизни не на основе мертвых богословских догм беспочвенной спекуляции, а из конкретного изучения самой социальной действительности, или, как он выражается, «природы вещей».

«Я начал,— пишет Монтескье,— с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно их фантазией.

...Принципы свои я извлек не из своих предрассудков, а из самой природы вещей»².

Громадная заслуга Монтескье заключается, таким образом, в том, что он признавал закономерный характер социально-

¹ Деизм (от латинского «деус» — бог) — учение, которое признает существование бога только в качестве безличной перво-причины мира; в остальном, с точки зрения этого учения, мир предоставлен только действию законов природы. В условиях господства феодально-церковного мировоззрения деизм был во многих случаях скрытой формой атеизма. «Деизм,— писал Маркс,— не более чем удобный и легкий способ отделаться от религии — по крайней мере для материалистов».

² Montesquieu «Esprit des lois». Préface, p. 1. 1860.

политических явлений и установил наличие связи между экономическими условиями и политическими учреждениями, правами, обычаями и гражданскими порядками, что для того времени являлось открытием большой научной важности. Правда Монтескье не пошел дальше признания существования взаимодействия между всеми сторонами общественной жизни. Он не умел объяснить происхождения взаимодействующих сил. Монтескье, как и другие французские просветители, в своем объяснении истории развития человеческого общества оставался на идеалистических позициях.

Но уже сам по себе тот факт, что Монтескье сделал общество и политику объектом специального изучения и анализа, имел громадное революционное значение, так как он побуждал лучшие умы того времени к более критическому и серьезному отношению к существующим социальным порядкам.

Что же касается самого содержания книги, то оно всем своим острым направлено против системы феодального деспотизма, хотя автор в своем политическом радикализме и не шел слишком далеко и даже признавал необходимым сохранить дворянское сословие и ряд его привилегий. Деспотическую форму правления автор осуждает как систему, абсолютно противоречащую законам природы и общества.

«Когда дикари Луизианы,— пишет Монтескье,— хотят сорвать плод, они подрезают дерево у корня и затем собирают плоды. Таково деспотическое правительство»¹. Монтескье направляет ряд острых нападок против системы феодальной эксплуатации и паразитического образа жизни «высших» сословий, утопавших в роскоши, в то время как крестьянство борщилось в судорогах голода. «Когда столько людей заняты изготовлением одежды для одного,— пишет Монтескье,— то как же не быть людям, у которых вовсе нет одежды»².

Основным принципом правильного государственного устройства Монтескье считает разделение властей — законодательной, судебной и исполнительной. Ибо только такое разделение может, с его точки зрения, обеспечить свободу личности и силу государственного организма.

«Политическая свобода для гражданина,— говорит Монтескье,— есть то спокойствие духа, которое происходит от уверенности каждого в своей безопасности; для того чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого. Если в руках одного и того

же лица или учреждения власть законодательная соединена с исполнительной,— свобода не существует, так как можно бояться, чтобы один и тот же монарх, или один и тот же сенат не создавали тиранических законов для того, чтобы самим же их приводить в исполнение тираническим способом. Нет свободы и в том случае, если власть судебная не отделена от законодательной и исполнительной».

Появление этого монументального труда вызвало смятение среди феодальной аристократии и высшего духовенства.

Книга Монтескье, явившаяся первым научным обоснованием буржуазного либерализма во французской литературе, оказала громадное влияние на последующее развитие социально-политической науки и в период революции широко использовалась идеологами и представителями «третьего сословия» для выработки основ буржуазной конституции.

Выход книги «О духе законов» положил прочное начало активизации буржуазной политической и философской мысли.

Вслед за книгой Монтескье вышло «Письмо о слепых» Дидро с явно выраженными материалистическими тенденциями³.

В это же время появился первый том «Естественной истории» Бюффона, опровергивавшей на основе научных данных библейский миф о сотворении мира. Эта книга также вызвала большое ожесточение церковников, и автор избег суровой кары только потому, что согласился написать следующую навязанную ему декларацию:

«Я не имел намерения противоречить тексту св. писания. Я очень твердо верю во все то, что в нем говорится о творении, как в отношении порядка во времени, так и касательно обстоятельства дела. И я отрекаюсь от всего, что в моей книге сказано об образовании земли, и вообще от всего того, что могло бы оказаться в противоречии с повествованием Моисея. Я выдвинул свою гипотезу об образовании планет лишь в качестве философского предположения».

Вынужденное отречение, однако, не могло ослабить громадного впечатления этой интересной книги, отличающейся не только серьезным содержанием, но и своей блестящей формой изложения.

2

Не успела еще феодальная реакция прийти в себя от смятения, вызванного

¹ Montesquieu «Esprit des lois», кн. V, гл. XII, стр. 51.

² Там же.

³ За эту работу Дидро заплатился тюрьмой; формальным поводом для заключения философа в тюрьму было то, что он нанес оскорбление любовнице одного сановника.

работами Дидро, Монтескье и Бюффона, как она получила еще более тяжелый удар. Этот удар нанесла ей знаменитая «Энциклопедия», создателем и вдохновителем которой был Дени Дидро. Уже самая идея «Энциклопедии» не могла не привести в отчаяние врагов прогресса и культуры. Ведь «Энциклопедия» ставила своей целью подвести итог завоеваний человеческого ума, итог всех достижений науки, которая по самой своей природе всегда была враждебна церкви и отстаивала свои позиции в тяжелой борьбе с религиозным и политическим мракобесием. Кроме того условия эпохи возлагали на «Энциклопедию» еще и другие задачи: она должна была, во-первых, стать систематизатором научных знаний и их рассадником среди широких масс и, во-вторых,—проводником новой, революционной идеологии. «Хороший энциклопедический словарь,— писал Дидро в своей статье «Энциклопедия»,— должен иметь такой характер, чтобы он мог изменить общий способ мышления». И надо отдать должное громадной энергии Дидро, который, преодолевая невероятные трудности, стоявшие на пути создания «Энциклопедии», с честью выполнил все те задачи, которые ставило себе это издание. Выход «Энциклопедии» был встречен с энтузиазмом всеми друзьями прогресса и нескрываемой злобой и шипением—всеми мракобесами.

Не успели еще выйти первые два тома этого издания, как рыцари черной реакции пустили в ход все средства, чтобы погубить это великое дело. По их настоянию королевским советом было вынесено следующее постановление: «Его величество признал, что в этих двух томах излагаются многие положения, стремящиеся уничтожить королевский авторитет, укрепить дух независимости и возмущения и своими темными и двусмысленными выражениями заложить основы заблуждения, порчи нравов и неверия».

В результате этого первые два тома были запрещены, и на основе специального *lettre de cachet* Дидро должен был представить властям все имеющиеся у него издания рукописей. Опасаясь ареста, Дидро бежал из Парижа. Однако несмотря на все проделки и козни врагов издание «Энциклопедии» не прекратилось. За период 1754—1756 годов вышли еще четыре тома, а в 1757 году вышел седьмой том. Вышедшие тома снова вызвали большое возбуждение в церковных кругах своими «еретическими» статьями, церковники опять повели усиленную кампанию за запрещение этого «богохульного» издания. Их домогательства увенчались успехом и на этот раз: решением королевского совета была воспрещена продажа вышедших

Дидро.

томов и печатание новых томов «в виду того, что польза, приносимая искусству и науке, совершенно не соответствует вреду, наносимому религии и нравственности».

Но и это постановление не сломило воли и энергии Дидро. Он продолжал тайно готовить и печатать томы «Энциклопедии». В 1765 году все подписчики получили последние 10 томов. Кроме того к 1772 году Дидро было выпущено еще 11 томов гравюр.

Трудно переоценить громадное культурно-историческое и революционное значение «Энциклопедии». И не случайно, конечно, она имела такой громадный успех как в самой Франции, так и за границей (в 1774 году были уже четыре иностранных перевода «Энциклопедии»).

«Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера, бесспорно, является одним из монументальнейших памятников человеческой культуры. К сожалению, невероятно трудные политические условия и придирчивость цензуры вынуждали редакторов уродовать многие статьи, а также помещать некоторые статьи, не соответствовавшие ни духу, ни целям этого издания. «Время,— сказал однажды Д'Аламбер,— научит людей отличать то, что мы думаем, от того, что мы говорили». Так например «Энциклопедия» вынуждена была выдерживать благочестивый тон при помещении статей теологического содержания, однако и здесь авторы в большинстве случаев умудрились влить изрядную дозу дегтя в сладкий богословский мед; так например объяснение какого-либо религиозного догмата обыч-

но сопровождалось нарочито обстоятельным изложением всех возражений, которые делались против него разными «ересями». При этом автор, сохраняя внешне беспристрастный тон и воздерживаясь от собственных выводов, давал читателю достаточный материал, чтобы самому опровергнуть или понять нелепость того или иного богословского тезиса.

Что же касается статей на социально-политические и злободневные темы, то все они были начинены революционным динамитом. Сотрудники «Энциклопедии» старались использовать каждую заметку, самый незначительный повод в интересах пропаганды своих революционных идей. Так например статья «Поденщик» дается в таком виде: «Поденщик — такой рабочий, который занимается ручной работой и получает поденно заработную плату. Этого рода люди составляют большинство нации, хорошее правительство должно иметь главным образом в виду их положение. Если поденщик в нищете, и вся нация бедна».

В статье «Человек» мы находим следующее место: «Равномерно распределенные чистые прибыли всего общества должны быть предпочитаемы более значительным прибылям, неравномерно распределенным, так как эти последние разделяют народ на 2 класса — на людей, утопающих в избытке, и на людей, гибнущих в нищете».

В статье «Привилегия» автор резко критикует широко вошедшую в практику систему продажи должностей, дающих дворянское звание, в результате чего богатый буржуа освобождается от налогов и вся тяжесть последних ложится на плечи беднейшей части населения.

«Из такого злоупотребления привилегиями, — читаем мы в «Энциклопедии», — происходит двойной весьма значительный вред: беднейшая часть населения постоянно обременена непосильными налогами, несмотря на то, что она самая полезная для государства, так как этот класс состоит из тех, кто обрабатывает землю и доставляет пропитание для высших классов, другой происходящий отсюда вред заключается в том, что привилегии внушают талантливому и образованному людям отвращение к судебным должностям и ко всем другим профессиям, требующим трудолюбия и прилежания, и заставляют их предпочитать ничтожные занятия и пустые должности».

В «Энциклопедии» имеется также немало статей, авторы которых поднимаются на высоту самого смелого и сурового обвинения и осуждения политики феодального деспотизма и пламенной защиты интересов неимущих масс. Так например Жан-Жак

Руссо в своей известной статье «Политическая экономия» бросает по адресу феодального общества следующие гневные слова:

«Разве все выгоды общества не принадлежат одним сильным и богатым? Разве не им одним достаются все доходные места, все преимущества и льготы от податей? Разве не остается почти всегда безнаказанным знатный человек, когда он обманывает своих кредиторов или совершает другие плутовства? ...Отправляется ли знатный человек в какое-нибудь опасное место, ему дают охранительную стражу; ломается ли ось его экипажа, тотчас же все бежит к нему на помощь; беспокоит ли его шум у его дверей, ему стоит только раскрыть рот, и все в минуту затихает; теснит ли его толпа, он делает только жест — все нудливо расступается перед ним; попадается ему на дороге телега, слуги готовы избить мужика до полусмерти, и пятьдесят почтенных пешеходов, идущих по своим делам, скорее должны позволить себя переехать, чем задержать экипаж гнусного ленивца. Как не сходно с этим положение бедняка! Чем больше человечество должает ему, тем меньше оно дает ему прав. Перед ним заперты все двери даже тогда, когда он имеет право отворить их, и если он просит иногда справедливости, это стоит ему большего труда, чем если бы кто другой добивался себе милости. Конечно, ему всегда дают первое место, когда идет дело о барщине или поставке рекрутов. Кроме своего собственного бремени, он несет еще бремя своего соседа, который достаточно знатен и богат, чтобы отделаться от этого бремени. В каждом несчастье, которое с ним случается, он остается одиноким. Опрокидывается его тележка, он не может рассчитывать на помощь и должен считать себя счастливым, если разукрашенные лакеи какого-нибудь молодого герцога не станут еще мимоходом грубо издеваться над ним. Но я считаю погибшим бедняка, если он так несчастен, что у него есть честное сердце, красивая дочь и еще сильный сосед».

Такого рода статьи способствовали революционизированию сознания общества и усилению «духа мятежа» среди «третьего сословия». Новые политические взгляды и теории, которыми была насыщена «Энциклопедия», играли мобилизующую и организующую роль, звали на борьбу с отжившими политическими учреждениями. Не удивительно, что «Энциклопедия» явилась объектом особенно яростных атак со стороны темных сил реакции.

Но «Энциклопедия» в течение сравнительно короткого срока превратилась в такую могучую силу, она завоевала себе

столь широкие симпатии и поддержку общества, что никакие гнусные интриги и происки ее врагов, никакие репрессивные меры со стороны деспотической власти не были в состоянии заставить ее умереть преждевременной насильственной смертью. «Энциклопедию» не только не удалось задушить, но она все более становилась тем центром, который объединял вокруг себя все лучшие умы века, все наиболее прогрессивные силы страны. И потому на энциклопедистов правильно стали смотреть как на особую группу, объединенную определенной программой, более или менее общим мировоззрением и единой враждой к системе феодального деспотизма. И если к началу второй половины века реакция имела дело с отдельными, разрозненными стрелками из прогрессивного философского лагеря, с которыми ей не так трудно было расправиться, то теперь ей приходилось выдерживать организованный натиск целой группы, сплоченной единством интересов и целей,—группы, которая и при наступлении и при обороне подавляла противников своим громадным интеллектуальным и моральным превосходством и которая своим сокрушительным комбинированным огнем приводила своих противников в состояние панического смятения и панического страха.

Этот панический страх реакции перед «партией философов» нашел довольно яркое выражение в следующем заявлении генерального прокурора Жоли де Флери в связи с осуждением на сожжение в 1759 году книги Гельвеция «Об уме» и ряда других философских сочинений: «С большою мы вынуждены констатировать,— нечего скрывать это от себя,— что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения духа независимости и для развращения нравов. Разве подобные крайности не требуют самых сильных мер борьбы с ними? Не должна ли юстиция проявить всю свою строгость, взять в свои руки меч и поразить без различия всех святотатцев, которых осуждает религия и от которых отрекается отечество»¹.

Жоли де Флери не зря призывал все небесные и земные громы и кары на революционных мыслителей, ибо за десятилетие, истекшее со времени появления книги Монтескье, до момента выхода книги Гельвеция на голову реакции, помимо 7 увесистых томов «Энциклопедии», обрушился еще целый ряд революционных книг огромной взрывчатой силы. В течение этого времени вышли 2 знаменитые

¹ Felix Rocquain «L'esprit revolutionnaire», p. 213.

Вольтер.

диссертации Руссо: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов», «О причинах и основах неравенства среди людей»,—несколько томов «Естественной истории» Бюффона, ряд сочинений Вольтера, «Базиллада» и «Кодекс природы» Моррели. В произведениях Моррели уже была выражена идея о том, что причиной общественного зла является имущественное неравенство, и выставлялось требование об установлении коммунистического строя, как наиболее соответствующего законам природы.

На угрозу Флери жестоко расправиться со всеми «святотатцами» Вольтер, живший в это время в Фернее (близ Женевы), ответил своим знаменитым лозунгом «Раздавите гадину!» Война между силами реакции и силами прогресса разгоралась все сильнее и сильнее. Общее руководство в борьбе с «гадиной», т. е. с католической церковью, взял на себя Вольтер, проявивший в этой схватке исключительную энергию и находчивость. «Фернейский патриарх» посылал своим друзьям для распространения одно сочинение за другим—каждое из них неизменно пользовалось большим успехом и наносило чувствительные удары врагам прогресса. При этом Вольтер, стремясь к наиболее широкой пропаганде своих идей, предпочитал маленькие брошюры большим книгам, ибо брошюры легче было распространять, легче прятать от полнейских инквизитов, а главное, легче одолевать широкому читателю. Таких брошюр в форме памфлетов и сатир

Гельвеций.

немало написал сам Вольтер. Но он не только сам давил «галуну» своими хлесткими и острыми сочинениями, но, как признанный авторитет философской партии, руководил деятельностью ее членов, распределяя роли, давая указания, как использовать ту или иную политическую ситуацию, против кого надо открыть огонь, какой материал собрать, чьей поддержкой заручиться и т. д.

Вольтер учил также своих соратников тактике конспирации. «Мне хотелось бы,— говорил он,— чтобы каждый брат ежегодно пускал из своего колычана стрелы в чудовище, и притом так, чтобы оно не знало, какая рука наносит удары... Не следует ничего выпускать под своим именем».

В своих язвительных сатирах и публицистических творениях Вольтер с большой силой и блеском бичевал отвратительные стороны феодализма, произвол и честолюбие сановников, преступные махинации и жоварное лицемерие служителей культа, низкие нравы и невежество высшего общества, хищную эксплуатацию феодалами крестьянства и т. д. Одной из основных причин всех социальных и политических зол Вольтер считал преступную политику церкви, которая, действуя в своих корыстных интересах, приносила стране и народу громадный вред.

«Паписты, лютеране, кальвинисты,— писал Вольтер,— все это одинаково кровавые религиозные клки. Паписты — это рабы, которые сражались под знаменами папы во имя своего тирана. Лютеране сражались за своих князей. Янсенисты и молинисты разыгрывали фарс во Франции.

Лютеране, кальвинисты давали кровавые представления в Англии, Германии, Голландии... Догмат осудил на мученическую смерть десять миллионов христиан. Мораль не причинила ни единой царапины... Догмат вносит разделение, ненависть, жестокость в области, в города, в семьи».

Но если Вольтеру и принадлежит громадная заслуга в деле дискредитации религии и феодальных порядков, то все же надо признать, что в деле критики религии его радикализм не простирался дальше деизма, а в области политики он считал возможным примириться с просвещенным абсолютизмом, т. е. с монархией, опирающейся не на духовенство, а на образованную часть общества. Вольтер, ведя борьбу с католицизмом, все же горячо отстаивал тезис о существовании бога и видел в религии «узду» для низших классов общества. Ему принадлежит известное изречение, что «если бы бога не было,— его надо было бы выдумать». Для Вольтера также характерно то, что он относился с недоверием к народу и был ярким противником демократизма.

Значительно радикальнее оказались младшие современники Вольтера как в своих взглядах на религию, так и по политическому мировоззрению. Так например Дидро очень скоро преодолел деизм, который он вначале исповедывал, и стал убежденным атеистом; его единомышленниками были Гельвеций и Гольбах, из которых первый поразил всю Францию и весь мир своей необычайно смелой для того времени книгой «Об уме», вышедшей в 1759 году; а последний начал развивать свою атеистическую пропаганду во второй половине шестидесятих годов XVIII века.

Книга «Об уме», написанная ярким, увлекательным языком, проникнутая революционным задором, пересыпанная блестящими тонкого юмора, произвела впечатление разорвавшейся бомбы в лагере реакции. Это сочинение поразило современников ярко выраженными материалистическими тенденциями, острой критикой существующих порядков, необычайно смелыми нападениями на религию и духовенство. Гельвеций не побоялся упрекнуть деспотов в том, что они «сами над собственной головой вешают меч, который должен их поразить», в связи с чем он предрекал им весьма печальную участь¹. Впору тупому и развращенному до мозга костей королю Людовику XV и его пролажным и корыстным министрам Гельвеций приводил следующие слова Болингброка: «Я присмотрелся к тем лицам,

¹ К. А. Гельвеций «Об уме», стр. 218. Соцэкгиз, 1935.

которые держали кормило правления в Англии, и увидел, что вельможи имели довольно большое сходство с теми финикийскими богами, на чьи плечи сажали голову быка в знак их высшей власти, и что вообще люди управляются наиболее глупыми из их среды» (там же, стр. 223).

Приведя эти язвительные слова английского писателя, Гельвеций сопровождает их следующим замечанием: «Эта истина, которую Болингброк может быть в досаде применил к Англии, неоспорима почти для всех империй Востока».

Читателю, конечно, нетрудно было сообразить, что истина Болингброка неоспорима не только для Англии и восточных стран, но прежде всего для самой Франции.

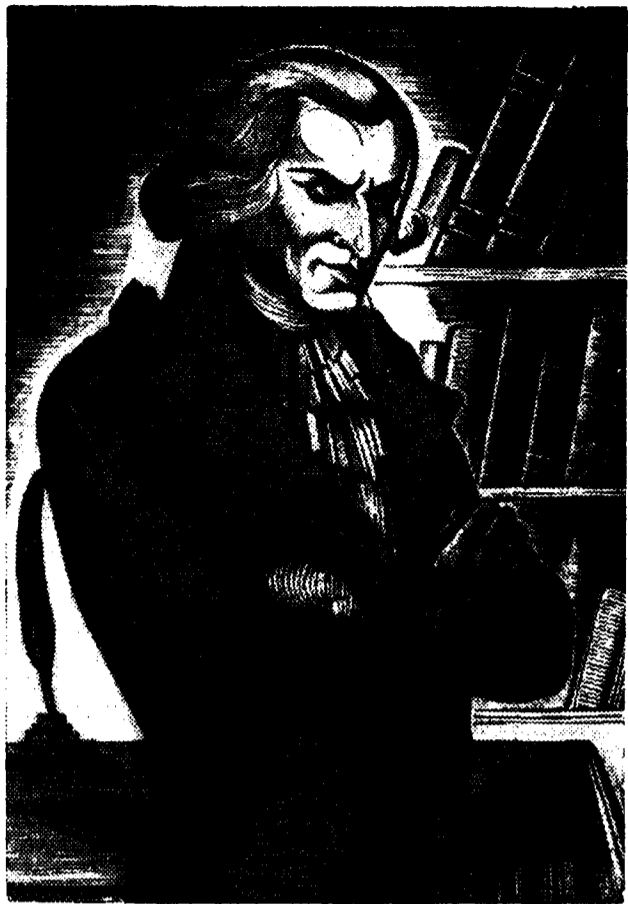
Особенно зло издевался Гельвеций над перковниками. С большим одобрением приводил он следующие слова Гордона: «Если бы чума раздавала ордена, ленты и пенсии, то, наверно, нашлись бы достаточно гнусные теологи и достаточно низкие юристы, чтобы утверждать, что царство чумы основано на божественном праве и что уклоняться от заразы ею значит совершать величайшее преступление». «Словом,— добавляет Гельвеций,— в этих государствах благоразумнее быть соучастником, нежели обвинителем мошенников: добродетели и таланты всегда служат здесь мишенью для тирании»¹.

Книга Гельвеция нанесла католицизму и феодальному деспотизму большое поражение, народ восторженно рукоплескал смелому философу, а реакция в испуге подняла невообразимый вой и резко усилила репрессии по отношению к философам.

3

Но все жестокие меры преследования авторов, издателей и распространителей оппозиционной литературы, равно как и неистовая строгость цензуры не в силах были приостановить прогрессивного развития революционной мысли. В начале шестидесятых годов XVIII века выходят главные сочинения Руссо: «Эмиль, или о воспитании» и «Об общественном договоре» (на основах учения Руссо мы остановимся ниже), — явившиеся еще одним чрезвычайно тяжелым ударом по феодальному деспотизму. В 1767 году начинают появляться сочинения Гольбаха («Разоблаченное христианство», «Священный обман», «Священная зараза», «Очерк о предрассудках», «Карманная теология» и т. д.), в которых автор подвергает жестокому осмеянию все религи-

¹ К. А. Гельвеций «Об уме», стр. 225.

Гольбах.

озные установления. В то время как Вольтер и другие деисты видели в религии узду, сдерживающую простой народ от преступлений и безнравственных поступков, Гольбах доказывает обратный тезис, что религия морально калечит человека, делает его ленивым, черствым, легковерным, нетерпимым, лицемерным и приносит пользу только власти имущим. «Везде,— говорит Гольбах,— священник заставляет дрожать и обезоруживает подданного, чтобы деспот мог с него безнаказанно сдирать шкуру».

В 1770 году вышла работа Гольбаха «Система природы», которая была написана еще более откровенно и смело чем «Об уме» Гельвеция.

В своих работах, вышедших до 1770 года, Гольбах еще не подвел твердой философской базы под атеизм. Это было сделано только в его фундаментальной книге «Система природы», вышедшей под псевдонимом «Мирабо — постоянный секретарь французской академии и наставник принца Орлеанского». В этом труде Гольбаха дается полное методологическое обоснование материалистического мировоззрения. Вопреки учению теологов о сотворении мира из «ничего» Гольбах выдвигает положение о вечном существовании материи и основным свойством последней признает движение. Он отрицает бессмертие души и независимость духа от материи и признает мышление, в полном соответ-

Жан-Жак Руссо.

ствии с данными науки, функцией особым образом организованной материи. Утвердившись на материалистической базе, Гольбах полностью отвергает всякую религию, считая ее порождением страха и невежества, с одной стороны, и орудием обмана — с другой.

Конечно, материализм Гольбаха, так же как и материализм Гельвеция, с точки зрения диалектического материализма, не может быть признан совершенным, так как он носит механистический и метафизический характер и остается на идеалистических позициях в области объяснения истории развития человеческого общества. Гольбах не понимал диалектики бытия и сознания, так же как не мог понять определяющей роли экономической основы общества в создании нашей идеологии. Тем не менее «Система природы» являлась для своего времени событием огромного научного и революционного значения и чрезвычайно важной вехой на пути движения философской мысли к диалектическому материализму.

Но если Гольбах (совместно с Дидро и Гельвецием) пошел дальше других своих великих современников (Вольтера, Монтескье, Руссо) в смысле разработки материалистического мировоззрения и радикального разрушения основ религии, то по политическому радикализму и философской глубине своей социальной концепции впереди всех, несомненно, стоит Жан-

Жак Руссо. Еще в первых диссертациях Руссо с огромной силой прозвучал голос пламенного демократа, выступившего в защиту интересов «низших» классов против тирании феодальной аристократии и с большим блеском показавшего, что подлинную добродетель надо искать не среди великосветских тунеядцев, а в народных массах.

«Под деревенской одеждой земледельца, а не под золоченой мишурою придворного, — писал Руссо в своей первой диссертации, — скрывается сила и бодрость души».

Руссо с возмущением упрекал господствующие классы в том, что они, предаваясь всецело праздной и распутной жизни, полностью утерли всякие гражданские доблести и думают только о себе, равнодушно относясь к судьбам страны.

Но если Руссо был вполне прав в своей критике гнусностей феодального режима, то причина падения нравов ему не была ясна. Этот мыслитель не понимал (и в условиях своего времени не мог понять), что ключ к объяснению нравов надо искать в экономике, и поэтому в некоторых местах своего первого сочинения он неправильно объявлял виновницей социального зла самую науку. Впрочем, нужно оговорить, что сам Руссо чувствовал неудовлетворительность такого объяснения и в этом же сочинении, а особенно в последующих своих работах, подчеркивал, что он осуждает не науку, а порочный, антиобщественный характер ее использования.

Так например в заключительной части своей первой диссертации Руссо бросает королевской власти упрек в том, что она игнорирует науку и разум. «Пока власть, — пишет он, — будет с одной стороны, а просвещение и мудрость отдельно с другой стороны, ученым будут редко приходиться в голову великие мысли, государям еще реже будут делать великие дела, а народ будет везде попрежнему жалким, испорченным, несчастным».

Таково было первое сочинение Руссо, которое удостоилось премии Дижонской академии и сделало имя автора знаменитым. Спустя несколько лет последовало другое сочинение Руссо, «О причинах и основах неравенства», изобилующее целым рядом глубоких социальных обобщений и сокрушительными нападками на современный автору общественный строй. Мы не можем здесь заниматься подробным анализом этого замечательного произведения XVIII века, высокие диалектические достоинства которого в свое время отметил Энгельс в «Анти-Дюринге». Укажем только, что выдвигая Руссо антитеза — естественный человек — и цивилизованный человек — вопреки существующему в буржуазной ли-

тературе мыслию имела отнюдь не реакционный, а глубокий революционный смысл. Это противопоставление человека первобытного общества человеку цивилизованного общества ни в какой мере не означало (как это неоднократно разъяснял Руссо), что автор призывал общество вернуться в леса, в первобытные условия жизни. Теория «естественного человека» нужна была Руссо для того, чтобы показать, что 1) неравенство состояний не только не есть закон природы (как утверждали идеологи реакции), но и прямо противоречит последней; что 2) человек от природы не зол и не испорчен, и «цивилизованное» общество его развращает своими неправомерными общественными порядками, систематическими злоупотреблениями и тяжелым гнетом; что 3) добродетель не только не является характерным атрибутом цивилизованных людей, но общество все более и более деградирует в моральном отношении по мере того, как в нем усиливается неравенство состояний; что 4) тяжелый гнет и невзгоды, которые вынуждены претерпевать неимущие элементы современного общества, низводят их до такого жалкого состояния, что даже удел первобытного человека может вызвать у них зависть, и что 5) человек цивилизации, исковерканный ненормальными общественными условиями, дегенерирует как физически, так и морально. Он становится болезненным человеком, он теряет чувство человеческого достоинства и веру в свои силы, в нем воспитываются трусость, подозрительность, лживость и т. д.

В первых своих диссертациях Руссо ограничивался только критикой, разоблачением социальных зол и выявлением их причин, но не выдвигал еще никакой определенной социально-политической программы преобразования общества. Эту вторую задачу Руссо разрешает в двух своих главных сочинениях: «Эмиль, или о воспитании» и «Об общественном договоре», — вышедших в 1762 году.

В рамках настоящей статьи нет возможности останавливаться на всех сторонах социально-политического учения Руссо (в частности на его революционных идеях о воспитании, оказавших громадное влияние на дальнейшее развитие педагогической мысли). Приходится ограничиться только краткой характеристикой учения Руссо о государстве, изложенного им в «Общественном договоре». Центральной идеей этого произведения является учение о народном суверенитете. В основу этого учения Руссо положил теорию общественного договора. Эта теория была впервые разработана английским философом XVII века Томасом Гоббсом. Согласно учению последнего, люди в то время, когда

они находились в естественном или первобытном состоянии, вели друг с другом постоянную войну («война всех против всех»). Чтобы положить конец этой ужасной жизни, они вступили в договор с сувереном — королем, который взял на себя вооруженную защиту людей от взаимного нападения и потребления, а его подданные обязались беспрекословно подчиняться ему.

Для своего времени эта теория была прогрессивным явлением, хотя она и использовалась Гоббсом для обоснования королевского абсолютизма. Ее прогрессивность заключалась в том, что она нанесла серьезный удар теологической концепции о божественном происхождении власти и рассматривала государство как установление людей. В дальнейшем эта теория получила более революционное толкование в трудах Сиднея и Локка. Однако ни один из этих предшественников Руссо не сделал из теории общественного договора столь смелых революционных выводов и не дал столь глубокого обоснования народного суверенитета, как Ж.-Ж. Руссо.

Смысл учения Руссо, излагаемого в «Общественном договоре», сводится к тому, что он отвергает всякие попытки оправдать право государя распоряжаться судьбами народа по своему усмотрению и произволу, ссылаясь на то, что это право ему якобы даровано богом. Руссо считает, что всякая власть законна лишь тогда и постольку, поскольку она отвечает интересам народа, причем высшим судьей этого опять-таки может быть лишь народ. Все полномочия, которыми пользуется или может пользоваться монарх, исходят от народа и являются как бы результатом общественного соглашения. Из этого вытекает, конечно, целый ряд революционных следствий, а именно: 1) государь и все возглавляемые им государственные органы отвечают перед народом за свои действия, 2) народ-суверен имеет право свергнуть негодного ему государя и изменить форму правления, 3) законодательная власть всецело принадлежит народу. «Народ, подчиненный законам, — говорит Руссо, — должен быть автором этих законов». Государь же — это только слуга народа или исполнитель его воли.

«Хранители исполнительной власти являются не господами народа, а его чиновниками: народ может назначить их и сместить, когда ему угодно; их роль вовсе не в том, чтобы договариваться, а в том, чтобы повиноваться».

При этом Руссо считал наилучшей формой правления демократию, а наихудшей — монархию. Руссо резко и язвительно возражает всем тем «ученым», которые доказывают, что монарху, как бы он ни злоупотреблял своей властью, надо безропотно

подчиняться. Эти ученые, саркастически замечает Руссо, утверждают, что «бог посылает дурных королей в гнев своем, и их следует переносить, как небесную кару. Это поучение, без сомнения, очень назидательно, но, оно, пожалуй, уместнее с кафедры проповедника, чем в политической книге. Что бы вы сказали о враче, который обещает чудеса и все искусство которого заключается в увещании своего больного терпеть?»¹.

Признавая наилучшей формой правительства демократию, Руссо, однако, оговаривается, что демократия, в строгом смысле слова, не существовала и никогда не будет существовать. «Если бы существовал народ, состоящий из богов,— говорил Руссо,— то он управлялся бы демократически. Такое совершенное правительство не годится для людей»². На основании этих слов идеологи реакции нередко ссылаются на то, что, мол, сам апостол демократии Руссо, противореча самому себе, сознавался в практической неосуществимости последней. Нетрудно, однако, установить, что реакционеры, преследуя свои классовые интересы, тенденциозно искажают Руссо. Говоря о демократическом управлении, Руссо имел в виду не участие народа в законодательной деятельности (принцип суверенности народа для него остается неизменным), а форму исполнительской власти³, т. е. форму правительства.

Вкладывая такое содержание в термин «демократия», Руссо отвергал практическую осуществимость участия всего народа в правительстве. «Не надо,— писал Руссо,— усложнять напрасно механизма, ни делать с двадцатью тысячами человек того, что сто избранных людей могут сделать гораздо лучше»⁴.

Это его утверждение, конечно, ни в какой мере не противоречит основному его положению, что суверенитет должен принадлежать всему народу, и его горячей защите принципа демократии.

Феодальная аристократия и духовенство, разумеется, встретили «Общественный договор» и «Эмиля» в штыки. Парижский

¹ Жан-Жак Руссо «Об общественном договоре», стр. 66.

² Там же, стр. 58.

³ «Суверен (в данном случае народ.— Л. Г.),— пишет он,— может, во-первых, возложить функции правительства на весь народ или на большую часть народа, так что окажется больше граждан-чиновников, чем граждан—простых частных лиц. Такую форму правительства называют демократией».

⁴ Жан-Жак Руссо «Об общественном договоре», стр. 60.

парламент осудил «Эмиля» на сожжение и издал приказ об аресте автора. Парижский архиепископ Бомон выпустил особое послание, в котором он осыпал Руссо руганью и клеветой. Тем же звериным воем встретил «опасные» книги Руссо богословский факультет Сорбоннского университета. Декан этого факультета выступил со специальным докладом о Руссо, в котором он приравнял этого мыслителя «к разбойникам и убийцам, которые только думают о том, чтобы грабить, убивать, жечь... чтобы насытиться своей злобой и удовлетворить прирожденную им склонность вредить».

Но мракобесы всех мастей и феодальная аристократия бессильны были остановить триумф революционных идей, вознесенных Руссо. Через четверть с лишним века после появления «Общественного договора» во Франции грянула буржуазная революция, которая смела деспотический режим монархии, призвала к суровому ответу всех рыцарей черной реакции и высоко вознесла на пьедестал славы крупнейших вдохновителей революции — Вольтера и Руссо.

Уже в «Декларации прав человека и гражданина» чувствуется влияние великих идей «Общественного договора». Эти идеи продолжали оказывать все большее и большее влияние, по мере того как углублялась революция. Громкую силу воздействия идей Ж.-Ж. Руссо можно проследить и по отдельным сочинениям, трактующим социально-политические проблемы, и по целому ряду революционных памфлетов, и по выступлениям крупнейших деятелей революции, и по важнейшим законодательным актам, по петициям, приказам и резолюциям издателей.

В числе восторженных учеников Руссо были и революционный трибун Марат, и вождь якобинского движения Робеспьер, и мужественный якобинец Сен-Жюст. Имя Руссо с благоговением произносилось с трибун Национального, а затем Законодательного собрания. Но особенно высок был культ Руссо в период Конвента, и наиболее близок к этому мыслителю был «непокупный» Робеспьер, который во всей своей деятельности вдохновлялся и руководствовался идеями великого апостола демократии — Ж.-Ж. Руссо. «Общественный договор Руссо,— пишет Энгельс,— нашел себе применение в господстве террора»⁵.

По постановлению Конвента, в 1794 году прах Жан-Жака Руссо был перевесен в Пантеон.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 259.

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

Французская буржуазная революция конца XVIII века была общеевропейским делом.

Если феодально-абсолютистские силы объявили крестовый поход против революционной Франции, то прогрессивные силы Европы видели в победе французской революции залог освобождения Европы от феодально-абсолютистского гнета.

Из соседней Германии герцог Брауншвейгский повел полчища интервентов против революционного Парижа на защиту абсолютной монархии, и в то же время в той же Германии старый Кант с нетерпением ждал вестей из революционной Франции, Гете отмечает битву при Вальми как начало новой эры человечества, Шиллер и Кляшторск получили от французского Законодательного собрания звание французских граждан, Шеллинг и Гегель в честь революции посадили дерево свободы в Тюбингенском лесу, Люке, Шнейдер и многие другие поклонники свободы отдали себя в распоряжение революции¹.

Та же картина повторялась в феодально-абсолютистской России.

Екатерина II организовывала силы контрреволюции. Революционный гром, как писал Герцен, не давал спокойно спать монархам на Дунае и на Неве. Передовые же русские люди были на стороне французской революции.

Прямо всего революционными событиями были захвачены люди разных общественных кругов небольшой русской колонии, жившие в Париже.

На штурм Бастилии ходил с ружьем юный Б. В. Голицын. Молодой граф Строганов, ученик Рамма, с трибуны Якобинского клуба выразил горячее желание видеть Россию обновленной революцией, и Якобинский клуб посылал его выступать у речевки Национального собрания. Архитектор Ремизов, посланный Академией художеств в Париж учиться, во время революции вступил в Национальную гвардию. Бывший крепостной графа Шувалова Рязанов, обостравшийся в Париже, также вступил в Национальную гвардию. Несколько бывших крепостных слуг русских вельмож вступило в линейные войска. В революционный поток был влечен и священ-

ник русского посольства Криницкий. Посол Екатерины в Париже Симолни обратился в коллегию иностранных дел в 1791 году с ходатайством об отозвании этого священника, так как со времени революции, пишет Симолни, «права человека вступили ему в голову, так что он более ни приходить ко мне на требования по церковным делам, ни повиноваться не хочет; на возражения же мои отвечает, что он позовет меня к суду в здешний трибунал»².

Господствующий в России класс — дворянство — встретил революцию со страхом и ненавистью. Для русского дворянства революция была «французской пугачевщиной», угрожавшей не только французским феодалам.

«Переворот во Франции,—писал А. Р. Воронцов,—заслуживает особое внимание государей, дворянства и, можно сказать, всех начальств и властей веками установленных... Если сей образ правления и много равенства хоть тень окоренелости во Франции примет, он будет иметь пагубные следствия и для прочих государств и с тою только разницею, что в одном раньше, а в другом позже»³.

Для борьбы против революции дворянство сплотилось вокруг трона. Фрондистские настроения, имевшие место еще в конце XVIII века в некоторых кругах знати, быстро были изжиты. Чувства этой знати прекрасно выражает стихотворное «Мнение некоего россиянина о единоначалии», напечатанное в 1793 году:

«Что ныне Франция? Удары буйства
гневны.

Повсюду там творят позорища плачевны.
Весь Россам следуя умели-б покоряться.
Могли-бы вечным все покоем наслаждаться.
Единодушие здесь чтит едну власть,
Без коего могло-б блаженство наше пасть...»

Есть предположение, что стихотворение это принадлежит одному из лидеров аристократической фронды, княгине Лашковой, для которой революционный Париж стал «сквином разбойников и каторжников».

² «Литературное наследство» № 29/30, стр. 440, 1937.

³ В. Бочкарев «Русское общество Екатерининской эпохи и французская революция» («Отечественная война и русское общество», 1812—1812), стр. 60.

¹ A. Rambaud «La Révolution française et l'aristocratie russe», p. 7. Paris, 1878.

Но если, с одной стороны, опасность революции сплачивает лагерь реакции, то, с другой стороны, революция возбудила надежды и дала идейное вооружение передовому слою дворянских революционеров и разночинцев, сформировавшемуся в России во второй половине XVIII века.

Этот лагерь откликнулся на французскую революцию «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. Обращаясь к революционной Франции, Радищев писал в оде «Вольность»:

«Ликуешь ты, а мы здесь страждем!

Того-ж, того-ж и мы все жаждем».

Развитие революционных событий, по свидетельству современников, вызывало живой отклик в передовых слоях России.

Французский поверенный в делах Жанэ в своем донесении в 1791 году из Петербурга писал, что он видел здесь русских людей, которые плакали от радости, узнав, что король признал конституцию, что он слышал, как другие говорили с энтузиазмом о том, что если их сыновья, братья или родственники будут посланы сражаться с французами, они будут заклинать их во имя всего самого дорогого стрелять в воздух; путешественники, проезжавшие из Москвы, уверяли его, что там народ еще больше расположен в пользу Франции; подобные же сообщения получались из провинции. «Это доказывает, — заключает Жанэ, — что в Российской империи есть настоящий зародыш демократии»¹.

Эти распространенные симпатии к революции вынуждены были признавать и ее враги. Кочубей писал С. Воронцову в Лондон: «Вы не знаете, как много зла сделала французская революция. Она имеет у нас, как и всюду, много сторонников»². РаSTOPЧИН писал ему же о сотнях молодых людей, «которые предпочитают быть приемными сыновьями Робеспьера и Дантона».

Любопытно отметить, что Александр I в 1796 году в беседе с А. Чарторыйским заявил, «что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французской революцией». Это была, конечно, рисовка, свойственная Александру, но характерно, что именно такие мысли могли выставить его в благоприятном свете в глазах его собеседника в то время.

В противовес реакционной политике царского правительства в отношении революционной Франции в прогрессивных кругах на протяжении всех лет революции можно было наблюдать сочувствие революции.

Основные идеи французской революции

¹ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France». Russie. T. II, p. 518—519. Paris. 1890.

² В. Бочкарев. Цит. соч., стр. 58.

прочно вошли в арсенал русской общественной мысли³.

1

Поколение российского дворянства, рожденное в период французской революции, свои детские и отроческие годы провело под впечатлением революционных событий во Франции.

В реакционных кругах эти впечатления воспринимали враждебно к революции. Немалую роль здесь играли и воспитатели из числа французских эмигрантов — заклятых врагов революции, для которых все, что делалось во Франции после их бегства, было «пестованиями черни».

Но среди этого поколения ровесников французской революции был и передовой отряд русского дворянства — будущие декабристы.

В революционном воспитании этого поколения наследство французской революции сыграло решающую роль. Вопреки всем кордонам Екатерины и Павла революционная пропаганда просачивалась и в Россию. «Революцию в барские дома, — писал Герцен, — несли нам на потопках своих заклятейшие враги ее — эмигранты»⁴. В самом деле, мозолившие всем глаза эмигранты невольно будили у вдумчивых дворянских юношей интерес к революционной Франции.

Гувернерами в ряде дворянских домов были не только эмигранты-аристократы: в некоторых дворянских домах сохранились учителя республиканского образа мыслей. Сеже, ставший позже секретарем женевакого революционного комитета, был воспитателем в доме графа Толстого. Пруссак Брюкнер, воспитывавший молодых князей Курякиных, содействовал развитию передовых взглядов у Сперанского. В Царскосельском лицее преподавал брат Марата — де Будри, — который не скрывал своих республиканских взглядов.

Более того: среди французско-гувернеров, как это ни покажется неожиданным, были и эмигранты-якобинцы, вынужденные покинуть родину после девятого термидора, «якобинцы в лучшем, самом энергичном и чистом смысле слова»⁵.

Называют среди таких эмигрантов некоего Дегура, чуть ли не бывшего секретаря Робеспьера, Меркурини, выступавшую в роли аллегорической фигуры «Разума» в

³ Подробнее о непосредственном отражении французской революции конца XVIII века в России см. нашу статью «Общественная мысль в России в конце XVIII века». «Исторический журнал» № 9 за 1938 год.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XX, стр. 399. 1923.

⁵ Там же.

робеспьеровском «культе разума». Герцен рассказывает о некоем Ральере, ученике Ромма, который явился после прерпальского восстания искать убежища у Строганова. Учителем Никиты Муравьева называют некоего якобински настроенного Маттье¹.

К этой же фаланге относится, конечно, и учитель самого Герцена—Бушо, который уехал из Франции, когда «развратные и плуты» взяли верх. Превосходный портрет Бушо Герцен дал в «Былом и думах»².

Эти живые свидетели прошлого заставляли оживать исторические книги о французской революции. В этом же направлении действовали и революционные тради-

¹ E. Hauman «La culture française en Russie» (1700—1900), p. 240—241. Paris. 1910.

² Примерную картину судьбы такого эмигранта-якобинца нарисовал Герцен в повести «Доктор, умирающий и мертвые» о вышеупомянутом Тразеасе-Гракхе Ральере, ученике и последователе Ромма, после прерпальского восстания решившего эмигрировать в Петербург, куда его давно приглашал его друг Строганов:

«Прежде чем Ральер отыскал «гражданина графа Строганова», он одним добрым утром встретил на улице Павла I. Заметив что-то якобинское в покрое его кафтана, Павел осмотрел его с головы до ног и велел узнать, кто он такой. Узнав, что он гражданин французской республики, Тразеас-Гракх по имени, император не то чтобы очень обрадовался и тут же велел отставить одного генерала, одного полковника, двух таможенных приставов и десяток квартальных за допущение в столицу такого Тразеаса-Гракха. Ральера схватили, свезли в крепость. Через час в крепость явился оберполицмейстер, через час и пять минут — тройка с фельд'егерем. Оберполицмейстер объявил, что государь приказал его отправить на житье в Пермь, и потом стал допрашивать его, зачем он приехал, какого звания и пр. «Справедливее было бы,— заметил Ральер,— сперва спросить, а потом ссылать». Полицмейстер испугался, секретарь записал. Ральера усадили в кибитку, адъютант проводил до заставы, и они помчались. На другой день они были километров за 300 от Петербурга, когда нагнала их другая тройка, скакавшая во весь опор. Адъютант, сидевший в ней, кричал фельд'егерю, чтоб он остановился, и бил ямщика, чтоб тот обгонял. Подскакавши, он соскочил с телеги, велел Ральеру выйти и объявил ему следующее от имени императора: государь находит замечание французского подданого Ральера совершенно верным. относит к глупости и нерадению по службе оберполицмейстера, что он сперва не допросил его, в силу чего всемилостивейше приказывает выслать означенного Ральера за границу, дав ему 100 червонцев на дорогу. Ральер отказался от денег и помчался тем же порядком в Петербург; на заставе его уже ждал третий адъютант с третьим приказом Павла: «За отказ от

ции русской передовой общественной мысли периода французской революции. Сокровищем С. Глинки, с которым он вступил в жизнь, были, по его словам, три книги, и одна из них — «Путешествие» Радищева.

Революционная Франция была для передовых людей этого поколения, по выражению одного современника, «убежищем свободы и разума, очагом священного огня, где они некогда зажгут светильник, долженствующий осветить их сумрачное отечество».

Одним из рассадников свободолюбивых стремлений был Царскосельский лицей. В секретном донесении о вольнодумных настроениях прогрессивной молодежи в 20-х годах неизвестный автор называет эти настроения «лицейским духом». Автор отмечает у либеральной молодежи знание «всех дерзких и возмутительных стихов и мест самых сильных из революционных сочинений» на французском языке. Говоря об источниках этого «лицейского духа», этот автор указывает: «Французская революция была благотворною росой для сих горьких растений»³.

С этими либеральными настроениями должен был считаться на первых порах царствования Александр I. Весь реквизит «либеральных проектов» первых лет царствования Александра был заимствован из арсенала французской революции, вплоть до прозвища «Комитет общественного спасения», который был дан «кружку друзей». Проекты законов, разрабатывавшихся комиссией Завадовского, были отражением законодательства буржуазной Франции. Не приходится уже говорить, что Радищев, привлеченный в эту комиссию, выдвинул четкую программу буржуазного строя, осуществленного французской революцией: равенство перед законом, публичное судопроизводство, суд присяжных, свобода совести, свобода книгопечатания, освобождение крепостных крестьян. За эту программу Завадовский ему пригрозил новой ссылкой в Сибирь, после чего затравленный «либеральными» полицейскими Радищев покончил с собой.

Александр нашел себе податливого статс-секретаря для своих «либеральных» маневров в лице Сперанского. Высшим проявле-

дений следовало бы иностранца Ральера строжайше наказать, но так как он показывает столько же бескорыстия, сколько первое замечание рассудительности, предложить ему на выбор ехать в ссылку в Сибирь или определиться в женское учебное заведение учителем французского языка, с обязанностью носить армейский прапорщичий мундир» (А. И. Герцен. Сборник посмертных статей, стр. 252—253. Женева. 1874).

³ «Русская старина», Т. IV, стр. 653. 1877.

нием либерализма Сперанского является «Записка 1803 года». Основные принципы этой записки: разделение властей, участие «всех состояний» в законодательной власти, ответственность «исполнителей» перед выборными законодательными учреждениями, публичное судопроизводство и пр., — очевидно, были навеяны французской конституцией 1791 года.

Либерализм царя Александра I быстро кончился. С цепи был спущен Аракчеев.

Знамя преобразования России подымает переходной отряд дворянских революционеров.

Отечественная война 1812 года, заграничные походы, испанская революция, все более резкое отставание крепостной России от капиталистического Запада, потребности зарождавшегося капитализма в России, рост крестьянских волнений, мерзости александровско-аракчеевского режима, — оформили социально-политические стремления передовых людей страны — уничтожить крепостничество и ликвидировать самодержавие, тормозившие развитие России.

Буржуазная революция во Франции оказала большое влияние на формирование буржуазно-революционного движения в России.

«И в то время как Александр I клялся скрепить Россию с неограниченными монархиями Европы, эти горячие молодые люди полные верой и энтузиазмом клялись впоследствии «ликвидировать самодержавие» (Гершен). Рождаются тайные общества будущих декабристов.

Ветухими идеями тайных обществ декабристов были пламенная любовь к отечеству, священные права человека, святая воля. Это все — идейное вооружение французской буржуазной революции. Самое слово «отечество» получило революционное значение в бурях французской революции. При Павле слово это было запрещенным в России.

По свидетельству Вителя, в 1820 году среди офицеров распевадалась песня на мотив «известной песни в дни революции», очевидно, «Марсельезы»:

«Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей.
Жаль нас деспотизм угнетает.
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами.
Ах, лучше смерть, чем жить
рабами,
Вот клятва каждого из нас».

Есть сведения о том, что, уже находясь на каторге в Сибири, декабристы, при возвращении с работы пели «Марсельезу».

Именно французская революция, как это указывал А. Пылити, поставила перед рус-

ской общественной мыслью вопрос о преобразовании России.

Читая книги, посвященные революции, декабристы критически воспринимали ее опыт применительно к России.

У Никиты Муравьева привязанность к революционной Франции зародилась с юношеских лет. Участник кампании 1814 года Никита Муравьев по возвращении русских войск в Париж делает визит епископу Грегуару, знаменитому деятелю французской революции, сохранившему свои республиканские убеждения и во время наполеоновского режима.

Важнейшие статьи проекта конституции Н. Муравьева, а именно статьи, говорящие о том, что источник верховной власти есть народ, что все русские равны перед законом, и др., являются повторением статей «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Следуя буржуазному духу французской революции, Муравьев включает в свой проект конституции и основное положение из знаменитой XVII статьи «Декларации прав»: «Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно».

Особенно велико было влияние французской революции на Пестеля, этого русского якобинца по своим политическим и социальным взглядам. Его программа превращения России в демократическую республику имела своим прообразом конституцию 1793 года. Она признавала за всеми право на существование и возлагала на государство обязанность дать каждому возможность осуществить это право. Пункт программы Пестеля о конфискации помещичьей собственности был, несомненно, навеян левыми течениями в якобинском лагере. Пример конституции 1793 года явился и в заботе Пестеля о «бедных, живущих только своим трудом»: «Правительство должно ограничить их от произвола богатых и не забывать, что несчастные бедняки также бывают больными, немощными, стареют и, наконец, не могут зарабатывать свое скудное пропитание».

Опыт классовой борьбы французской революции, превосходно изученный демократом Пестелем, звучит и в следующем его заявлении: «Я очень хорошо знаю, что все аристократы, как титулованные, так и денежные, восстанут против этих принципов, но гений зла позволял ли когда-либо предлагать добро и не объявлял ли он всегда войну не на живот, а на смерть, тем более ожесточенную и упорную, чем о более значительных интересах шло дело. Пусть правительство, пожелавшее вступить на столь благородный путь, не обращает внимания на их крикливые обвинения. Любовь и благословения всего народа вполне защитят

его от беспыльной ненависти нескольких порицающих его эгоистов»¹.

Эту идейную близость левого крыла декабристов к демократическим элементам французской революции отмечали и враги декабристов. Радопчин острит о декабристах: «Во французской революции сапожники и портные вздумали встать на место князей и графов, а у нас князьям и графам захотелось в сапожники и портные». Расхождения между Северным и Южным обществами в известной мере напоминают противоречия между жирондистами и якобинцами. Это бросается в глаза при сравнении их планов государственного устройства России. Н. Муравьев подобно жирондистам стоял за федеративное устройство России, Пестель, по примеру конституции 1793 года, стоял за республику «единую и нераздельную».

Но в отличие от якобинцев левое крыло декабристов было далеко от народа, и это сказалось в его настороженном отношении к революционному террору периода якобинской диктатуры. И для Пестеля это период «ужасных происшествий».

У декабристов было двойственное отношение к террору. Особенно хорошо это можно проследить на певце декабристов — А. С. Пушкине. С одной стороны, Марат для Пушкина — «исчадие мятежей», «над трупом вольности... палач уродливый», в «Разговоре» о французской революции Пушкин пишет о периоде террора, что это «жалкий эпизод французской революции, гадкая фарса в огромной драме». И вместе с тем в знаменитой черновой записи Пушкина мы читаем: «Только революционные головы, подобные Марату и Пестелю, могут любить Россию так, как писатель только может любить ее язык», затем имеется приписываемая Пушкину карманьола:

«Народ мы русский позабавим
И у фонарного столба
Кипшкой последнего попа
Последнего царя удавим».

В этой позиции нет ничего общего с обывательским ужасом перед «1793 годом», свойственным позднейшим либералам.

Передовая мысль последекабрьского поколения — поколения просветителей — складывалась под влиянием целого комплекса новых идей: философии Гегеля и Фейербаха, утопического социализма и нового этапа революционного движения в Европе — революции 1830 года и революции 1848 года.

И все же идеи буржуазной французской революции конца XVIII века оставались одним из основных стержней идеологии про-

светителей. В кружках западников, как вспоминал Герцен, «проповедывали французскую революцию, потом проповедывали сенсимонизм и ту же революцию».

Царское правительство воздвигало «умственные плотины» против этого влияния. Начиная с периода николаевской реакции слово «революция» было под великим запретом и в печати и на кафедрах. Революция 1789 года была «запрещенной эпохой». В университетских библиотеках, вспоминает один реакционный профессор это время, книги, где говорится о революции, были отставлены в особые шкафы. Французскую революцию обходили в изложении исторического курса. Когда в Царскосельском лицее учился Буташевич-Петрашевский, преподаватель всеобщей истории Кайданов оканчивал курс воцарением Людовика XVI и умалчивал о французской революции. Цензура зорко следила, чтобы идеи французской революции не проникли в периодическую печать.

Славянофилы были резко враждебны французской революции и ревностно помогали правительству бороться с ее влиянием на русскую общественную мысль. Страхов сочувственно пропагандировал Ренана, призывавшего отречься от 1789 года; впоследствии их идейным вождем стал ренегат Тэн, чудовищно фальсифицировавший историю французской революции.

Зато в кругах западников существовал постоянный культ французской революции. Всевозможными путями они доставали иностранные сочинения по истории французской революции и зачитывались ими. Один современник пишет: «Какое, бывало, наслаждение доставлял добытый на самое короткое время том какой-нибудь истории революции... С жадностью одолевали в одну ночь том Мишлэ, Луи Блана в 400—500 страниц». Усиленно разыскивались документы, относившиеся к французской революции. Члены кружка Станкевича, как например Кетчер, вместо молитвы на сон грядущий читали речи Марата и Робеспьера. Даже из реакционных изданий, трактовавших о французской революции, революционная молодежь критическим оком выискивала крупицы истины, относившиеся к этой эпохе. Известной книге иезуита Баррюэля «Волтеррианцы, или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские дворы», изданной в начале XIX века в переводе в России, Герцен приписывает большую революционизирующую роль в формировании политического мировоззрения Петрашевского.

Когда Герцен очутился в Париже в 1847

¹ В. Семеновский «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 628—630. СПб. 1909.

году, он прежде всего свенит к революционным памятникам Парижа.

«Об этой минуте,— писал он,— я мечтал с детства. Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville, на кафе Фуа в Пале Рояле, где Демюлен сорвал зеленый лист и прикрепил его к палке вместо кокарды с криком: На Бастилию!»

Но в отношении к французской революции, как и в остальных политических вопросах, среди западников уже в 40-х годах явно обозначились два течения: либеральное и демократическое. Пробным камнем демократической позиции являлось признание якобинской диктатуры, к которой отрицательно относились либералы.

Колебание между демократизмом и либерализмом, свойственное Герцену, сказалось и в его двойственном отношении к якобинской диктатуре. Герцен питал глубокое уважение к великим деятелям якобинской диктатуры, и вместе с тем он не понимал всей исторической закономерности революционного террора.

«Террористы,— писал Герцен, — были люди недожитые. Суровые, резкие образы их глубоко вываялись в пятом действии XVIII века и останутся в истории до тех пор, пока у рода человеческого не зашибет памяти... Террор был величественен в своей грозной неожиданности, в своей непритоновленной, колоссальной мести; но останавливаться на нем с любовью, но звать его без необходимости — странная ошибка, которой мы обязаны реакции»¹.

С большой страстностью и последовательностью относился к якобинцам В. Г. Белинский. В тот период, когда Белинский давал консервативное толкование учению Гегеля, он отрицал значение революции. Еще в 1837 году Белинский писал: «Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты, не на революции, не на конституции».

Разрыв с консервативной формулой «Все существующее разумно» открыл Белинскому глаза на французскую революцию. В 1841 году он пишет Боткину: «Я понял и французскую революцию. Понял и кровавую любовь Марата к свободе». Белинский говорит после этого о своей привязанности к XVIII веку, в котором рубили на гильотине головы аристократам, поэтам и другим врагам разума и человечности. В противовес Грановскому, преклонявшемуся перед Жирондой, Белинский выступает на стороне якобинцев. «Тысячелетнее царство божие,— писал он,— утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснотушной Жиронды, а террористами — обоюдо-острым

¹ А. И. Герцен «Былое и думы». Т. IV, стр. 88, 87, 1935.

мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»². В одном кружке во время разговора о французской революции Белинский сказал: нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном смысле этого слова.

Герцен находил в Белинском черты Робеспьера, как находил в себе черты Робеспьера впоследствии И. Г. Чернышевский.

Значительное место занимала французская революция и в пропаганде петрашевцев. В знаменитом «Словаре иностранных слов», одном из замечательных памятников агитационной литературы XIX века, петрашевцы использовали материал французской революции в своих агитационных целях.

Бастилия, объясняет словарь,— это крепость, служившая для содержания государственных преступников, а часто и невинных узников, которых хватили на основе королевских повелений.

Излюбленное реакционной печатью ругательное словечко «демагог» по адресу революционеров и, в частности, по адресу якобинской партии словарь объясняет следующим образом: демагог — человек, имеющий сильный вес в народе, представитель демократической партии, который, следовательно, находится во вседневной борьбе с существующим правительством.

Словарь дает чрезвычайно меткую характеристику жирондистам с позиций революционной демократии: «Будучи почти все замечательны по своим талантам и образованию, они в то же время... совершенно отвергали посредничество народа в деле великого политического преобразования». Дается четкая характеристика и «болоту» в якобинском Конвенте: модерантисты, объясняет словарь,— умеренные во французской революции, посредственности; якобинцы смотрели на них как на контрреволюционеров; после девятого термидора дух этой партии перешел к «золотой молодежи», стремившейся возобновить аристократические права.

Словарь вдумчиво анализирует опыт французской революции для революционного переустройства государственного аппарата. Национальная гвардия, сообщается в словаре, в русском переводе — народная стража. После справки о характере Национальной гвардии во французской революции делается следующий вывод: учреждение Национальной гвардии во Франции представляет пример возможности (без ослабления способов защиты от внешних врагов) уменьшить число постоянного войска, непроизводительность которого может быть весьма тягостна для государства.

² В. Г. Белинский «Письма». Т. II, стр. 305. 1914.

Под словом «Национальное собрание» словарь излагает «Объявление прав человека» 1789 года и основные пункты конституции 1791 года.

Словарь рассказывает о революционном календаре французской республики и дает названия месяцев революционного календаря.

Словарь обрывается на букве «О». В словаре должна была быть специальная статья о революции 1789 года (на которую имеются ссылки в тексте). В приложении к словарю предполагалось дать ряд статей, посвященных деятелям французской революции.

Известна судьба этого словаря. Когда цензурный комитет раскрыл революционное направление словаря, Николай I распорядился вначале, «не отбирая экземпляров упомянутого словаря, дабы через то не возбудить любопытства, стараться откупить их партикулярным образом». Затем словарь был уничтожен.

Огромный интерес к французской революции был и у Н. Г. Чернышевского. Чернышевский еще в университетские годы внимательно изучил историю французской революции. Друг Чернышевского Е. Белов рассказывает, что в Саратовской гимназии, где Чернышевский преподавал после окончания университета словесность, отвечая однажды на какой-то заданный учениками вопрос, Чернышевский, увлекшись разговором, нарисовал план залы заседаний Конвента, обрисовал партии, указал места, где сидели члены каждой партии.

Чернышевский был страстным защитником якобинцев. Но якобинизм, как и у всех русских просветителей, сочетался у Чернышевского с социалистическими воззрениями. 18 сентября 1848 года он записывает в дневнике: «Я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно»¹.

Опыт французской революции дал возможность Н. Г. Чернышевскому правильно определить закономерность революционных переворотов в историческом развитии. Говоря о французской революции, Чернышевский пишет: «Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может устрашиться этого; он знает... что мирное, тихое развитие невозможно»².

Робеспьер был для Чернышевского образцом революционера. С. Стахович, това-

рищ Чернышевского по Александровскому центру, вспоминал, как Чернышевский однажды шутливо сказал: «Я всегда был и теперь остаюсь высокого мнения о Робеспьере (хихикает и бросает вскользь: нахожу в нем большое сходство с собою)». Время Чернышевского, писал Ленин, это была «та пора общественного развития в России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, нераз'единимое целое»³.

Струя демократизма русских просветителей шла в основном от традиций якобинского периода французской революции конца XVIII века.

2

Объективную историческую оценку французской буржуазной революции конца XVIII века, ее места в историческом развитии человечества, роли массового движения в этой революции, значения якобинской диктатуры и революционного террора, оценку классовой ограниченности этой революции, сменившей одно эксплуататорское общество другим, и значение этой революции как великого урока революционной деятельности масс дали вожди пролетариата: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — в своих гениальных работах.

Еще Герцен, предвестник русской социал-демократии, отдавал себе ясный отчет в историческом месте французской буржуазной революции конца XVIII века и ограниченности буржуазной идеологии. «Долгое время, — писал Герцен, — эта масса полустин и полупредрассудков принималась за прочные абсолютные основы общественной жизни, за непреложные и вне всякого сомнения выводы. И, в самом деле, каждый из них был истинным прогрессом, победой для своего времени, но из их совокупности мало-помалу воздвигались стены новой тюрьмы»⁴.

Выдающийся пропагандист марксизма в России Г. В. Плеханов, анализируя французскую революцию, последовательно вскрывал классовые противоречия «Декларации прав» 1789 года, которые могли найти разрешение только в углублении революции.

«В числе этих прав, — писал Плеханов, — много было таких, которые совершенно совпадали с интересами низшего класса населения. Но было между ними одно, к которому он с самого начала должен был стать в странное, полное противоречий отношение... мы говорим о провозглашенном тогда праве человека на собственность. Как должен был понимать

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. I, стр. 122. 1939.

² Там же, стр. 357.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 170.

⁴ А. И. Герцен. Полное собр. соч. Т. VI, стр. 388. 1919.

это право, например, парижский санкюлот?.. Как же мог он воспользоваться этим превосходным правом? За примером было ходить недалеко. Буржуазия порядочно-таки пощипала имущество дворянства и духовенства. Не пощипать ли ему имущество буржуазии? Почему бы нет? Санкюлоту жилось тогда из рук вон плохо»¹.

Плеханов в революционный период своей деятельности, ведя борьбу с либеральной буржуазией, которая готова была признать 1789 год как «славную революцию», но отвергала «великий бунт» — 1793 год, — который, по ее мнению, испортил дело «славной революции», раскрывал классовую мораль либеральной буржуазии: «Восставать можно было только во время «славной революции»... Свергли короля, прикончили аристократию, дали господство буржуазии — и сидите смиренно, совершив в пределах земных все земное»².

Плеханов давал тогда суровую отповедь «прекраснодушным» либералам, неустанно твердящим об «ужасах» якобинского террора: «Террор, практикованный буржуазией над пролетариатом, далеко, бесконечно далеко оставляет за собою все (страшно преувеличенные реакционерами) ужасы якобинского террора. Робеспьер является просто ангелом в сравнении с Тьером, а Марат — чудом доброты и кротости в сравнении с буржуазными строчилами времен знаменитых майских расправ»³.

Пролетариат, как прекрасно писал об этом тогда Плеханов, не может, конечно, удовлетвориться результатами французской революции. Он идет далее, отвергая буржуазный дух великой революции. Но именно пролетариат «остается верен революции и ее духу, потому что оставаться верным ему, значит неутомимо и бесстрашно бороться за лучшее будущее, ведя непримиримую войну со всем устаревшим и отжившим»⁴.

Французская революция конца XVIII века продолжала служить предметом ожесточенной политической борьбы и на новом этапе исторического развития нашей страны, когда на историческую арену выступил пролетариат.

Царская цензура продолжала уничтожать сочинения по французской революции вплоть до революции 1905 года. Реакционный лагерь вместе с тем прибегал к безудержной клевете на французскую революцию, стремясь прежде всего запугать либеральную буржуазию последствиями ее либеральных потуг.

¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. IV, стр. 61—62.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 63—64.

⁴ Там же, стр. 65.

Еще в конце 70-х годов XIX века, во время лорис-меликовщины профессор Московского университета Любимов, сподвижник Каткова и Победоносцева, принялся за «изучение» французской революции, чтобы извлечь «поучительные приложения к явлениям, происходящим на наших глазах».

Начало революции Любимов видел в «пагубном шаге», предпринятом правительством в 1787 году, в созыве петаблей и затем в созыве Генеральных штатов. «Когда в стране расстройство — недовольство существующим порядком, — поучает Любимов, — то для правительства нет ничего опаснее представительных собраний и ничего нет выгоднее для революции... Дело кончается полным перемещением власти, республикой, Конвентом и террором»⁵. Вооруженный Тэнном, этот профессор-мракобес предпринимает «развенчивание» героических моментов революции, в частности взятия Бастилии.

Эта реакционная дребедень была снова извлечена на свет в 1905 году, чтобы запугать буржуазию «анархией», которая неминуемо последует при первом вступлении на путь собраний и конституций.

Калетский лагерь, в свою очередь, выступил в 1906 году с апологией пролажного Мирабо, который рисуетя калетами великим патриотом, хотевшим «предохранить свою родину от кровавой анархии 93 года».

Опыт французской буржуазной революции конца XVIII века служил боевым оружием Ленину в борьбе с меньшевиками в революции 1905—1907 годов.

Плеханов, ставший меньшевиком, выступивший против вооруженного восстания пролетариата, против гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции, против временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, отрекся и от марксистского понимания движущих сил французской буржуазной революции конца XVIII века.

Ленин рассказывает в докладе об объединительном съезде партии в 1906 году о том, что Плеханов «говорил (если я не ошибаюсь) о захвате власти. Он проговорился при этом самым оригинальным образом. — Я против заговорщического захвата власти, — восклицал он, — но я всецело за такой захват власти, каким был, например, Конвент в великой французской революции.

Тут Плеханов был пойман нами на слове. — Превосходно, тов. Плеханов, — ответил я ему. — Начните в резолюции то, что вы сказали! Осудите, как угодно резко, заговорщичество, — мы, большевики,

⁵ «Из забытой книги о французской революции», стр. 13 СПб. 1905.

все же-таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу Конвента. Осудите заговорничество, но признайте в резолюции диктатуру, подобную Конвенту, и мы согласимся с вами всецело и безусловно. Мало того. Я ручаюсь вам, что с того момента, как вы подпишете такую резолюцию, в а с п е р е с т а н у т х в а л и т ь к в а д е т ы !.. Конвент был именно диктатурой низов, т.-е. самых низших слоев городской и сельской бедноты»¹.

В 1917 году кадетская партия, борясь с растущим влиянием большевиков в массах, пустила в ход и жирондистские доспехи. В специальной брошюре «для народа» о французской революции кадет А. Петрункевич призывал не следовать «пагубному» примеру французской революции. «Французская революция,— извещает борзописец кадетской партии,— была великой по величию своих заданий и по ошибкам, которые она совершила... Нам непозволительно повторять ее промахи... и если мы от этого уберемся, если мы не оступимся так, как оступилась Франция 1793—94 года, то о нашей революции скажут, что она была поистине славной»². И, далее, под видом «объективного» изложения событий французской революции Петрункевич призывает к расправе с большевиками: «Жирондисты сделали великую ошибку, что не постарались образумить монтаньяров». Вслед за тем расписывается «кровожадность» Марата и восхваляется «самоотверженная девушка»—убийца Марата Шарлотта Корде.

Меньшевистские писания этого времени о французской революции были полны сокрушенными вздохами о борьбе между демократическими партиями, которую они приписывали «раздуванию мелких разногласий».

Большевистская партия в борьбе с буржуазией и ее меньшевистско-эсеровскими прихвостнями прекрасно учла опыт фран-

цузской революции. Созданные советской властью органы борьбы с контрреволюцией, органы революционной законности — ВЧК и ревтрибунал,— так же как и такие институты, как ревкомы и комиссары, по своему классовому содержанию принципиально отличные от соответствующих институтов французской буржуазной революции 1789 года, имеют своим прообразом именно эти органы якобинской диктатуры.

С победой Октябрьской социалистической революции всевозможные враги народа — от сменовеховцев до троцкистов — пытались путем беспринципных аналогий между Октябрьской социалистической революцией и французской буржуазной революцией конца XVIII века вести борьбу против пролетарской диктатуры и социалистического строительства в нашей стране.

«Либералы и меньшевики, сменовеховцы и всякие ренегаты твердили тогда о неизбежности перерождения нашей партии... Они брали тогда примеры из области Французской революции, утверждая, что большевики должны потерпеть такое же крушение, какое потерпели в свое время якобинцы во Франции»³.

Большевистская партия сорвала маску с врагов народа и разоблачила их маневры.

«Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»⁴.

Но большевики всегда признавали и признают огромную историческую роль французской буржуазной революции конца XVIII века.

«...Весь XIX век,— писал Ленин,— тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции»⁵.

³ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 742. 1928.

⁴ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 16. Партиздат. 1933.

⁵ В. И. Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 304.

¹ В. И. Ленин. Собр. соч. Т. IX, стр. 217.

² А. Петрункевич «О великой французской революции», стр. 12. 1917.

КАРИКАТУРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В период Великой французской буржуазной революции большую политическую роль играли яркие, острые карикатуры того времени. Непрерывно растущий поток листовок с карикатурами заливал страну. Бесконечная изобретательность художников стимулировалась нарастающей борьбой за революцию. Карикатуры громили старый, прогнивший строй, выставляя его деятелей скоморохами, животными, чудовищами, злобствующими насильниками. В них были подлинно народные смех и издевка, часто неприличные и резкие, но крепкие и прямые, враждебные колебаниям и двойственности.

Карикатура не только передает костюмы, внешний облик разных сословий в разные моменты революции, но и их типические жесты, мимику, манеру держать себя. Нередко карикатура дает точные, портретные черты, например короля, королевы и др. Но обычно она обобщает качества отдельных представителей и делает их социальными масками, в которых ядовито и с не-

обычайной меткостью вскрывает все отрицательное и низменное. В наиболее обобщенной форме эти образы становятся символами злых сил: аристократ—символ измены и предательства; аббат—символ лжи и обмана; монах—символ ханжества и мракобесия. Так, отпавляясь от конкретного, карикатура доходит до наиболее широких социальных обобщений.

По качеству исполнения карикатура очень разнообразна: есть тонкие, мастерские рисунки, есть и примитивные, малограмотные наброски, в которых недостаток умения возмещается остротой содержания. В этом, большей частью анонимном, самодеятельном творчестве нетрудно различить либеральные и радикальные черты, но в общем их потоке совершенно ясно наблюдается нарастание революционных тенденций, освобождение от либеральных политических иллюзий и утверждение диктатуры революционной демократии, как единственного пути победы революции.

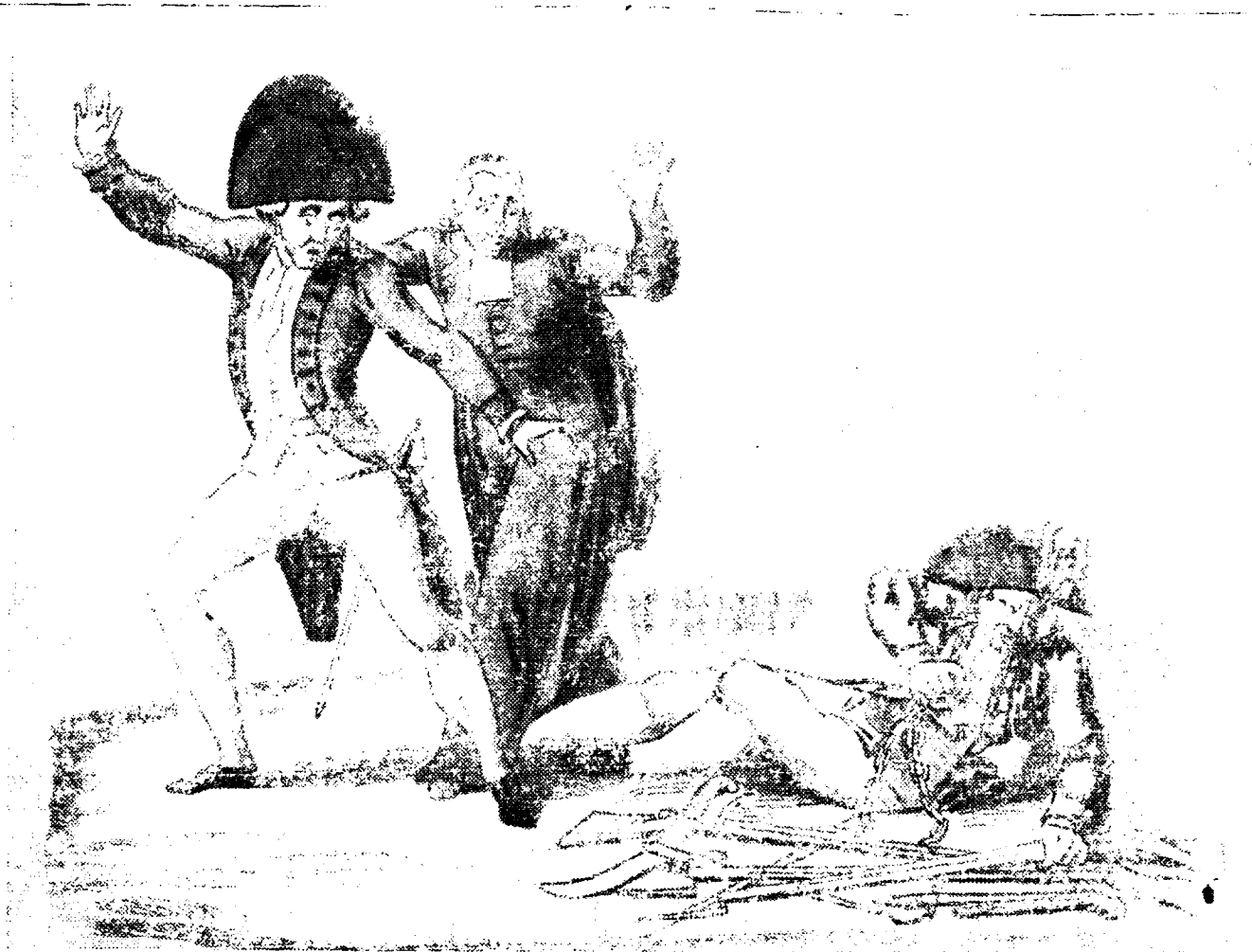
«НЕДАВНИЙ СТОЛ СОВРЕМЕННОГО ГАРГАНТЮА И ЕГО СЕМЬИ» (Людовик XVI глотает целые туши и загребает миллионы, королева-австриячка пьет кровь народа, горло которого проткнул для этого податной инспектор. Аристократы расхищают казну для роскоши и игр).

«В ПРОШЛОМ НАИБОЛЕЕ ПОЛЕЗНЫЕ ПОПИРАЛИСЬ НОГАМИ» (под тяжелым бамнем податей, пошлин и барщины лежит изнемогающее третье сословие. Аристократ со шпагой и прелат с библией не дают ему подняться).

«ЗАСЕДАНИЕ 19 ИЮНЯ 1790 ГОДА» (представители третьего сословия усердно молотят цепями, превращая в прах атрибуты правящих классов: гербы, рыцарские доспехи, ордена, шпаги, жезлы, кардинальские шапки).

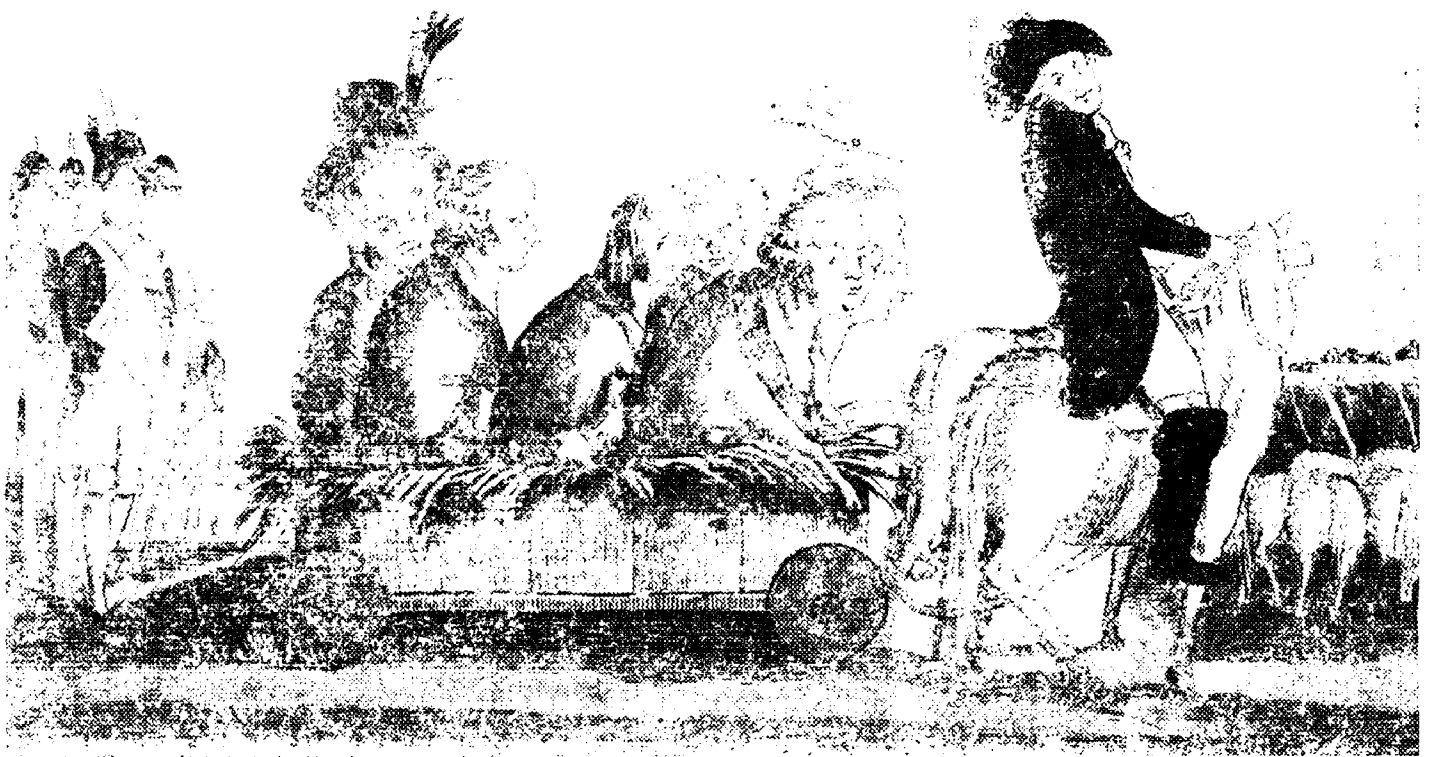
«ПРАВО СЛОВО, ПОРА ПРОСНУТЬСЯ. ТАК КАК ГНЕТ МОИХ ЦЕНЕЙ СТАНОВИТСЯ СЛИШКОМ ТЯЖЕЛЫМ КОНИМАРОМ» (аристократ и аббат обращаются в паншеческое бегство перед восстающим и вооружающимся народом. На заднем плане уже взятая и разрушаемая Бастилия и головы аристократов на шпиках Национальной гвардии).

«КОРОЛЬ-ЯНУС, ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ДВУХ ЛИЦАХ» (налево, обращаясь к Национальному собранию, он говорит: «Я поддерживаю конституцию». — направо, обращаясь к кардиналу, он говорит: «Шарушу конституцию»).

КОРОЛЬ (справа): «Этого не будет!»
ДЕВУШКА В ФРИГИЙСКОЙ ШЛЯПЧКЕ — образ революционной Франции (слева): «Это будет!»

СЕМЬЯ СЕКСИЯ. ВОЗВРАЩАЮЩИХ В ЧЛЕНЬ (серия с портретно-человеческими головами Людовика, Антуанетты, дофина и др.).

КАК ОНИ ДРАЛИСЬ. ЭТИ СОБАКИ-САНКЮЛОТЫ — тяжело вздыхает побитый герцог Брауншвейгский, усевшись кое-как на осле. «СТО БЫ МОЕ ЧОБЕРИТЬ!» — всдыхает за ним Дон-Кихот — император австрийский. — едва держась на своей кляче. Немецкие походы 1793 года против революционной Франции кончились позорным провалом.

В. ХВОСТОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1

Исторической почвой, породившей первую мировую империалистическую войну, был империализм — высшая и последняя фаза в развитии капитализма, когда усиливается неравномерность капиталистического развития и обостряются все его противоречия. Превращение капитализма в империализм совершилось на рубеже XIX и XX веков. Одним из основных признаков этого превращения было завершение раздела мира между великими державами.

Еще с конца XVIII века Англия стала могущественной колониальной империей. К 70-м годам XIX века Англия — если не считать царской России — была, в сущности, единственной державой, располагавшей колониальными владениями. В течение 70—90-х годов положение изменилось. Франция, Германия, Италия, а несколько позже США и Япония энергично принимают за захваты колониальных территорий. Больше всего за эти три десятилетия успела захватить Франция. Но все же к концу XX века английские колонии насчитывали 9,3 миллиона квадратных миль земельной площади и около 309 миллионов населения, в то время как колониальные владения второй за Англией колониальной державы — Франции — насчитывали всего 3,7 миллиона квадратных миль территории и 56,4 миллиона населения. Что касается Германии, то она, впервые вступив в 80-х годах на путь колониальной политики, в течение 80—90-х годов успела захватить около 1 миллиона квадратных миль с населением в 14,7 миллиона человек¹.

К 1870 году Англия пользовалась еще неоспоримым промышленным первенством. Английские товары занимали фактически монопольное положение во всем мире, за исключением только Франции, США, Германии и еще двух—трех стран, где местная капиталистическая промышленность уже в более или менее значительной мере обслуживала свой внутренний рынок.

Начиная с 70-х годов положение меняется. Английская промышленность на всех рынках все сильнее начинает ощущать торговую конкуренцию со стороны Германии, США, Бельгии и др.

Индустриальное развитие более молодых стран, в первую очередь Германии и США, идет гораздо более быстрыми темпами нежели рост английской промышленности.

С 70-х годов в Англии раздаются жалобы на германскую конкуренцию. В печати поднимаются голоса за отказ от ставшей уже традиционной политики свободной торговли. В 80-х годах конкуренция германских товаров на английском рынке сделалась настолько чувствительной, что была назначена специальная парламентская комиссия для обследования причин вытеснения английских товаров, которая предложила ряд практических мероприятий против иностранной конкуренции, прежде всего против германской, — правда, мероприятий чисто паллиативного порядка. В 90-х годах германская торговая конкуренция вызывает уже настоящую бурю негодования на страницах английской буржуазной печати и в парламентских речах.

Однако до половины 90-х годов политические отношения между Германией и Англией оставались нормальными. В борьбе за раздел мира главными соперниками Англии до середины 90-х годов были Франция и Россия, а не Германия.

Положение изменилось с середины 90-х годов. Еще в 80-х годах, когда Германия захватила первые колонии, приобретение новых колоний еще не составляло наиболее важной задачи внешней политики Германии. Но тем острее встал этот вопрос в 90-х годах. В 1891 году был основан «Пангерманский союз» — организация, ставившая себе целью пропаганду самой широкой экспансии. Пангерманцы требовали, во-первых, создания крупной германской колониальной империи, во-вторых, — присоединения к Германии в Западной Европе железнорудных богатств французской Лотарингии, захвата Бельгии, Голландии, Дании, части Швейцарии и Австрии, в-третьих, они требовали «натиска на Восток» —

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 133.

расчленения России и присоединения к Германии русской Польши, Прибалтики, Украины и т. д. Вся Турция должна была стать объектом эксплуатации для германского капитала.

Но к этому времени Германия могла добыть себе колонии уже не путем раздела «свободных» территорий, а лишь путем передела уже без нее поделенного мира.

Англо-германский антагонизм был одним из ярких проявлений закона неравномерности развития капитализма, обостряющегося в эпоху империализма.

✓ Говоря об этом законе, товарищ Сталин вскрыл корни англо-германского антагонизма. «Неравномерность эта, — говорит товарищ Сталин, — ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведет к тому, что отстающие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперед страны... Германии понадобятся каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию»¹.

✓ В этих словах товарища Сталина содержится объяснение роли англо-германского антагонизма как основной причины первой мировой империалистической войны.

С середины 90-х годов, когда германскому капитализму стало «тесно» в Европе, он начал всюду, где возможно, чинить препятствия английской колониальной политике, рассчитывая этим путем побудить Англию пойти на уступки Германии. В 1894 году английское правительство заключило договор с Конго об аренде у Конго узкой полосы земли, которая должна была установить сплошную территориальную связь между британскими владениями в бассейне Нила и британской Южной Африкой. По ней предполагалось проложить телеграфную линию, а для будущего имелся в виду проект грандиозной трансконтинентальной железной дороги Капитал — Каир — Калькутта. Германское правительство совместно с французским сорвало заключение этого договора.

Другой колониальный конфликт разыгрался между Германией и Англией в Южной Африке. Английское правительство претендовало на исключительный контроль над внешней политикой обеих бурских республик: Трансвааля и Оранжевой. Влиятельные круги английских капиталистов, заинтересованные в эксплуатации трансваальских золотых приисков, уже давно готовили полный захват бурских республик Англией. Но в 1893—1894 годах с бурами начинает заигрывать германское правительство. В 1896 году крупнейший английский капиталист и премьер Капской колонии в Южной Африке, Сесиль Родс,

предпринял налет на Трансвааль, думая, что таким путем ему удастся покончить с самостоятельностью буров. Однако весь английский отряд во главе со своим командиром, неким Джемсоном, был взят бурами в плен. В эти дни вмешательство Германии в англо-бурские отношения приняло шумно-демонстративный характер. Тотчас после ликвидации налета Джемсона Вильгельм II обратился к президенту Трансвааля Крюгеру с открытой телеграммой, в которой поздравлял его с одержанной над англичанами победой. Эта демонстрация Вильгельма II вызвала бурю негодования в империалистических кругах Англии. Вся английская буржуазная пресса резко протестовала против вмешательства Германии в англо-бурские отношения.

Прошел год — другой, и Германия выступила на новом участке арены империалистической борьбы. В 1898 году Вильгельм II отправился путешествовать на Восток. Он посетил «святые места» в Палестине, затем поехал в Сирию и выступил в Дамаске с речью, в которой объявил себя другом турецкого султана и всех 300 миллионов мусульман, рассеянных по земному шару. Из этих 300 миллионов мусульман 60 миллионов жили в пределах Британской Индии, так что это выступление не могло быть приятно для английских правящих сфер. Но вскоре последовали еще более серьезные события. После выступления в Дамаске Вильгельм прибыл в Константинополь и там добился у султана Абдул-Гамида обещания продлить концессию германских капиталистов на постройку железных дорог, выданную еще в 1888 году, до Багдада. Постройка Багдадской железной дороги означала, что влияние германского капитала — а с ним вместе и политическое влияние Германии — грозит распространиться на всю азиатскую Турцию вплоть до берегов Персидского залива, который Англия рассматривала как одну из самых заповедных областей своего строго-монопольного влияния.

✓ В 1897 году назначенный на пост статс-секретаря ведомства иностранных дел фон Бюлов стал глашатаям и проводником новой политики германской империалистической буржуазии. В одном из своих первых выступлений в рейхстаге Бюлов бросил крылатую фразу о борьбе Германии за «место под солнцем». Довольно уже немцам, заявил Бюлов, смотреть, как другие делят сладкий пирог, и, отдавая другим земли и воды, оставлять для себя голубое небо. «Мы требуем себе место под солнцем», — закончил Бюлов свою речь. ✓

В том же самом году на пост статс-секретаря морского ведомства был назначен адмирал Тирпиц, который приступил к созданию первоклассного военного флота, став-

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 386, 388.

дего вскоре вторым по силе после англий-ского. В 1898 году рейхстаг принял тща-тельно разработанную Тирпицем программу строительства военных судов, а в 1900 году рейхстаг увеличил военно-морскую программу 1898 года в два раза. Будучи до того первой военной державой в мире, Германия стремилась сделаться и перво-классной морской державой. Германский империализм поднимался на борьбу за пе-редел мира. Он готовился к схватке не на жизнь, а на смерть с величайшей колони-альной державой, «владычицей морей» — Англией.

Длинный ряд германских провокаций (вроде телеграммы Крюгеру) и все усми-равшиеся морские вооружения Германии не могли не тревожить Англию.

К моменту, когда обострились англо-германские противоречия, на европейском континенте уже успели сложиться две враждебных друг другу военно-политиче-ских группировки: тройственный союз и франко-русский союз.

Используя соперничество России и Ав-стрии на Балканах, Бисмарку еще в 70-х годах удалось втянуть Австро-Венгрию в орбиту своей политики. В 1879 году, обе-щав ей военную помощь в случае нападе-ния на нее России, Бисмарк заключил с ней союз. В 1882 году к этому союзу примкнула Италия, ставшая в начале 80-х годов врагом Франции из-за Туниса, а также и из-за соперничества итальян-ской и французской промышленности на внутреннем итальянском рынке.

Так наметилась расстановка пяти основ-ных фигур на шахматной доске европе-йского континента: раз Германия объеди-нила вокруг себя Австрию и Италию против России и Франции, то последние стали искать сближения между собой для пре-дупреждения и предотвращения общей уг-розы.

В начале 90-х годов (1893 год) фран-ко-русский союз стал фактом. Он явился ответом на австро-германский союз. По этому поводу товарищ Сталин говорил: «Последствием этого соглашения (австро-германского союза.—В. Х.) о мире в Евро-пе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 гг.»¹.

Этим было завершено распадение дер-жав европейского континента на два враж-дебных военных лагеря.

2

Вне обеих этих группировок пока еще оставалась Англия. В то самое время (т. е.

¹ XIV съезд Всесоюзной коммунистиче-ской партии (б). Стенографический отчет, стр. 15.

в 80—90-х годах), когда на континенте Европы шло оформление обеих союзных группировок, между великими европейски-ми державами продолжала обостряться борь-ба за раздел мира. В 70—90-х годах колони-альные захваты колоссально возросли. В процессе этой борьбы за колонии в Азии и Африке образовались весьма острые англо-русские и англо-французские противоре-чия. Они толкали Англию на поиски со-трудничества с Германией и ее союзница-ми. Однако Англия не примкнула к тройственному союзу. В 80-х годах Англия проводила политику так назы-ваемой «Splendid isolation» («блестящей изоляции»).

Положение Англии, однако, коренным образом изменилось в середине 90-х годов, когда колониальные и торговые противо-речия сделали Германию злейшим врагом Англии. В Германии стали даже погово-ривать о необходимости ликвидировать враж-ду с Россией и Францией, дабы сплотить весь континент против «коварного Альбио-на». Эти планы были трудно выполнимы. Но и без них, при враждебности всех дер-жав континента, даже при продолжающейся их борьбе друг с другом, изоляция Англии во второй половине 90-х годов грозила стать уже далеко не «блестящей». Россия в 1896 году начала энергичную экспан-сию в Китае, французский экспедицион-ный отряд через дебри Центральной Афри-ки пробирался к долине Нила. Для поко-рения буров после неудачи налета Джем-сона приходилось думать о подготовке на-стоящей, серьезной войны.

Все эти обстоятельства заставляли ан-глийскую дипломатию в конце 90-х годов попытаться добиться компромисса с новым врагом — с Германией. В 1898 году англи-чане даже начали с нею переговоры об англо-германском союзе. В этих перегово-рах выявился объем германских колони-альных претензий. Вместе с тем выясни-лось, что Германия не намерена играть роль помощника британского империализ-ма против пареккой России. Все же перего-воры тянулись до 1902 года, когда для Англии сразу отпала прежняя надобность ладить во что бы то ни стало с новым опасным врагом: в 1902 году окончилась, наконец, англо-бурская война, сковывав-шая Англию руки и заставлявшая ее избе-гать всяких новых осложнений. В том же году Англия заключила союз с Япон-ией. После этого она сочла себя до извест-ной степени обеспеченной против русской экспансии на Дальнем Востоке. Теперь можно было подумать и об организации отпора Германии. Англия нуждалась для этого в союзнике на континенте Европы, и таким союзником могла стать и стала Франция. В 1871 году Германия захватила

у Франции Эльзас и Лотарингию, а теперь кроме того Франции, как и Англии, грозила и германская колониальная экспансия.

Перед лицом общей опасности со стороны молодого германского хищника обе старые колониальные державы сочли необходимым пойти друг другу на уступки и установить взаимное сотрудничество. Переговоры с Францией имели полный успех.

В апреле 1904 года было заключено англо-французское соглашение. Это и была знаменитая «Антанта» (от французского «entente cordiale», что значит «сердечное согласие»). Договор 1904 года представлял собой соглашение по ряду колониальных конфликтов, разделявших Англию и Францию. Важнейшими из этих колониальных вопросов были египетский и марокканский. Франция отказывалась от своего многолетнего сопротивления английской политике в Египте. В обмен Англия обязывалась не препятствовать Франции захватить Марокко. Только район, непосредственно примыкающий к Гибралтарскому проливу, должен был перейти в руки слабой и безопасной для Англии Испании.

Однако германский империализм вовсе не намеревался дать себя отстранить от раздела последних лакомых кусков и допустить англо-французский сговор. Бюлов, который с 1900 года был уже рейхсканцлером, и закулисный вершитель германской внешней политики барон фон Гольштейн решили использовать затруднительное положение русского царизма, находившегося под угрозой революции и ослабленного войной с Японией, чтобы оторвать Россию от Франции, а эту последнюю заставить под угрозой войны отказаться от соглашения с Англией и признать гегемонию Германии. Осенью 1904 года начались переговоры Германии с царским правительством, имевшие целью навязать последнему союзный договор с Германией, который означал фактический разрыв франко-русского союза.

Хотя Россия в условиях войны с Японией крайне нуждалась в благожелательном нейтралитете Германии, но тем не менее она отказалась от предложенного ей договора. Тогда германское правительство решило нажать непосредственно на Францию. В марте 1905 года Вильгельм II отправился «путешествовать» по Средиземному морю. Он высадился на берег в Танжере и во время оказанного ему торжественного приема пропнес речь, в которой приветствовал марокканского султана как «независимого государя» и подчеркнул, что все державы должны обладать в Марокко равными правами. Тем самым он давал понять, что Германия не позволит отстра-

нить себя от раздела Марокко. Вслед за этой демонстрацией Бюлов выступил с предложением поставить вопрос о судьбах Марокко на рассмотрение специальной международной конференции, рассчитывая таким путем аннулировать англо-французскую сделку. В случае отказа принять германские требования Франция оказывалась перед опасностью войны. Британское правительство обещало Франции военную помощь. Оно рассчитывало, что война, во всяком случае, даст ему возможность уничтожить германский военный флот, куда он еще много слабее английского.

Положение французского правительства было не из легких. Россия в тот момент была бессильна помочь своей союзнице.

Министр иностранных дел Делькассе предлагал отвергнуть германские домогательства, опираясь на обеспеченную помощь Англии. Премьер-министр Рувье и президент республики Лубэ возражали, указывая, что маленькая английская армия не может компенсировать ослабление России. 6 июня 1905 года собралось решающее заседание французского совета министров. Победила точка зрения Рувье. Делькассе подал в отставку, Рувье получил портфель министра иностранных дел. Летом 1905 года Франция начала переговоры с Германией по марокканскому вопросу.

Проявленные Францией слабость и уступчивость только усилили воинственный пыл немцев. В начатых переговорах Франция столкнулась с огромными трудностями. В начале июля Франция полностью капитулировала, согласившись на предложенный Германией созыв конференции по вопросу о Марокко.

Тогда же, в июле 1905 года, Германия сделала еще одну попытку разорвать франко-русский союз. Вильгельм II встретился с Николаем II на яхтах в финляндских шхерах около острова Бьерке и уговорил слабовольного Николая II подписать тот самый договор, о котором шли переговоры в конце минувшего (1904) года. Под договором требовалась еще подпись кого-либо из министров. Николай II призвал сопровождавшего его морского министра Бриллева, прикрыл текст договора рукой и приказал Бриллеву подписать. Министр покорно, не читая того, что подписывал, вывел свой автограф. Когда Николай привез этот своеобразный документ в Петербург, то председатель кабинета министров Витте и министр иностранных дел Ламедорф решительно потребовали его аннулирования. Николай II уступил и заявил о своем отказе от только что подписанного им договора.

Международная конференция по вопросу о Марокко собралась в начале 1906 года в Испании, в городе Алжесирасе. Кон-

ференция не оправдала расчетов германской дипломатии. Англия, Россия и даже Италия, формально остававшаяся союзницей Германии, активно поддерживали на конференции Францию. Точно так же поступили и США. Германия оказалась на конференции почти изолированной. Ее поддержала одна Австро-Венгрия, да и та довольно вяло. Марокко осталось формально «независимым», его финансы (в частности таможи) поступили под международный контроль. Организация марокканской полиции поручалась Франции и Испании (каждой в своей сфере влияния). Это дало Франции возможность возобновить свою экспансию в Марокко под предлогом «поддержания порядка». Междоусобицы марокканских феодалов неизменно давали такой предлог французскому империализму.

Весь сложный маневр, предпринятый германским правительством в 1905 году, окончился провалом. Это было серьезным поражением германского империализма. Ему не удалось разорвать ни франко-русского союза, ни англо-французской Антанты.

Потерпев поражение в Алжесирасе, Германия не оставила, однако, надежды на участие в окончательном разделе Марокко. Борьба из-за Марокко продолжала оставаться одним из важнейших источников военной опасности.

Наряду с англо-германскими и франко-германскими русско-германские противоречия были в числе тех, которые вели к мировой войне. Русско-германские противоречия обострились еще в 70-х годах и в начале 90-х годов способствовали оформлению франко-русского союза. Важнейшим из них было получение Германией концессии на Багдадскую железную дорогу.

Русский царизм рассматривал Турцию и в особенности проливы как свою будущую добычу. Теперь Турция грозила превратиться в сферу влияния Германии. Последняя легко могла оказаться хозяйкой проливов.

Выбравшись, хотя и с большим уроном, из дальневосточной авантюры, подавив первую русскую революцию, царизм снова перенес свое внимание на Ближний Восток. Усиление своего влияния на балканские страны в целях подготовки захвата проливов становится опять очередной задачей царизма. Но Россия встретила теперь на Ближнем Востоке с двумя новыми факторами: с ростом германского влияния в Турции и с резким усилением австро-венгерской экспансии на Балканах. Главным противником царской России на Ближнем Востоке стала теперь уже не Англия, как это было раньше, в XIX веке, а Германия.

Еще недавно, до самой русско-японской

войны, невзирая на рост германской опасности Англия видела в России своего наиболее опасного соперника в Азии. После русско-японской войны и марокканского кризиса 1905—1906 годов среди английских империалистов окончательно упрочилось убеждение, что главной опасностью для Англии является не столько ослабленная Россия, сколько сильно вооруженная и чрезвычайно агрессивная Германия.

В то же время английский империализм почувствовал себя кровно заинтересованным в сохранении царской власти в России как надежного союзника в деле подавления национально-освободительного движения, поднявшегося под влиянием русской революции на Востоке. «Царская Россия была величайшим резервом западного империализма, — пишет товарищ Сталин. — ...царизм был вернейшим союзником западного империализма по делу Турции, Персии, Китая и т. д. ... Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма»¹.

Перемены в англо-русских взаимоотношениях привели в 1907 году к заключению англо-русского соглашения, которое ставило своей целью урегулировать англо-русские противоречия в Персии и Афганистане.

При наличии франко-русского союза и англо-французского соглашения 1904 года англо-русское соглашение означало возникновение англо-франко-русского блока против Германии. Международная ситуация изменилась: готовясь к войне, Англия заручилась содействием своих недавних врагов — Франции и России. Соглашение 1907 года завершило образование Антанты, превратив ее в тройственное соглашение, состоящее из Англии, Франции и России.

3

В 1908 году возник международный кризис из-за Ближнего Востока. С начала XX века австрийский финансовый капитал все энергичнее выдвигал план новых аннексий на Балканах, стремясь захватить путь на Салоники — выход к Эгейскому морю. В то же время с начала XX века в Сербии усилилось движение за освобождение страны от той экономической зависимости, в которой ее держала Австрия.росло и сербское национально-освободительное движение, ставившее своей целью освобождение областей с сербским населением из-под ига не только Турции, но и Австро-Венгрии. В связи с этим в правительственных кру-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5. 10-е изд.

гах Австро-Венгрии усилилось течение, которое наставало на радикальной расправе с югославянским национально-освободительным движением посредством войны против Сербии. Во главе этой военной партии стояли наследники престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и начальник генерального штаба Конрад фон Гётцендорф. Первым шагом к выполнению широкой захватнической программы должно было стать превращение оккупации Боснии и Герцеговины в формальную аннексию.

Осенью 1908 года австро-венгерский министр иностранных дел Эренталь имел встречу с русским министром иностранных дел Извольским. Между ними была заключена следующая сделка: Извольский давал согласие на аннексию Боснии и Герцеговины, а Эренталь обещал не возражать против того, чтобы Россия добилась от Турции права на свободный проход русских военных судов через проливы. Австро-Венгрия вскоре аннексировала Боснию и Герцеговину, но России так и не удалось добиться свободного прохода военных судов через проливы.

Аннексия Боснии и Герцеговины вызвала в Сербии взрыв национального негодования. Разочаровавшись в возможности сотрудничества с Австрией в дележе Ближнего Востока, русское правительство поддерживало Сербию, но в конце концов (в марте 1909 года) вынуждено было отступить, ввиду того что Германия пригрозила войной.

Грубое попрание международного права Эренталем и военные угрозы Германии по адресу России в 1909 году дали новое доказательство агрессивности Германии и ее союзницы — Австро-Венгрии.

Сербия не отказалась от идеи воссоединения югославянских земель. Россия не отказалась от планов овладения проливами. Австро-Венгрия, не довольствуясь достигнутым, замышляла дальнейшую агрессию на Балканах в направлении на Салоники. Германия рассматривала проникновение своей союзницы на Балканы как шаг к еще большему экономическому и политическому овладению Турцией. Между австро-венгерским и германским генеральными штабами уже давно установилось тесное сотрудничество. Теперь оно еще более упрочилось.

Россия тем временем работала над осуществлением так называемой «большой военной программы», предусматривавшей увеличение армии, усиление ее материальной части, постройку стратегических железных дорог и восстановление военноморского флота, почти полностью потерянного в русско-японской войне. Завершение этой программы приурочивалось к 1917 году.

1910 год обошелся без острого международного кризиса. Но это был и последний сколько-нибудь спокойный год.

В мае 1911 года французские войска под предлогом подавления волнений и защиты французских подданных оккупировали столицу Марокко, город Фес. Марокко явно переходило в руки французов. Германское правительство, не будучи в силах помешать французам захватить Марокко, решило по крайней мере добиться для себя серьезных компенсаций. Германская дипломатия избрала для этого путь провокаций и угроз. 1 июля весь мир был поражен известием, что против Агадира на Атлантическом побережье Марокко бросил якорь германский военный корабль «Пантера». Это угрожало занятием немцами одной из важнейших марокканских природных бухт важного стратегического значения, сравнительно недалеко от Гибралтара. Положение становилось все более напряженным.

Однако опасность европейской войны была на этот раз предотвращена благодаря твердой позиции Англии. 21 июля Ллойд-Джордж, по поручению кабинета, в публичной речи недвусмысленно заявил, что в марокканском вопросе Англия не остановится перед войной против Германии. Слова британского министра заставили Вильгельма и его правительство умерить свои притязания. Осенью 1911 года было подписано франко-германское соглашение, по которому Германия признавала французский протекторат на Марокко, а Франция за это уступала Германии часть Французского Конго, в виде прирезки к Германскому Камеруну. Это было значительно меньше того, на что первоначально претендовали немцы.

Еще не успел закончиться агадирский кризис, как началась итало-турецкая война.

«Чем вызвана была война? — писал В. И. Ленин. — Корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма»¹.

Итальянцы сравнительно легко одержали в Триполи победу над небольшими турецкими гарнизонами. Но только на это и хватило «военной доблести» итальянской армии. Военственные арабские племена, населявшие Триполи, оказали итальянцам упорное сопротивление. Борьба против них обнаружила слабость итальянской армии. Турки упорно отказывались признавать захват Триполи. Только всыхнувшая на Балканах война вынудила Турцию (в 1912 году) подписать мир на основе

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 201.

уступки Триполи итальянским захватчикам.

Борьба за разрешение национального вопроса на Балканах осложнилась вмешательством европейских держав. Германия, стремившаяся превратить Турцию в свою колонию в возможно менее урезанном виде, и ее союзница Австро-Венгрия играли наиболее реакционную роль, поддерживая турок и всячески стремясь затруднить и урезать успехи балканских государств. Россия поддерживала эти последние, но только для того, чтобы использовать их для ослабления Турции и тем облегчить для себя впоследствии захват проливов. Балканская война привела к столкновению обеих больших империалистических группировок: Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и России, которую в той или иной мере поддерживали ее союзники, — с другой.

В начале октября 1912 года Болгария, Сербия, Греция и Черногория начали войну против Турции. В короткий срок турки были жестоко разбиты. Болгары шли на самый Константинополь, греки заняли Салоники, сербы — большую часть Македонии, северную Албанию и Новобазарский Санджак. 3 ноября Турция запросила перемирия. Предстояло выработать условия мира.

Сербия стремилась получить выход к морю и сбросить с себя экономическую зависимость от Австро-Венгрии. Ввиду этого она претендовала на северную Албанию, обладание которой дало бы ей доступ к Адриатике. Но против этого решительно протестовала Австро-Венгрия. Она не желала допустить такого усиления Сербии. Военная партия требовала превентивной войны против Сербии, этого югославянского «Пьемонта». Между тем из всех держав балканского блока именно Сербия считалась главной опорой России на Балканах. Ввиду этого Россия и ее союзница Франция поддерживали сербские притязания. Австрия и Россия провели частичную мобилизацию. В конце ноября 1912 года возникла опасность превращения балканской войны в европейскую. Войны удалось избежать вследствие вынужденной уступчивости России, которая, не чувствуя себя готовой к войне с Германией и Австро-Венгрией, снова, как и в 1908 году, не решилась оказать военную поддержку сербам. Сербия не получила выхода к морю. Албанию объявили «самостоятельным» государством.

Остальная европейская Турция была поделена между Болгарией, Сербией и Грецией. За Турцией в Европе остался только Константинополь со сравнительно небольшим прилегающим к нему округом.

Турция не желала примириться с этим, и в январе 1913 года военные действия возобновились. Однако турки понесли новые поражения. Вскоре началась жесточайшая борьба за влияние в Албании между Италией и Австро-Венгрией.

К середине 1913 года чрезвычайно осложнились отношения между самими государствами-победителями — участниками балканского блока. Сербия, не получив Албании, требовала при поддержке Греции, чтобы болгары в виде компенсации увеличили ее долю при дележе другой части турецкой добычи, а именно Македонии. Ожидая конфликта с союзниками, Болгария поторопилась заключить перемирие с Турцией. Между тем Сербия и Греция заключили союз против Болгарии. В ответ на это 29 июня 1913 года болгарские войска напали на Сербию. Началась вторая балканская война. К Греции и Сербии присоединилась Румыния, боявшаяся чрезмерного усиления Болгарии, которая показала себя во время войны с Турцией наиболее крупной военной силой на Балканах. К антиболгарской коалиции присоединилась и только что разбитая Турция, надеясь вернуть себе от Болгарии кое-что из потерянного в предыдущей войне. Болгария была разбита. 10 августа 1913 года в Бухаресте был подписан мирный договор. Болгария была вынуждена уступить Румынии Добруджу, Сербии — спорные области Македонии, туркам — вернуть город Адрианополь.

Подводя итоги балканским войнам и отмечая их значение для самих балканских народов, Ленин писал: «Победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев... Если бы, — продолжает Ленин, — освобождение Македонии совершилось путем революции, то-есть посредством борьбы и сербских и болгарских и турецких крестьян против помещиков всех национальностей (и против помещичьих балканских правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война»¹.

Балканские войны в основном завершили освобождение балканских славян от турецкого гнета. Это ставило на очередь для освобождения угнетенных народов Австро-Венгрии и прежде всего населявших Боснию и Герцеговину сербов, которых поддерживало сербское правительство.

С 1911 года военная опасность возникает ежегодно и один международный кри-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 186, 187.

зис не успевают рассосаться, как начинается другая.

Переход капитализма в империалистическую фазу означал обострение всех противоречий капиталистического общества.

Зарождается большевизм — единственное до конца последовательно революционное течение в рабочем движении. В России, происходит первая буржуазно-демократическая революция.

Во всех развитых капиталистических странах Запада с переходом к империализму наблюдается мощный подъем массового рабочего движения, еще выше поднявшийся под влиянием русской революции.

В странах Востока под влиянием проникновения капитализма и под воздействием русской революции растет национально-освободительное движение: «Открылся источник новых мировых бурь в Азии» (Л е н и н).

Наряду с обострением империалистиче-

ских противоречий обострение внутренних противоречий почти во всех странах, обострение классовой и национальной борьбы в свою очередь вело к еще большей агрессивности империалистов, ибо это побуждало господствующие классы империалистических держав во внешних «успехах» искать выхода из внутренних затруднений.

В этой накаленной атмосфере оба больших империалистических лагеря с лихорадочной поспешностью готовились к войне.

С 1905 по 1914 год военно-морские бюджеты только пяти великих держав возросли с 4,4 миллиарда приблизительно до 8 миллиардов марок, т. е. примерно в два раза.

Германская армия в 1913 году достигла гигантской мощи, основанной на почти предельном использовании всех человеческих и материальных ресурсов страны. Об этом красноречиво говорит следующая таблица:

Рост военных бюджетов (в млн. марок) ¹

	1905 год		1914 год		Итого
	На армию	На флот	На армию	На флот	
Германия	697	231	2 769	475	3 244
Австрия	419	96	570	170	740
Франция	608	254	786	500	1 286
Россия	816 ²	252	1 294	640	1 934
Англия	581	676	589	1 051	1 640

Из этой таблицы видно, что ни одна страна не тратила на военный бюджет в последние годы перед войной столько, сколько тратила Германия.

Противники Германии, хотя и с опозданием, тоже усиленно вооружались. В 1913 году Франция перешла от двухлетней военной службы к трехлетней и этим увеличила мирный состав своей армии, что, впрочем, не означало увеличения обученных резервов на случай войны. К 1917 году намечалось завершение «большой» военной программы в России. Однако, не подлежит сомнению, что в 1914 году Германия на суше превосходила своих противников степенью своей военной готовности.

Превосходство военной подготовки побуждало германский империализм особенно торопиться с началом войны за коренной передел мира. Ленин писал, что против англо-французских капиталистов «выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбой-

ничья — группа пришедших к столу капиталистических явств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию» ³.

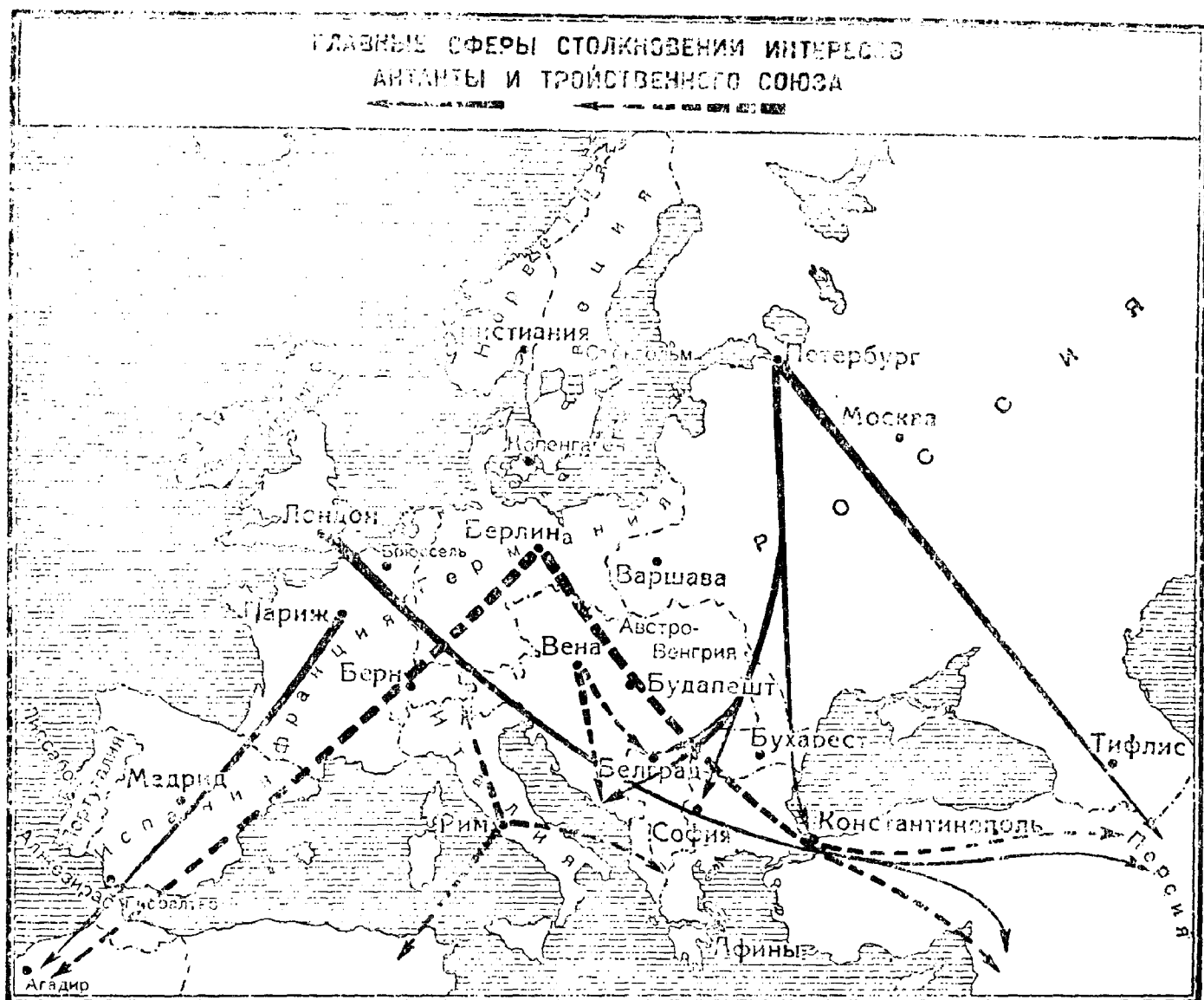
Чем острее ставил германский империализм вопрос о переделе мира, тем больше усугублялся англо-германский антагонизм. Англия была творцом и главой Антанты. Но с 1912 года в английской политике начинает наблюдаться тенденция к разрыванию с Германией. Английское правительство рассчитывало усилить таким путем свое влияние на партнеров по Антанте.

В начале 1912 года британское правительство послало в Берлин военного министра лорда Холдена со специальной миссией — попытаться еще раз, невзирая на полученные ранее неоднократные отказы, добиться ограничения новых морских вооружений. Из этой попытки ничего не вышло, но в Берлине осталось впечатление, что Англия всячески избегает обострения отношений с Германией. В дальнейшем это впечатление еще усилилось, когда Англия начала с Германией переговоры о Багдад-

¹ Составлена на основе бюджетных данных соответственных государств.

² При оценке русского бюджета за 1905 год необходимо принять во внимание, что Россия вела войну с Японией, в то время как для других держав этот год был мирным.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 336—337.

Музей революции СССР.

ской железной дороге и дала свое согласие на осуществление этого предприятия, добившись при этом перехода последнего участка дороги, от Багдада до Персидского залива, в английские руки.

Впечатление, что Англия не хочет сопериться с Германией, усилилось и благодаря возобновлению старых переговоров (имевших место еще в 90-х годах) о разделе между ней и Германией португальских колоний.

Все это порождало в Берлине иллюзии, что Англия останется нейтральной в случае войны центральных держав с Россией и Францией, и еще более поощряло и без того безудержную агрессивность германского империализма.

В тревожной обстановке того времени любой новый конфликт легко мог вызвать мировую войну. Политические кризисы 1911, 1912, 1913 годов не развязали войны, но всякий раз мир висел на волоске. Кризис, вызванный убийством наследника австро-венгерского престола сербским террористом (28 июня 1914 года), привел к тому, что этот волосок оборвался.

Военная партия убитого эрцгерцога во главе с начальником генерального штаба генералом Конрадом фон Гетцендорфом настаивала на том, чтобы в ответ на смерть

Франца-Фердинанда проучить, наконец, «проклятых» сербов. Но она встречала и сильное противодействие в австро-венгерских правящих кругах. Император Франц-Иосиф колебался. В итоге на другой день после сараевского убийства в Вене царяла полная неразбериха. Бросаться одной в сербскую авантюру, неминуемо грозившую войной с Россией, было бы самоубийством для разлагавшегося австро-венгерского государства. При таких обстоятельствах необходимо было выяснить мнение германского союзника по этому вопросу. Таким образом, вопрос о войне и мире на этом первом этапе кризиса решался в Берлине.

6 июля 1914 года австрийский посол в Германии Сеген телеграфировал министру иностранных дел Австрии Берхтольду ответ германского правительства на сделанный ему запрос о его позиции в случае австро-сербского конфликта: «Австрия с уверенностью может рассчитывать, что Германия будет стоять за нее в качестве друга и союзника». Выдав австрийцам *carte blanche* против Сербии, Вильгельм II и его рейхсканцлер обеспечили победу военной партии в Вене и таким образом сделали решающий шаг к развязыванию мировой войны.

Что побудило их к этому? Вопрос об

«укрощении» Сербии в Берлине никогда не мог являться основным при решении вопроса о начале войны европейского масштаба. Для германской империи мировая война имела только один смысл — коренной передел мира.

Немедленно после того, как Австрия была обещана поддержка, Вильгельм II вызвал к себе в Потсдам руководителей армии и флота и предупредил их о возможности войны. И дальше, вплоть до вручения 23 июля австрийским правительством ультиматума Сербии, германские правящие круги боялись лишь одного: как бы австрийцы не испугались и не пошли на попятный. На донесении германского посла в Вене, в котором сообщалось, что Берхтгольд ломает себе голову над тем, чтобы поставить Сербии такие требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена, кайзер делает пометку: «Очистить Санджак¹. Тогда свалка немедленно налицо». Нет ничего удивительного, что немецкая литература по вопросу о «виновниках войны» тщательно замалчивает подобные «высочайшие» пометки: большого «миролюбия» никак не вычитать из императорских советов — «покрепче наступать на мозоли этой сволочи — сербам».

После того как Берлин занял такую позицию, в Вене в основном последовали его благим советам. Было решено пред'явить Сербии заведомо неприемлемый ультиматум. 23 июля ультиматум был вручен сербскому правительству. Он требовал допущения широкого вмешательства Австро-Венгрии во внутренние дела Сербии под видом борьбы с антиавстрийской пропагандой. Принятие ультиматума означало бы почти полный отказ Сербии от политической самостоятельности. Для ответа был дан срок в 48 часов. 25 июля сербский премьер Пашич вручил австрийскому посланнику ответ, который содержал согласие принять все пункты австрийского ультиматума, за исключением одного. Несмотря на уступчивость Сербии австрийский поверенный в делах немедленно потребовал паспорта и порвал с Сербией дипломатические отношения.

В Петербурге было решено на этот раз не отступать и поддержать Сербию. Французское правительство заверило, что Франция полностью выполнит свои союзнические обязательства перед Россией.

¹ Санджак — Новый Базар, турецкий округ, расположенный к югозападу от Боснии, отделяющий собой Сербию от Черногории. С 1878 по 1908 год Санджак был оккупирован Австро-Венгрией. В 1908 году он был возвращен Турции после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В результате первой балканской войны Санджак был присоединен к Сербии.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. На другой день царское правительство в ответ на это начало частичную мобилизацию.

До конца июля в Берлине надеялись на нейтралитет Англии. «Германское правительство, — доносил 12 июля австрийский посол в Берлине, — полагает, что имеются верные данные о том, что Англия теперь не примет участия в войне из-за какой-либо балканской страны, даже если бы все дело дошло до войны с Россией, может быть, даже до войны с Францией».

Подобная уверенность может показаться странной и, несомненно, не свидетельствует о пронырливости немецких государственных деятелей. Но свое объяснение эта уверенность имеет. Причина ее в заигрываниях с германским империализмом, на путь которых встала Англия в 1912 году. Английское правительство в самые дни кризиса намекало на свой нейтралитет. Еще 24 июля Эдуард Грей говорил Лихновскому, германскому послу в Лондоне: «В случае вступления Австрии на сербскую территорию опасность европейской войны надвигается вплотную. Последствий такой войны вчетвером — совершенно нельзя предвидеть» (Грей подразумевал под этим Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию. «Он забывает про Италию», — пометил на полях Вильгельм). Дальше Грей распространялся о вредном воздействии войны на торговлю и о возможных революционных потрясениях. Ясно, что, говоря о войне «вчетвером», Грей как бы намекал, что Англия в нее не вступит. Но больше того: 27 июля английский король Георг прямо заявил брату Вильгельму II, принцу Генриху: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными». Собеседник короля был после этого «убежден», что Англия останется нейтральной, хотя и сомневался, долго ли продлится ее нейтральность. Но последнее обстоятельство не могло особенно смущать в Берлине: ведь германские стратегические планы строились в расчете на молниеносный разгром Франции.

Когда австро-сербская война уже началась, когда события зашли, таким образом, уже очень далеко, — тогда британский министр иностранных дел Эдуард Грей снял, наконец, маску фарисейского пацифизма. Уже 26-го он сделал Лихновскому кое-какие намеки, впрочем достаточно туманные. 29 июля он впервые с определенностью заявил Лихновскому, что Англия примет участие в войне на стороне врагов Германии.

Если до этого момента Германия всемерно провоцировала войну, то после заявления Грея германский канцлер в целях мас-

кировки инсценирует попытки побудить австрийцев согласиться на какой-либо компромисс. В то же время начальник генерального штаба Мольтке-младший настаивал на ускорении начала военных действий, ибо проволочки, связанные с попытками вести переговоры, с его точки зрения безнадежны и ненужны, лишали Германию тех преимуществ, которые она имела в первые недели войны из-за медленности русской мобилизации. Учет этих преимуществ составлял важнейшую часть германского стратегического плана, так называемого «плана Шлиффена». Между тем 31 июля в России была объявлена всеобщая мобилизация.

Одним из основных военных преимуществ Германии на начальной стадии кампании был тот выигрыш во времени, который давал ей возможность гораздо более быстрой мобилизации по сравнению с ее противниками, в особенности с Россией. Уже одно это побуждало отвечать на русскую мобилизацию скорейшим началом военных действий, и влияние военных кругов в Германии было достаточно сильно, чтобы заставить правительство руководствоваться соображениями генералитета.

31 июля германское правительство предъявило русскому правительству ультимативное требование прекратить мобилизацию. В ответ на отказ русского правительства в ночь на 1 августа Германия объявила России войну.

После того как 1 августа началась война с Россией, начальник германского генерального штаба Мольтке ни минуты не желал мешкать с объявлением войны Франции и с нарушением нейтралитета Бельгии. План генерального штаба, знаменитый план Шлиффена, предполагал немедленное нанесение уничтожающего удара Франции. Покончив с Францией, предполагалось перебросить все силы против России. Весь этот план строился на одной предпосылке — на быстроте движения, на молниеносности удара. Ждать было нельзя, и так как французское правительство, прекрасно понимая положение, не торопилось брать на себя ответственность за объявление войны, то, наскоро придумав фантастические предлоги (в виде истории с каким-то французским летчиком, якобы сбросившим бомбу на германской территории), германское правительство 3 августа объявило войну Франции, и вечером того же дня германская армия стремительной

лавиной ворвалась на бельгийскую территорию. Занятие Бельгии явилось серьезной угрозой интересам английского империализма. Вместе с тем это давало английскому правительству подходящий предлог для участия в войне. 4 августа 1914 года Англия вступила в войну против Германии.

* * *

Так началась мировая империалистическая война 1914—1918 годов. Она была результатом соперничества двух империалистических группировок. В этом смысле ответственность за нее несут все империалистические государства.

Как указывал Ленин, в 1914 году в Европе друг другу противостояли не лагерь мира и лагерь войны, а два империалистических лагеря. Франции и в особенности России было выгодно несколько оттянуть войну, поэтому они были менее агрессивны чем Германия, но и они готовились к войне и именно к захватнической, империалистической войне. «Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго готовилась всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран. В особенности же эта война готовилась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой»¹.

Но при всем том непосредственным поджигателем войны в июне—июле 1914 года была Германия: «Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»².

Однако с обеих сторон война была реакционной и захватнической. Национальный момент, имевшийся в австро-сербском конфликте, занимал в мировой войне 1914—1918 годов совершенно подчиненное место.

Война 1914—1918 годов велась всеми империалистическими державами не для «защиты отечества», а ради грабежа чужих земель.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 155.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—62.

М. Струве

ХОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(Очерк военных операций 1914—1918 годов)

Военные операции 1914—1918 годов развернулись на многочисленных разнообразных театрах и фронтах; они протекали на суше, на море и в воздухе. Но решающими для хода, а в значительной мере и исхода военных действий были столкновения многомиллионных сухопутных армий, оснащенных новейшими техническими средствами борьбы, на двух главных европейских театрах войны—западном (французском) и восточном (русском).

Главнейшими этапами мировой войны были, согласно ленинскому делению, два периода: до 1917 года и начиная с 1917 года. Ленин в статье «Империализм буржуазный и империализм социалистический»¹, написанной 1 января 1917 года, говорил о повороте в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру.

1914 год

Западноевропейский театр. 4 августа 1914 года кайзеровская Германия, грубо нарушив международные соглашения, вторглась на территорию Люксембурга и Бельгии. Сопротивление Бельгии несколько задержало немцев, но 18 августа бельгийцам пришлось под напором количественно более сильного противника отдать Брюссель и отойти дальше на север, к Антверпену.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 359—378.

Армия немцев, значительно превосходившая непосредственно противостоявшие ей силы Антанты, двигалась на запад и югозапад и вскоре вошла в соприкосновение с войсками французов и англичан. Завязались бои, длившиеся с 21 по 25 августа и получившие название пограничного сражения. Это сражение происходило в Арденнах, на нижнем течении реки Самбры и у Монса. Оно было проиграно англо-французами главным образом вследствие крайне неудачного развертывания их сил.

Германское командование осуществляло, хотя и в измененном виде, план умеренного незадолго до войны начальника Большого генерального штаба Шлиффена. Идея Шлиффена заключалась в обходе Парижа с севера и запада и в обрушении французской армии, отгесняемой к юговостоку, т. е. в направлении граничных «Канн» или второго Седана. Мощная ударная группа войск из нескольких армий вторглась во Францию через Бельгию, обходя с севера пояс крепостей на восточной французской границе. Французское командование, возглавлявшееся Жоффром, облегчило задачу немцев тем, что не приняло мер для предотвращения глубокого охватывающего движения правого германского крыла.

Французы с начала августа пытались действовать на своем правом фланге наступательно в Эльзасе и Лотарингии, но вскоре вынуждены были отойти к своим укреплениям.

После пограничного сражения англо-французские войска отступали, но отсту-

пали с боями. Выполняя директиву Жоффра об отходе, они стремились оторваться от противника. Между тем в самом ходе германского продвижения уже рушилась одна из предпосылок шлиффеновского плана: правое крыло все более теряло силы, так как преемник Шлиффена — Мольтке-младший — ослабил правое крыло по сравнению с шлиффеновскими предложениями. В довершение всего 25 августа целых два корпуса были сняты с западного фронта, именно из состава правофланговых армий, и посланы на восток, где к этому времени в результате русского наступления создавалось угрожающее для Германии положение в Восточной Пруссии.

Это конкретное воздействие восточно-прусской операции русских армий на ход событий на западе значительно помогло англо-французам. Немецкие силы были ослаблены, огромный крючок, которым немцы должны были зацепить Париж с севера и запада, не достал до Парижа. 1-я армия генерала Клука вынуждена была 30 августа поменять югозападное направление на юговосточное, т. е. отказаться от обхода Парижа, — иначе она была бы разгнана французскими силами, которые Жоффр в это время уже начал перебрасывать со своего правого крыла на левое.

Мольтке, директивой 4 сентября, санкционировал новые задачи армиям, по которым 1 и 2-я армии должны были повернуться фронтом к Парижу, а остальные армии — продолжать свое движение.

В такой обстановке 4—9 сентября 1914 года произошло знаменитое марнское сражение — «битва на Марне», явившаяся одним из важнейших поворотных моментов в ходе мировой войны. В марнском сражении союзные армии растянулись полукругом от Вердена до Парижа. Здесь на фронте протяжением свыше двухсот пятидесяти километров сосредоточились шесть англо-французских армий общей численностью в пятьсот пятьдесят тысяч человек. Северозападнее Парижа была сформирована новая армия — 6-я — под командованием генерала Монури.

Марнское сражение показало бесплодие оперативной мысли высшего германского командования и банкротство его методов управления войсками. Уже самая идея шлиффеновского оперативного плана была порочна в том смысле, что средства не соответствовали замыслу операции и совершенно недостаточно учитывалась общая политическая обстановка, при которой молниеносное достижение решительного результата было исключено. Мольтке в дни марнского сражения не имел даже правильного представления о расположении германских войск, и это сражение явилось позорным

провалом германской разведки. Войска были до крайности измотаны непрерывными боями и переходами. Части переменялись, тылы отставали, и снабжение войск сильно хромало.

Немцам пришлось отступать от Парижа, уходить с Марны. Они потерпели стратегическое поражение, означавшее крах всего их плана войны, рассчитанного на молниеносный успех. Но они были разбиты и тактически в многочисленных боях, из которых сложилось марнское сражение. Это обстоятельство очень важно подчеркнуть, ибо фашистские лжеисторики, уверяющие, что немцы вообще ни разу не были биты на поле сражения, объясняют отступление германских армий с Марны случайными обстоятельствами.

Немецкое наступление было огуль-ным продвижением вперед, немцы не закрепляли достигнутых ими позиций, у них не оказалось в нужный момент резервов, тылы их войск отстали, пришли в расстройство, перегруппировать свои силы применительно к изменившейся обстановке германское командование не сумело. Немецкие агрессоры совершенно не учли также боеспособности французского солдата, отлично зарекомендовавшего себя в тяжелых боях на подступах к Парижу.

Одним из последствий марнского сражения явилась замена Мольтке на посту начальника германского генерального штаба Фалькенгайном (14 сентября 1914 г.).

За отступлением с Марны последовало вскоре сражение на реке Эн. Немцы и здесь не смогли достигнуть победы. В этих боях впервые начала складываться сплошная, непрерывная линия позиционного фронта. Это было новое явление в военной истории. Чрезвычайно возросшая сила ружейного, а особенно пулеметного и артиллерийского огня в сочетании с искусным использованием местности и оборонительных инженерных сооружений придала неслыханную ранее силу обороне. Средства наступления на данном этапе оказывались слабее средств обороны, империалистические цели войны были чужды трудящимся, из которых состояла солдатская масса; повиннистический угар во всех странах довольно скоро стал проходить. Все это не могло не вызвать уменьшения наступательной силы войск.

Военные события, последовавшие за сражением на реке Эн, получили образное название «бег к морю». Для обеих сторон было очень важно закрепиться на побережье, но ни той, ни другой стороне не удалось определить противника и охватить его открытый фланг. И немцы и союзники уперлись в море. К 15 октября на всем западноевропейском театре, от моря до швейцарской границы, закончился

маневренный период войны и образовался непрерывный фронт протяжением свыше семисот километров.

После окончания «бега к морю» бои не прекратились. С 20 октября и по 15 ноября шли кровопролитные сражения во Фландрии, на реке Изере и в районе Пира.

К концу ноября бои стали затихать, тем более что обе стороны стали остро ощущать недостаток и в людских пополнениях и в военном имуществе — в вооружении и особенно в боеприпасах. Война затягивалась, время в этих условиях не могло не играть на пользу коалиции Антанты.

Восточноевропейский театр. Русские армии были развернуты к началу войны таким образом, что большая часть сил должна была обрушиться на Австро-Венгрию, которую царское правительство считало своим главным врагом, и только две армии были сосредоточены против Германии на границах Восточной Пруссии (несколько позже еще одна армия сосредоточилась в районе Варшавы). На протяжении четырех месяцев, с середины августа 1914 года, на этом театре разыгрались четыре операции крупнейшего значения: восточнопрусская, галицийская, варшавско-пвангородская и долинская. При этом с самого начала резко сказались связь и взаимозависимость событий на обоих главных европейских театрах.

Верховным главнокомандующим русской армии был великий князь Николай Николаевич, большой самодур, в военном отношении совершенно неподготовленный к выпавшей ему роли. Еще меньше данных имел начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич. Северозападным фронтом, который, по настоячивым напоминаниям и требованиям Франции, в ближайшие дни должен был вторгнуться двумя армиями (со стороны Немана и со стороны Нарвы) в Восточную Пруссию, командовал генерал Жилинский, в первых же операциях показавший себя бездарнейшим полководцем. Фронту пришлось начинать ответственные операции в условиях, когда сосредоточение и развертывание не были окончены. Тем не менее русские войска в начале операции одержали серьезные успехи в Восточной Пруссии — в боях частей 1-й армии у Сталлюпенена 17 августа и в более крупном гумбиненском сражении 20 августа. 8-я германская армия генерала Притвица вынуждена была отходить в глубь Восточной Пруссии, к Мазурским озерам.

Продвижение русских войск произвело огромное впечатление во всей Германии. Притвиц готов был отступить на линию

реки Вислы, волна беженцев хлынула в Западную Пруссию, прусские помещики забили тревогу. Напуганный Мольтке начал переброску двух корпусов с западного фронта на восточный. Притвица спешно убрали и на его место назначили старого отставного генерала Гинденбурга, подкрепив его «крепким» начальником штаба — генералом Людендорфом.

Второй этап восточнопрусской операции — с 21 по 31 августа — сложился для русских весьма неблагоприятно. Преступное бездействие командующего 1-й армией генерала Ренненкампа¹ в течение всего сражения, которое немцы назвали танненбергским, и недопустимая халатность русских армейских и корпусных штабов, передававших по радио незашифрованные оперативные приказы и донесения, облегчили задачу немцев. Германское командование могло ограничиться слабым заслоном против армии Ренненкампа и обрушиться всей силой на 2-ю армию Самсонова. К вечеру 29 августа семнадцать пехотных полков трех русских корпусов, главным образом 13-го и 15-го, были окружены противником и в значительной части уничтожены или взяты в плен. Остальные части 2-й армии сумели отступить и стягивались к Нареву. Генерал Самсонов застрелился.

Нанеся поражение 2-й армии, немцы вскоре же смогли обрушиться на 1-ю армию и к середине сентября заставили ее уйти из Восточной Пруссии.

Начиная с 23 августа крупнейшие события происходили и на югозападном фронте — против австрийцев. В течение тридцати с лишним дней на фронте в триста двадцать километров развивалось огромное по своему масштабу встречное столкновение русских и австрийских армий. Операция складывалась из целого ряда этапов, объединяемых общим названием галицийской операции. 3 сентября русские войска уже вступили в главный город Галиции — Львов. После 10 сентября австро-венгерские войска стали откатываться все далее — за реку Сан и к Карпатам, — неся большие потери убитыми, ранеными, пленными. Моральное состояние их было подорвано. Уже в этот период сказались слабые стороны армии многонациональной Австро-Венгерской империи.

События в Галиции заставили австро-венгерское командование настойчиво вызывать о помощи к своим союзникам — немцам. Перед Германией встал вплотную вопрос об усилении восточного фронта. Севернее

¹ В 1905—1906 годах этот генерал «прославился» своими кровавыми расправами над рабочими.

Кракова была организована 9-я германская армия, командование которой, а также и всем германским восточным фронтом 17 сентября было возложено на Гинденбурга, т. е. фактически на Людендорфа, назначенного начальником штаба фронта.

Успехи русских в Галиции обеспокоили не только врагов, но и «друзей». Французское правительство считало, что русские слишком много усилий тратят на второстепенного противника, и поручило своему послу в Петрограде Палеологу настаивать на немедленном наступлении русских войск против Германии. Этот инцидент — один из многих фактов прямого воздействия на Россию с целью заставить русские армии наступать на Берлин, хотя в данных условиях это могло бы привести лишь к катастрофе.

С 1 октября 9-я германская и 1-я австрийская армии предприняли наступление на Среднюю Вислу. Ожесточенные бои у Ивангорода и под Варшавой 13—18 октября закончились полным разгромом австро-германцев, которым пришлось спешно отступать. Исход в аршавской операции наглядно показал, что «непобедимость» германских войск является мифом.

Немцы усилили свой восточный фронт и решили нанести русским решительный контрудар. Гинденбург и Людендорф разработали авантюристический план нанесения неожиданного удара со стороны Торна. Напряженные бои разыгрались в районе Лодзи, где немцы хотели окружить русские войска. С каждой стороны в лодзинской операции 11—24 ноября участвовало свыше трехсот пятидесяти тысяч человек. Несмотря на то что немцы, перехватывая и расшифровывая радиogramмы, все время ясно видели обстановку, а русское командование в значительной мере действовало вслепую, — план немцев сорвался.

Русские солдаты вновь проявили под Лодзью свои замечательные боевые качества: храбрость, самоотверженность, упорство, выносливость. По русское командование не сумело закрепить и использовать свой успех. Войска были сильно утомлены, свободных резервов не было. Кроме того начал остро сказываться недостаток вооружения, боеприпасов, даже продовольствия и обмундирования. Снарядный голод стал чувствоваться после первых же боев. Война наглядно показала грубую ошибочность мобилизационных расчетов мирного времени¹. Эти причины, а также прибытие к противнику подкреплений

¹ См. Евгений Барсуков «Русская артиллерия в мировую войну». Т. I, стр. 326. Воениздат. М. 1938.

заставили русскую Ставку дать директиву об отходе левобережных армий на позицию рек Бзуры, Равки, Пилицы и Инды. Однако и Гинденбург должен был расстаться со своими построенными на песке проектами молниеносного уничтожения русских армий. В декабре на всем русском фронте начинает образовываться позиционный фронт, хотя и менее прочный чем на западноевропейском театре.

Действия на ~~других~~ театрах. Ленин, характеризуя обстановку, сложившуюся в этой войне для Сербии, указывал, что «немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и затупить национальную революцию южного славянства»². Стремление Сербии отстаивать свою национальную независимость было одной из основных причин того, что в 1914 году сербскому народу удалось успешно организовать оборону своей страны. После временного оставления Белграда сербы наголову разбили австро-венгерцев и к 13 декабря очистили свою страну от завоевателей. Этот крупнейший успех сербов имел большое значение для общей обстановки на Балканах. Центральные державы не имели еще прямого пути в Турцию.

Выступление Турции на стороне центральных держав произошло без объявления войны 29—30 октября, когда турецкие и германские корабли открыли боевые действия против русского флота и русских портов в Черном море. Выступление Турции означало создание новых фронтов. Русские образовали кавказский фронт и немедленно перешли турецкую границу. Англичане заняли Багру в Персидском заливе, объявили протекторат над Египтом и приняли меры к защите Суэцкого канала.

На морских театрах в 1914 году не произошло особенно крупных боевых столкновений. Некоторое время немцы вели крейсерскую войну в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. 1 ноября 1914 года эскадре адмирала Шпее удалось даже разбить английскую эскадру в Тихом океане у Коронеля (Чили), но 8 декабря эскадра Шпее была уничтожена англичанами у Фальклендских островов.

На Дальнем Востоке империалистическая Япония, стремясь натравить руки на возникшей войне, захватила приморскую крепость Циндао³ — центр германской колонии Цзяо-Чжоу (Киао-Чао) на китайском побережье.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61.

³ См. И. Исаков «Операция японцев против Циндао в 1914 году». 3-е изд. М. Воениздат. 1937.

1915 год

Общая обстановка к началу 1915 года. После 5 месяцев упорнейших боевых действий ни одна из сторон не добилась решительного успеха. Общий итог был, однако, неблагоприятен для Союза центральных держав, несмотря на то что их войска занимали часть неприятельской территории. Война принимала характер длительной борьбы — на измор, на истощение. Она требовала гигантского напряжения всех сил воюющих сторон. Это было острым разочарованием для политиков и генералов обеих коалиций, но для кайзеровской Германии это было больше чем разочарованием: это было банкротством ее военно-политических планов.

В отношении людских пополнений воюющие государства вынуждены были делать огромные усилия. Франция черпала ресурсы из населения своих колоний; английские доминионы посылали войска в Европу. Англия, еще не отказавшаяся от принципа добровольчества в комплектовании своих вооруженных сил, сумела выставить к началу 1915 года армию в полтора миллиона человек; Россия мобилизовала к этому времени шесть с половиной миллионов, Франция — свыше трех с половиной миллионов, Германия — свыше четырех миллионов, Австро-Венгрия — два с половиной миллиона человек.

Если Россия в начале 1915 года стояла уже в отношении военного снабжения на грани катастрофы, то и все прочие воюющие государства переживали острый кризис военного снабжения. Во всех армиях чрезвычайно сильно сказался консерватизм руководящих военных кругов, очень медленно приходивших к сознанию того, что война продлится долго, что в условиях позиционной войны надо коренным образом переучивать войска. Темпы военного производства были еще не очень высоки. У Антанты не было единого командования, не было единого плана действий. Германское командование тоже колебалось в выборе плана операций. По выражению Ллойд-Джорджа, во всех странах «военные руководители утратили всякое представление о путях к достижению конечной победы»¹. Все это сказалося на характере операций в кампании 1915 года.

Восточно-европейский театр. Германское главное командование после событий 1914 года чувствовало себя бессильным предпринять решающее наступление на западном фронте. Вместе с тем положение Австро-Венгрии было таково,

¹ Давид Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Том I—II, стр. 254. М. Соцэкгиз. 1934.

что ее падо было во что бы то ни стало спасать. Поэтому после некоторых колебаний Фалькенгайн решил перенести центр тяжести операции на восток. Гинденбург и Людендорф мечтали охватить русский фронт с обоих флангов и создать новые гигантские «Канны». События развивались благоприятно для немцев, но совсем не так, как они планировали.

Зимнее сражение в Мазурии (январь—февраль 1915 года) не принесло немцам ожидаемого успеха. Вскоре после этого, в начале марта, русским удалось нанести немцам серьезный удар в районе П р а с н ы ш а.

В это время на австро-венгерском фронте происходили ожесточенные бои в Карпатах в невероятно тяжелых условиях горной войны зимой. 22 марта, после полугодовой осады, пала австрийская крепость Перемышль; в плен к русским пало свыше ста двадцати тысяч человек. Но русским не удалось перейти через Карпатский хребет и вторгнуться в Венгрию. 11-я германская армия генерала Макензена при содействии 4-й австро-венгерской армии 2 мая осуществила прорыв на фронте между Верхней Вислой и Карпатами, в районе Горлица—Тарнов. Успех горлицкого прорыва и отступление русских армий имели очень большие последствия. Австро-Венгрия, получавшая подкрепления, продолжала наступательные действия. В течение мая—июня русские потеряли всю Галицию. Следующим этапом большого отхода русских армий летом 1915 года явилось очищение части Прибалтики и всей Польши.

По всему фронту все острее сказывалась слабость русских армий: войска устали, число бойцов в частях составляло лишь две трети штатного состава, кадровый состав почти целиком выбыл из строя, молодые пополнения были очень плохо обучены, большое количество военного имущества было изношено и потеряно в боях, винтовок не хватало, боеприпасов было не больше 40% положенного. Раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося шпионом, выполнявшим задание немецкой разведки — сорвать снабжение фронта боеприпасами. Некоторые царские министры и генералы вместе с партией, связанной с немцами, вылавливали немцам военные тайны. В результате всего этого царская армия терпела поражения и вынуждена была отступать.

Командование северозападного фронта (генерал Алексеев) поняло опасность, которая грозила русским войскам в Польше, и стало оттягивать части к востоку. 4—5 августа была оставлена Варшава,

19—22 августа — крепости Новогеоргиевск, Осовец и Ковно. 30 августа русские армии отошли еще дальше, выравнявая фронт. На путях к Риге немцы 20 августа заняли Митаву; русские отходили к Западной Двине. В результате всех этих операций образовался позиционный фронт, тянувшийся на тысячу километров от Рижского залива до румынской границы, по линии Рига — Двинск — Молодечно — Барановичи — Ровно — Тарнополь.

Русские армии потерпели жесточайшее поражение, но фронт не распался, вооруженные силы России продолжали существовать.

В главном командовании русской армии произошли перемены. 5 сентября Николай Николаевич был смещен и назначен главнокомандующим на кавказский фронт. Верховным главнокомандующим стал сам царь, фактически же верховное командование перешло в руки нового начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексева, человека работоспособного, но не обладавшего полководческим талантом.

Основной причиной поражений русской армии являлась политическая и экономическая отсталость царской России, гниль и предательство царских сановников, бюрократического чиновничества и генералов. Но как бы ни были жестоки поражения России в 1915 году, с точки зрения интересов всей коалиции Антанты, русские армии сделали в 1915 году очень много, притянув на себя около 60% всех сил Германии и Австро-Венгрии (по числу дивизий). Германия в 1915 году несколько раз пыталась завязать с Россией переговоры о сепаратном мире, но натолкнулась на отпор. Между тем союзники фактически ничего не сделали, чтобы поддержать Россию, не сумели организовать помощь вооружением и боеприпасами. Принятие на себя Россией в 1915 году главного удара центральных держав явилось — после марнского сражения 1914 года — вторым важнейшим событием, определявшим все течение войны.

Западноевропейский театр. Англо-французы могли не опасаться нового решительного наступления Германии на Западе, ибо Россия приковывала к себе в этот период огромные силы центральных держав. Но воспользоваться этим для решительного наступления союзники не сумели, да и не были подготовлены к этому.

Атаки, производившиеся французами и англичанами в течение 1915 года в Шампани, в Артуа, в районе Ляля и на других участках фронта, преследовали ограниченные задачи и не могли привести к прорыву германских оборонительных ли-

ний. Такого рода операции, конечно, не облегчали положения русских армий, которые несли в это время основные тяготы войны на стороне Антанты.

22 апреля немцы в районе Ипра впервые применили против англо-французов отравляющие вещества, грубо нарушая тем самым международные соглашения. Однако и внезапное применение газов не принесло немцам оперативного успеха.

Действия на других театрах. На кавказском фронте сарыкамышская операция закончилась в январе 1915 года крупной победой русских над турками. Весной и летом 1915 года русские действовали в Турецкой Армении, захватив часть ее до озера Ван. В северный Иран, не считаясь с нейтралитетом этого государства, был послан отряд генерала Баратова, который должен был стремиться к установлению связи с англичанами, действовавшими в Месопотамии. В 1915 году действия англичан там были в общем неудачны. Успешнее для англичан сложилась обстановка у Суэна. Попытки турок, поддерживаемых немцами, овладеть Суэцким каналом не удалось.

Немаловажным событием было выступление Италии 23 мая 1915 года на стороне Антанты, хотя оно и не повлекло за собой тех результатов, которых от него ожидали. Образовался новый фронт, проходивший по Альпийскому хребту и долине реки Изонна.

Своеобразным эпизодом мировой войны явилась дарданелльская операция, продолжавшаяся с февраля 1915 года до конца года. Попытка Антанты форсировать проливы сначала только силами флота, а затем совместными усилиями флота и десантных войск потерпела неудачу. Сказались, в частности, и противоречия между участниками коалиции Антанты. Турки стянули к Дарданеллам значительные силы и организовали упорную оборону. В результате Антанте пришлось признать бесплодность своих усилий и эвакуировать свои войска с Галлиполийского полуострова, перебросив их в Салоники.

Военные события в Сербии в 1915 году закончились для этого государства катастрофой. Осенью против двухсоттысячной сербской армии центральные державы, к которым 5 октября присоединилась Болгария, смогли выставить несколько армий общей численностью в полмиллиона солдат. Союзники не помогли Сербии ни военными материалами, ни активными операциями против Болгарии. Героически сопротивлявшаяся сербская армия вынуждена была оставить территорию своей страны. Остатки сербской армии (около ста двадцати тысяч человек) были перевезены союзниками на греческий остров

Корфу. С вступлением в войну Болгарии и разгромом Сербии центральные державы получили прямую связь с Турцией.

Особый характер приняла война на море. 4 февраля 1915 года немцы объявили зону вокруг Великобритании и Ирландии военной зоной и угрожали потоплением всякому торговому судну, которое зайдет в эти воды, в том числе и нейтральному. Вследствие энергичных протестов США германское правительство решило затем ослабить подводную войну. Англия 11 марта 1915 года объявила полную блокаду берегов Германии и старалась не допускать туда никаких грузов. Крупных морских сражений в 1915 году не было.

1916 год

Общая обстановка к началу 1916 года. Несмотря на ослабление России, разгром Сербии, вступление в войну Болгарии и неудачу дарданельской авантюры, общая обстановка на рубеже нового года складывалась для Антанты, скорее, благоприятно. В лице Италии Антанта получила нового союзника. Россия продолжала сковывать большие силы Германии и Австро-Венгрии. Внутреннее политическое и экономическое положение Германии, не говоря уже об Австро-Венгрии, сильно ухудшилось. Франция и особенно Англия очень много сделали для организации массового производства вооружения и боеприпасов; тем самым создавались предпосылки для реализации численного превосходства армий Антанты и достижения решающего успеха против центральных держав в 1916 году. Межсоюзническая конференция в Шантильи в декабре 1915 года постановила, что решительные результаты должны быть достигнуты согласованными наступательными действиями на трех главных фронтах — русском, англо-французском и итальянском. Срок общего наступления намечался ориентировочно на начало марта. Последующие события заставили изменить эти планы.

Германское главное командование, сознавая, что дальнейшая затяжка войны может только ухудшить положение центральных держав, искало выхода из положения в активных действиях на западноевропейском театре — против Франции как основного союзника Англии.

Западно-европейский театр. В начале 1916 года Фалькенгайн окончательно решил наступать в районе реки Маас в направлении на Верден. Количество сосредоточенных немцами сил и средств (двенадцать дивизий, тысяча десятка двадцать пять орудий, из них почти 60% тяжелых) свидетельствует о том, что они готовили решительный прорыв не-

приятельского фронта, а не только истощение французских войск, как уверяет Фалькенгайн в своей книге о верховном германском командовании. Добиться этого решительного результата германской воишине и на этот раз не удалось.

Многомесячное верденское сражение не было исключительным по упорству и кровопролитности. Только после того как 21 февраля немцы перешли в наступление, введя в дело сильнейшую артиллерию, не пользуясь химическими снарядами, французы во главе с генералом Петэном стали принимать энергичные меры для организации обороны. Большую роль сыграло при этом исключительное мужество французских солдат. Все попытки немцев прорвать фронт были отражены. Верденские бои показали огромное значение укрепленных районов в современной войне. Через «верденскую мельницу» прошли, сменяя друг друга, две трети французских дивизий, две пятых германских дивизий. Но Верден не попал в руки немцев, и это было уже серьезным успехом французов. На исход верденского сражения сильнейшим образом повлияли события на русском фронте, в особенности победоносное наступление Бруслова, начавшееся 4 июня 1916 года.

Верденское сражение является одним из важнейших узловых моментов первой мировой империалистической войны.

Вторая крупнейшая операция 1916 года на французском театре, операция на Сомме, началась с значительным опозданием — 1 июля. В операции участвовали две английские армии (главнокомандующим английскими войсками был Хейг, который сменил Френча в конце 1915 года) и две французских под общим руководством генерала Фоша. Сражение на Сомме, тянувшееся до ноября, вылилось в типичную операцию позиционного перелома мировой войны. Результаты не соответствовали затраченным жертвам. Но нельзя недооценивать того значения, какое имело сражение на Сомме в ходе войны. После Вердена, после брусловского наступления немцы не были в состоянии начать в этом году еще одну крупную операцию на западном театре; союзники же доказали, что их ресурсы позволяют вести такую операцию. Это означало провал планов германского командования. Политические главарь вильгельмовской Германии искали спасения в новых людях: 29 августа 1916 года на место Фалькенгайна был поставлен Гинденбург. Людендорф был назначен к нему генерал-квартирмейстером и сделался фактически главнокомандующим всеми армиями Германии. К концу 1916 года французам удалось почти полностью восстановить то положе-

ние под Верденом, которое было до февральского наступления немцев. Всего на верденском участке за периоды февраль—июнь и ноябрь—декабрь у обеих сторон выбыло из строя около миллиона солдат.

Восточноевропейский театр. С осени 1915 года русская армия на европейском театре была разделена на три фронта: северный, западный и юго-западный. Верденские события заставили французское командование настоятельно просить генерала Алексеева начать «в самый кратчайший срок» наступление. Русская ставка, идя навстречу просьбам союзника, предприняла в период 18—31 марта наступательные действия в районе озера Парочь и в районе Якобштадта. Оба наступления, откровенно подготовленные, закончились кровавой неудачей. С точки зрения помощи французам, неудачное мартовское наступление все же сыграло некоторую положительную роль.

Во много раз большее значение имело другое наступление, ознаменовавшееся крупным успехом: наступление югозападного фронта, во главе которого стоял генерал Брусилов (луцкий прорыв и связанные с ним наступательные действия). Генерал Брусилов тщательно подготовил операцию. «4 июня в Галиции,— пишет Фалькенгайн,— как гром среди ясного неба разразилась беда». Это было начало брусиловской операции, завершившейся блестящей победой русских войск. Австрийцы были разгромлены. В течение июня—августа русские войска взяли Луцк, заняли Буковину и угрожали Ковелю и Львову. За период операции было захвачено свыше четырехсот тысяч солдат, около девяти тысяч офицеров, пятьсот восемьдесят одно орудие, тысяча семьсот девяносто пять пулеметов, четыреста сорок восемь бомбометов, огромные запасы военного имущества. Потери австро-германцев убитыми, ранеными и пленными Брусилов в своих воспоминаниях нечисляет примерно в полтора миллиона человек.

Успехи русских войск заставили немцев срочно начать переброску подкреплений австрийцам и прервать атаки Вердена, где как раз в начале июня их нажим был очень силен. В то же время брусиловский прорыв в буквальном смысле слова спас Италию, которой в это время угрожал такой же разгром, какой через год (осенью 1917 года) произошел при Капоретто. Результатом брусиловской победы было и выступление Румынии на стороне Антанты (27 августа 1916 года).

Франция и Англия производили давление на русское правительство и командова-

ние. Прекрасно понимая, что Румыния, которая была в состоянии выставить лишь слабую, четырехсоттысячную армию, сама по себе не представляет военной силы, союзники требовали от России посылки в Румынию двухсотпятидесятитысячной армии, т. е. около одной седьмой всех русских войск на европейском театре.

Сначала румынам удалось несколько продвинуться в Трансильвании, но затем очень скоро наступила катастрофа. В течение октября—декабря румыны очистили под давлением австро-германских войск, которым помогали и болгары, большую часть своей территории вместе со столицей Бухарестом. Вся тяжесть последствий этого поражения легла на русскую армию: образовался новый, румынский фронт.

Действия на других театрах. На салионикском фронте начиная с сентября, развернулись, наконец, наступательные действия союзной армии, в составе которой были и русские части, перевезенные туда, как и во Францию, далеким, кружным путем. Занятие Монастыря (18 ноября) было единственным заметным успехом на этом театре. Реальной помощи Румынии эти операции оказать не могли.

Немалую помощь Антанте оказали русские на кавказском фронте, притягивая туда значительные турецкие силы. 15 февраля 1916 года русские овладели Эрзерумом, в последующие месяцы — Трапезундом, Эрзинджаном, Битлисом. Англичане же в Месопотамии действовали, как и в предыдущем году, неудачно.

В 1916 году произошло единственное за всю мировую войну сражение крупных морских сил — ютландский бой. Бой этот происходил 31 мая—1 июня в Северном море, недалеко от входа в Скагерракский пролив, близ берегов Ютландского полуострова. Несмотря на то что англичане понесли большие потери чем немцы, последним пришлось «непрерывно спасать свой флот из опасного положения, грозившего ему гибелью»¹. В результате ютландского боя немцы окончательно убедились в неспособности их линейного флота противостоять главным силам английского флота.

1917 год

Общая обстановка к началу 1917 года. В 1916 году Верден, Сомма, брусиловское наступление и ютландский морской бой создали очень напряженное положение для коалиции цен-

¹ Харнер «Правда о ютландском бое», стр. 111. Перевод с англ. М. Воениздат. 1938

тральных держав. Однако державы Антанты не сумели должным образом воспользоваться сложившейся обстановкой.

Несмотря на получение доступа к румынской нефти и пшенице, центральные державы к началу 1917 года были еще больше истощены, чем летом 1916 года, когда союзники, казалось, были близки к победе. Экономическое истощение центральных держав, усугубленное так называемой программой Гинденбурга, неспособность их правительств и командования добиться решительного похода в чрезвычайно затянувшейся войне, рост недовольства и революционных настроений в широких народных массах — все это заставило Германию попытаться при посредничестве Америки заключить мир. Однако выдвинутые немцами неслыханно наглые условия¹ были признаны Антантой неприемлемыми.

В странах Антанты к началу 1917 года тоже сказывалось недовольство народных масс войной и связанными с ней неслыханными жертвами и лишениями. Наибольшей остроты положение достигло в царской России, где трудящиеся массы, руководимые большевиками, стремились к революционному выходу из войны, к превращению войны империалистической в войну гражданскую, в войну «против своей собственной буржуазии и ее правительства»². Революция в России оказала непосредственное влияние на весь ход империалистической войны.

В отношении людских ресурсов все воюющие страны к началу 1917 года испытывали огромные затруднения. К 1 января 1917 года общее число военнослужащих в армиях на фронте и в тылу составляло: в России десять миллионов восемьсот тысяч человек, во Франции — четыре миллиона пятьсот одиннадцать тысяч, в Англии — свыше трех миллионов, в Италии — один миллион, а всего в странах Антанты двадцать три миллиона пятьсот тысяч; в центральных державах — десять миллионов человек³. Знаменательным актом явился переход Англии с середины 1916 года к системе обязательной военной службы.

Западно-европейский театр. В самом конце 1916 года произошла смена во французском главном командовании: место Жоффра занял генерал Нивель. Нивель выработал новый план наступления; переход в наступление был назначен на

начало апреля. Неожиданно для французов 17 марта 1917 года немцы на большом участке фронта от Арраса до реки Эн отошли на заранее подготовленную позицию — так называемую позицию Зигфрида или Гинденбурга, — значительно сократив линию фронта и ликвидировав опасный для них выступ фронта у Нуайона. Нивелю пришлось вносить изменения в свой план.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России и заявление нового верховного главнокомандующего генерала Алексеева о невозможности для русской армии наступать ранней весной поставили под сомнение план Нивеля, но все же было решено наступать. Апрельское наступление Нивеля, подготовленное исключительно неумело, вылилось в форменное истребление многих десятков тысяч французских и английских солдат. Только французы потеряли в этой операции пятьдесят тысяч убитыми и девяносто тысяч человек ранеными. Главный удар французы нанесли между Реймсом и Эмским каналом; второстепенный удар нанесли англичане в направлении на Камбрэ, Дуэ. Атаки начались 9 апреля и продолжались более месяца. Результат их был минимальный.

В результате неудачного апрельского наступления, а в особенности под влиянием революции в России, во французской армии, как и по всей Франции, прокатилась мощная революционная волна; дисциплина пала, в ряде корпусов были созданы солдатские комитеты. 16 мая Нивель был смещен. Заменявший его генерал Петер принял прежде всего жестокими карательными мерами возвращать «порядок» в армии. С этого времени французское командование стало проявлять осторожность в расходовании людской силы, стремясь как можно больше заменять человека машиной. Исключительное внимание было обращено на усиление технического оснащения войск, в первую очередь артиллерии (особенно тяжелой), танков и авиации.

6 апреля 1917 года к коалиции Антанты присоединился новый мощный союзник — Соединенные штаты Америки. США развернули огромную работу по созданию армии в несколько миллионов человек и переброске ее через океан. Вступление в войну Америки, имевшее огромное политическое значение, не оставляло уже сомнений в исходе борьбы двух коалиций. Но в 1917 году еще нельзя было рассчитывать на помощь свежих американских пополнений. Поэтому французы и англичане ставили себе пока более ограниченные цели.

В операции под Камбрэ (20 ноября — 6 декабря) англичане успешно применяли

¹ См. в предыдущем номере статью тов. Потювича «Военные цели германского империализма».

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 165.

³ «Мировая война в цифрах», стр. 13. М. и Л. Военгиз. 1934.

для глубокого прорыва оборонительной полосы крупные танковые силы (триста семьдесят восемь танков).

Восточноевропейский театр. На ход боевых действий на русском фронте решающее влияние оказала февральская буржуазно-демократическая революция. С каждым днем учащались случаи неповиновения солдат офицерам, отказа войсковых частей идти в атаку, случаи братания солдат на фронте, солдатская масса все решительнее высказывалась за прекращение войны и заключение подлинно-демократического мира.

Единственной наступательной операцией русского командования в 1917 году (незадолго до начала этой операции верховным главнокомандующим был назначен Брусилов) было так называемое июньское наступление, начатое Временным правительством 1 июля (18 июня старого стиля). На северном и западном фронтах генералы вообще не смогли начать наступления. На югозападном фронте на участке 8-й армии агитация социал-шовинистов и угрозы со стороны офицерства на короткий срок парализовали противодействие солдатской массы и наступление имело некоторый успех (был занят Калуш). Германское командование стало стягивать к этому фронту значительные силы, в том числе одиннадцать дивизий с французского театра. 19 июля немцы прорвали фронт в направлении на Тарнополь. Русские должны были отступить, очищая Галицию и отодвигая назад правый фланг румынского фронта.

После этого на всем русском фронте почти вовсе прекратились военные действия. 1 сентября немцы предприняли операцию по захвату рижского плацдарма. 3 сентября немцы заняли Ригу, создавалась угроза подступам к Петрограду. Рижская операция была одним из этапов в подготовке русской контрреволюцией предательского плана сдачи Петрограда немецким войскам и удушения революции силами германского империализма. Генерал Корнилов публично признал, что Рига была сдана генералами по его приказанию¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала решающее изменение в мировом положении вообще и в положении на фронте в частности.

Российский пролетариат, свергший власть буржуазии и помещиков, не дал осуществиться гнусным планам контрреволюции. Сейчас же после 7 ноября советское правительство обратилось ко всем воюющим государствам и их народам с призывом прекратить войну и заключить мир на

демократических началах. Не получив ответа от капиталистических правительств, советское правительство приступило к заключению перемирия и переговорам с Германией, закончившимся в 1918 году брестским миром. Борьба Троцкого и Бухарина против ленинско-сталинской политики «передышки» стоила Советской России потери значительной территории, задержала развитие революционного кризиса в Европе, оказала услугу вильгельмовской Германии. Благодаря твердому курсу своей внешней политики Советская Россия революционным путем вышла из коалиции Антанты и из империалистической войны, что имело громадное значение для всего дальнейшего развития событий.

Действия на других театрах. В октябре 1917 года произошло сражение у Капоретто, в котором итальянская армия была жесточайшим образом разбита. Многочисленные наступления итальянских войск на фронте реки Изонце в 1915—1917 годах были почти всегда бесплодны или ничтожны по своим результатам. Катастрофа у Капоретто явилась своеобразным «алогеем» бездарных полководческих потуг самоуверенных и заносчивых итальянских генералов и ярким показателем совершенно неудовлетворительной боевой подготовки итальянской армии.

Итальянские армии панически отступали вплоть до реки Пьяве; всего итальянцы потеряли в этом сражении, по их собственным преуменьшенным данным, двести шестьдесят пять тысяч пленных, сорок тысяч убитых и раненых, свыше трех тысяч орудий, свыше тысячи семисот минометов. Вся страна была заполнена дезертирами. Италию спасло от окончательного разгрома только вмешательство союзников. 30 октября в Италию прибыл со специальной миссией генерал Фош, который организовал переброску в Италию двенадцати англо-французских дивизий и с их помощью дал отпор австро-германцам на новой линии фронта.

На балканском театре салоникская армия союзников не добилась в течение 1917 года ничего существенного, несмотря на то что в июне этого года к коалиции Антанты под давлением Франции и Англии примкнула Греция.

Значительно успешнее чем в предыдущие годы действовали англичане в Месопотамии и Сирии. 17 марта они заняли Багдад.

Важнейшим фактом войны на море в 1917 году было объявление Германией 1 февраля беспощадной подводной войны, представлявшей серьезную угрозу Англии. Однако это мероприятие не только не приблизило центральные

¹ «История гражданской войны». Т. I, стр. 200.

державы к победе, но еще ускорило вступление в войну США на стороне Антанты. В результате принятых Англией и США контрмер немцы не смогли помешать начавшимся перевозкам американских войск в Европу.

1918 год

Общая обстановка к началу 1918 года. К этому времени в положении борющихся коалиций произошли большие изменения. Россия вышла из войны, а победа советской власти в России имела огромный резонанс во всем мире. В Германии и в Австро-Венгрии назревал революционный кризис. В Австро-Венгрии революционное движение пролетариата тесно переплеталось с национально-освободительным движением угнетенных народностей: чехов, словаков, украинцев и др. Весенние события 1917 года во французской армии наглядно показали руководителям держав Антанты, что и они не застрахованы от революционной «опасности». В общем же боеготовность войск Антанты была выше чем у их противников. Державы Антанты в 1918 году удвоили свои усилия по созданию колоссальных ресурсов военной техники. Во второй половине года они рассчитывали и на помощь американских войск.

Германское правительство и командование в начале 1918 года отчетливо сознавали, что в этом году Германия должна обязательно кончить войну. Однако голоса, высказывавшиеся за скорейшее заключение мира на любых, мало-мальски сносных условиях, не имели решающего значения.

Западноевропейский театр. Союзные армии на этом театре насчитывали к марту 1918 года два миллиона человек, из которых французы составляли один миллион, англичане — приблизительно девятьсот тысяч и бельгийцы — восемьдесят тысяч человек. Германская армия на этом фронте к весне насчитывала тоже два миллиона человек. В отношении артиллерии силы сторон были примерно одинаковы: по десять тысяч легких орудий и по шесть тысяч тяжелых. Зато танков у союзников было уже около девятисот штук, тогда как германцы изготовили только сто пятьдесят—двести танков. Самолетов у англо-французов было три тысячи восемьсот, у германцев — три тысячи¹.

Людендорф в течение нескольких месяцев тщательно готовил большое наступление против англо-французов. С марта по июнь немцы организовали четыре

больших наступления, ни одно из которых не привело к победе.

Первое наступление продолжалось с 21 марта по 4 апреля; удар был направлен на Амьен, в одно из самых чувствительных мест фронта — в стык английских и французских армий. При этом немцам в известной мере удалась внезапность наступления. В период этих боев немцы начали также варварский обстрел Парижа из дальноточных пушек «Колоссаль». Результатом этого первого наступления Людендорфа, проведенного очень большими силами, было образование выступа в линии фронта с максимальной глубиной в пятьдесят километров. Амьен взят не был.

Под прямым воздействием неприятельских ударов сдвинулся с мертвой точки вопрос об едином командовании армиями Антанты. 26 марта на Фоша была возложена задача «координирования» действий союзных армий, а 3 апреля Фошу было поручено «стратегическое руководство операциями» англо-французов, т. е. фактически функции главнокомандующего. Последствия этого решения благоприятно сказались на действиях армий Антанты.

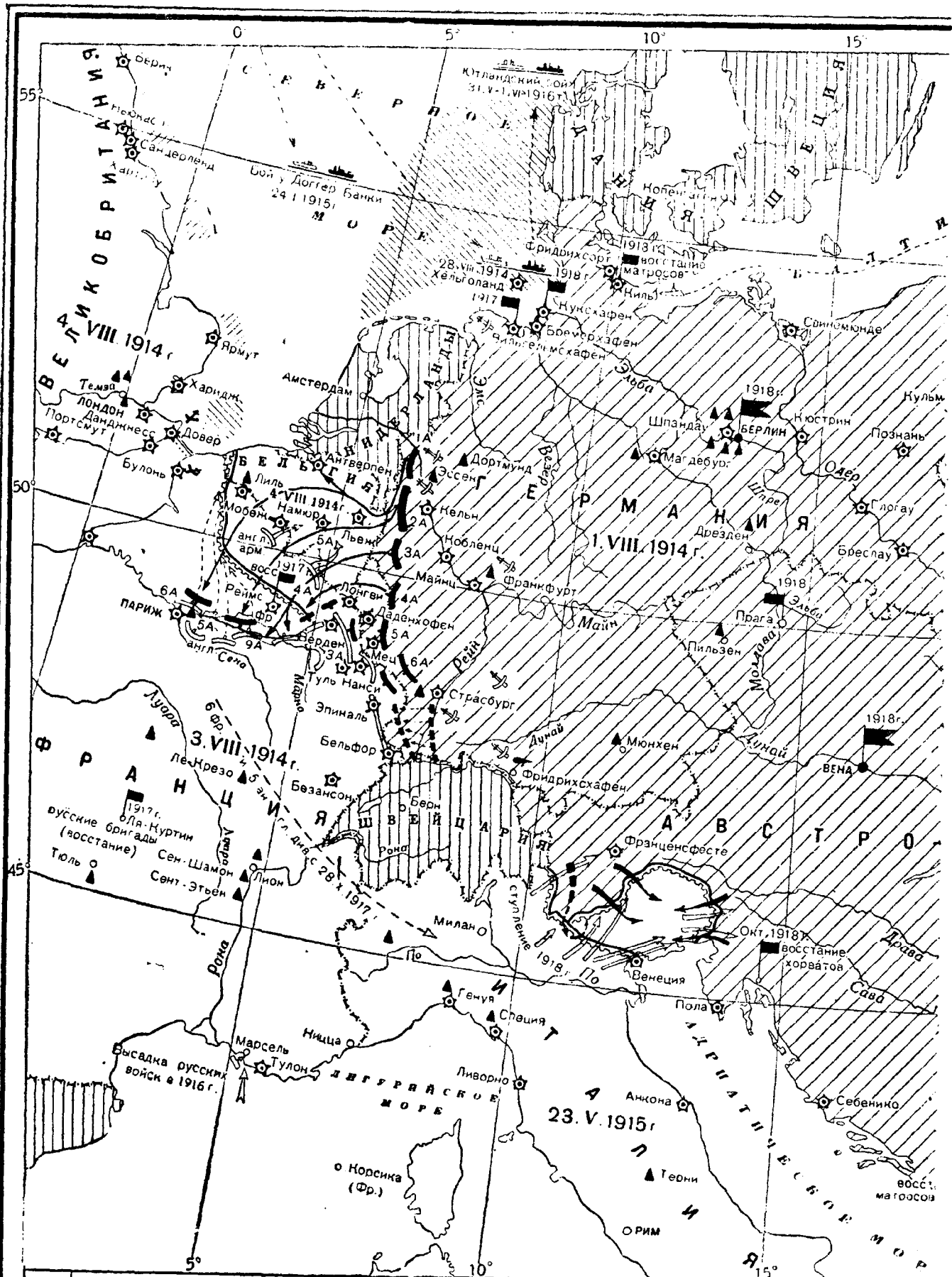
Не сумев развить свое первое наступление, Людендорф сейчас же, без передышки, начал второе. Эта операция на реке Эна (9—30 апреля) стоила немцам сто сорок тысяч человек, причем результатом ее явился всего лишь маленький выступ фронта глубиной в пятнадцать километров.

С 27 мая по 5 июня произошло третье по счету и наиболее успешное из всех наступление немцев в районе реки Эна, в направлении, которое должно было вывести их прямо на Париж. У Шато-Тьерри они достигли, как и в 1914 году, реки Марны; от столицы Франции их отделяло теперь только семьдесят километров. Но и этот успех, стоивший немцам потери ста двадцати шести тысяч человек, не привел Германию к решительной победе.

9 июня немцы начали наступление на Компьень, но продвинулись только на десять километров. Компьень им взять не удалось; потери достигли ста шестидесяти тысяч человек. К 15 июня выдохлось и это—четвертое по счету—наступление немцев.

Перелом в обстановке произошел в июле. 15 июля Людендорф, не обращая внимания на недостаток сил и крайнее истощение войск, снова двинул их в атаку в Шампани, по обе стороны Реймса. Это было уже решение, продиктованное отчаянием, не имеющее ничего общего с «резвой стратегией», которую

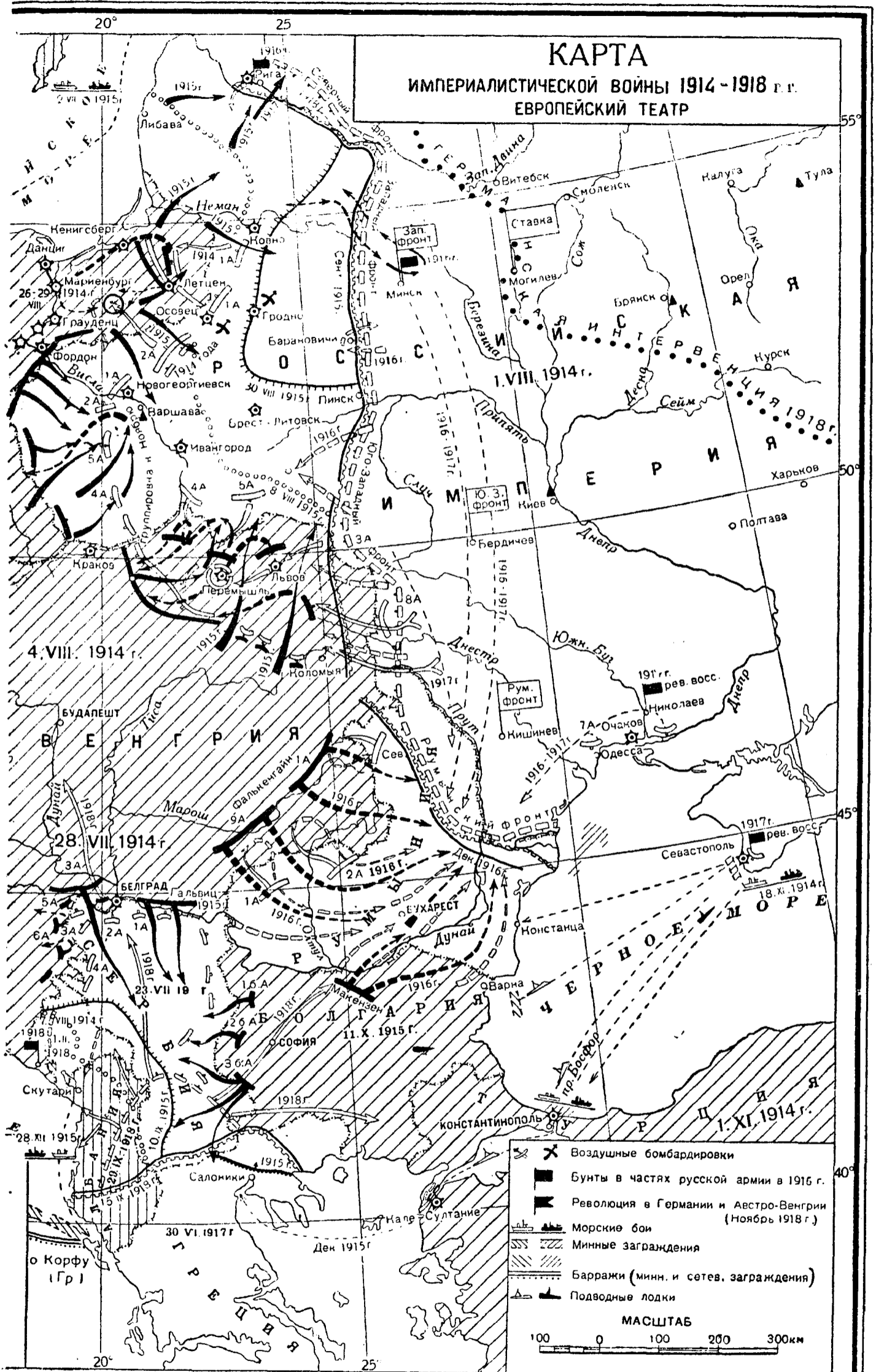
¹ См. Д. Рыбин «Черные дни германской армии (Разгром в 1918 году)», стр. 5. М. Воениздат. 1938.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Антанта, Германия и их союзники 1.V.1917г. 7А 1А 23.V.1915г.	Территории государств, участвовавших в войне 1.V.1917г. 1.II.1918г. Развертывание войск Армии Направление ударов Отход войск Основные линии фронтов*	Гибель армии Самсонова (26-29 VII 1914 г.) Переброска союзнических войск и образование Салоникского фронта (1915 г.) Наступление Керенского 1-19 VI 1917 г. Крепости воюющих держав Важнейшие военные заводы и арсеналы Базы дирижаблей Территории нейтральных государств Государственные границы на 1914 г.

КАРТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 ГГ. ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР

многие германские историки пытаются приписать Людендорфу.

Через три дня после начала пятого в 1918 году и последнего в эту войну наступления немцев Фош нанес им мощный контрудар с помощью специально усиленной для этой цели 10-й армии генерала Манжена, богато оснащенной артиллерией, танками и авиацией. Немцы начали отходить, они очистили выступ у Шато-Тьерри. Так плачевно закончилась для них эта «вторая Марна». 22 июля Людендорф впервые ясно осознал, что немцам остается только оборона.

Наступление четырех французских армий с 18 июля по 4 августа продолжало развиваться, но сравнительно медленно. 8 августа Фош организовал еще один удар восточнее Амьена силами 4-й английской и 1-й французской армий. Этот удар, подготовленный в большой тайне, превратился для германской армии в настоящую катастрофу. Людендорф назвал его черным днем германской армии. Союзники развивали свое наступление и за месяц — до 8 сентября — захватили сто пятьдесят тысяч пленных и свыше двух тысяч орудий. Это было уже то общее наступление союзников, которому немцы не могли противостать. «Наш боевой механизм утратил свою полноценность...», — пишет Людендорф в своих воспоминаниях. — «Наше дело кончат войну».

Ничто уже не могло остановить быстрого развития военных и политических событий. Удары англо-французских войск все сильнее расшатывали фронт противника, подававшийся на восток. Развал в германских армиях усиливался с каждым днем; германское командование охватывала растерянность. Положение с резервами было катастрофическим, тем более что интервенция германского империализма на востоке, встретившая упорнейшее сопротивление трудящихся масс Украины и других оккупированных областей, отвлекала очень большие силы. А «германские солдаты, стоявшие на восточном фронте и переведенные потом, после брестского мира, на западный фронт, не могли не разложить там германскую армию своими рассказами о братании с советскими солдатами и о том, как советские солдаты избавились от войны»¹. В этом сказывалось огромное революционное влияние Октябрьской революции и последовавших за ней событий. «...Внутри Германии и Австрии кипело возмущение народа против нескончаемой и губительной войны, против империалистических правительств

этих стран, доведших народ до истощения, до голода»².

26 сентября на широком фронте, от моря и до Мааса, началось последнее решающее наступление армий Антанты. Заблаговременно оборудованные немцами оборонительные линии не могли задержать волну наступавших союзных армий.

27 октября Людендорфу пришлось уйти в отставку, а 9 ноября в Германии разразилась революция, свергнувшая кайзеровское правительство. 11 ноября, когда восемь наступавших союзных армий достигли уже линии Гент — Лесинь — Монс — Мобезь — Шимэ — Шарлевиль — Седан — Френ — Поит-а-Муссон, в лесу Компьень было заключено перемирие и боевые действия как на суше, так и на море прекратились.

Действия на других театрах. События на других театрах и фронтах находились в тесной связи с событиями, разыгравшимися на полях Франции. Особенно большое значение для исхода войны имело углублявшееся разложение Австро-Венгерской монархии, приведшее затем к свержению Габсбургов. Итальянцы не воспользовались этим и стали наступать только в конце октября, когда обнаружился решительный успех союзных армий на Балканах и когда австро-венгерские войска уже вовсе не были способны сопротивляться. 29 октября австро-венгерцы стали просить о перемирии.

Салоникская армия Антанты располагала к осени внушительными силами. 15 сентября три сербских дивизии прорвали фронт болгарской армии, после чего болгары стали постепенно и в беспорядке отступать и уже 29 сентября пошли на полную капитуляцию перед Антантой. Покончив с Болгарией и захватив в плен целую германо-болгарскую армию (11-ю), союзные армии повели наступление по нескольким направлениям: для освобождения Сербии (здесь нанесен главный удар), для освобождения Албании и Черногории, в направлении на Румынию и, наконец, на Константинополь. Возле наступательные операции союзников развивались неудержимо. 31 октября турки запросили мира и заключили перемирие в Мудросе. 1 ноября союзники освободили Белград и продолжали наступать на Будапешт.

В Месопотамии англичане к концу октября заняли Мосул. К октябрю была завершена оккупация Палестины и Сирии. В этих операциях участвовали и восставшие против турок арабы. Наиболее крупный успех был одержан англичанами под командованием ге-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 220.

² Там же.

перала Алленби в сражении у Мегиддо 19—21 сентября.

На море в 1918 году не было крупных операций. Подводная война еще в 1917 году пошла на убыль. Германские колонии к 1918 году уже все были в руках Антанты.

* * *

Союз центральных держав потерпел поражение в первой мировой империалистической войне 1914—1918 годов. Для объяснения этого поражения немецкие реакционные буржуазные историки выдвинули теорию «Dolchstoß'a», т. е. удара кинжалом в спину, который якобы нанесла революция германской и австро-венгерской армиям. Подобные взгляды, тесно связанные с утверждением о неизбежности германского оружия, всечески перенесаются и пропагандируются германскими фашистами. Насколько все эти «теории» противоречат фактам, видно даже из того сжатого перечня военных событий, который сделан в настоящей статье.

Коалиция центральных держав проиграла войну не только политически и экономически, но и в боевых схватках на полях сражений.

Происходящая сейчас вторая империалистическая война и растущая угроза па-

дения фашистских агрессоров на СССР заставляют нас с особой тщательностью изучать политические уроки и опыт боевых операций первой мировой империалистической войны. В Красной Армии изучение опыта войны 1914—1918 годов началось еще в годы отечественной войны против интервентов и белогвардейцев, когда по настоянию Ленина в Москве была создана Военная Академия РККА. Товарищи Фрунзе и Ворошилов неоднократно подчеркивали исключительную важность критического освоения опыта мировой войны. Сейчас этот опыт обогатился не только уроками гражданской войны в СССР (1917—1922 годов), но и опытом войны в Абиссинии, Испании, Китае. События у озера Хасан, где зарвавшаяся японская военщина получила весьма ощутительный предметный урок, показали всему миру, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия, защищающая рубежи нашей великой родины, в совершенстве владеет новой боевой техникой и новой тактикой, развитие которых во многих отношениях связано с опытом и уроками первой мировой империалистической войны¹.

¹ На стр. 102—103 помещена карта европейского театра империалистической войны 1914—1918 гг., составленная на основе карты мировой империалистической войны «Большого советского атласа мира».

К 230-ЛЕТИЮ ПОЛТАВСКОГО БОЯ

В. Плотцын

РАЗГРОМ ШВЕДСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

«Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России».

(Ф. Энгельс).

Свыше 230 лет назад, в 1708 году, прославленные своей непобедимостью и внушавшие страх всей Западной Европе шведские войска, предводительствуемые талантливым, но не в меру честолюбивым и самонадеянным полководцем Карлом XII, вторглись в пределы России. Принудив к позорной капитуляции датского короля Фридриха IV и саксонского курфюрста Августа, лишив последнего польского престола и поставив польским королем своего избранника—Станислава Лещинского,—Карл XII бросил своим войскам гордый клич: «На Москву!»

Но честолюбивым мечтам не удалось осуществиться. Вместо Москвы Карл XII едва дошел до Полтавы, где и нашла себе могилу вся его армия. Только пленным шведам удалось увидеть Москву...

Каковы же причины Северной войны, возникшей в 1700 году и закончившейся полным разгромом «непобедимых» шведов?

Россия до XVIII века была зажата в тиски своими более мощными соседями: на севере—Швецией, на юге—Турцией. Россия, лишенная выхода к морям—Балтийскому и Черному,—была изолирована от остального мира. Этим тормозилось и задерживалось ее экономическое развитие.

Восточное побережье Балтийского моря сотни лет назад, еще в глубокой древности, принадлежало новгородцам. Оно входило в так называемую «вотскую пятину», территорию которой позднее стали называть Ингрией и Карелией. На территории новгородской «вотской пятины», по берегам Балтийского моря, были сооружены древние русские города: Ям, Корпье, Орешек, Иван-город. Этими исконно русскими землями завладели шведы в начале XVII века, воспользовавшись слабостью России в момент польской интервенции.

Освободить Балтийское побережье от иностранных захватчиков и пробиться к морю, «прорубить окно в Европу»,—стало подлинно национальной задачей. Эту задачу и разрешила Северная война.

Прогрессивность Северной войны для России подчеркивал и К. Маркс. «Ни одна великая нация, — писал он, — никогда не существовала и не могла существовать

в таком удаленном от морей положении, в каком находилось первоначально государство Петра Великого» (К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века»).

Россия, стремившаяся вернуть отнятые у нее земли, была единственным препятствием на пути к безраздельному господству шведов на Балтийском море. Поэтому захватническая политика Швеции в ходе Северной войны своим острием была направлена против России. Полтавская победа положила конец попыткам Швеции проникнуть внутрь России и показала героизм и храбрость русского и украинского народов, защищавших свою родину от захватчиков.

1

В 1695 году Петр I объявляет войну Турции и начинает свои знаменитые «азовские походы». Первый поход к Азову (тогда турецкая крепость, расположенная в устье Дона) окончился неудачей. Невозможно было силами одних сухопутных войск взять крепость, хорошо защищенную и с моря обеспеченную поддержкой флота. Петр I решил создать свой флот и создал его невиданно быстрыми темпами. По его приказанию в течение одной зимы на воронежских верфях было построено 25 военных судов, в том числе один 36-пушечный корабль. В 1696 году, действуя одновременно уже с суши и моря, при помощи артиллерии Петр I взял Азов. Россия получила возможность выхода в Азовское море. Заключив мир с Турцией в 1700 году, Петр I сразу же начал войну с давнишним противником России—Швецией—за освобождение юго-восточного побережья Балтийского моря. 18 августа 1700 года в Москве был отпразднован мир с Турцией, а 19 августа Россия включилась в войну со Швецией. «Союзниками» России в этой войне выступили Дания, Польша и Саксония, однако серьезной силы эти государства не представляли. Шведскому королю, 18-летнему Карлу XII удалось за 6 недель разгромить Данию и принудить датского короля Фридриха IV к миру, после чего шведы обрушились на русскую армию, осадившую осенью 1700 года Нарву.

Первое столкновение русской армии со шведской окончилось под Нарвой тяжелым поражением русских войск. Восемь тысяч шведов под командой Карла XII разбили 40 тысяч русских. Это поражение показало полную неподготовленность России к войне. Оно показало непригодность старой организации русской армии, которая не могла противостоять профессионально-

му шведскому войску, великолепно оснащенному технически и натренированному в целом ряде походов.

В русской армии в 1700 году было 33 полка, из них действительно натренированными в «потешных играх» и «азовских походах» Петра I были 2 полка: Преображенский и Семеновский. Известную подготовку имели еще 2 «выборных» московских полка: Бутырский и Лефортовский,—комплектовавшиеся из лучших стрельцов. Лишь эти 4 полка были обучены, вооружены и обмундированы на европейский лад. Но они одни не могли решить исхода сражения. Остальные 29 полков не были регулярными, они были сформированы наскоро, перед самой войной, и состояли исключительно из новобранцев, «не нюхавших пороху». Эти полки комплектовались за счет призыва вольницы и из «даточных людей» — ратников, набор которых был одной из наиболее тяжелых личных повинностей крестьянских и посадских общин. Периодические рекрутские наборы, сопровождавшиеся отбором годного к военной службе возрастного контингента и обучением рекрутов солдатскому строю, впервые введены были Петром I лишь в 1705 году.

В русской армии не было своих, отечественных командных кадров. Почти всеми полками, за редким исключением, командовали иностранцы. Русской армией в сражении под Нарвой командовал иностранец герцог Кюру, который в решительную минуту изменил и перешел на сторону шведов, увлекши за собою большую часть иностранного офицерства.

Имея 150 пушек (купленных до войны у тех же шведов и, очевидно, забракovaných имп), русские войска за 6 недель осады Нарвы едва пробили одну брешь в ее стенах, так как армия не имела подготовленных артиллеристов.

Тяжелый урок, полученный под Нарвой, не прошел даром. Петр I называл это несчастье «великим шастнем», ибо «невеля леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила». Петр говорил: «Я хорошо знаю, что шведы нас будут бить еще не раз, но в конце концов они сами научат нас их побеждать».

Петр I умело использовал то обстоятельство, что Карл XII после сражения под Нарвой перенес свои военные операции в Польшу, куда были направлены главные шведские силы. Петр I с необычайной энергией начал проводить перестройку армии, несмотря на то что военные действия со шведами не прекращались. О мире в России никто не думал, пока не будет реализована цель войны —освобождение русских земель на Балтийском побережье.

Петр I.

2

Петр I приложил все силы к тому, чтобы подготовить страну к разгрому «непобедимых» шведов. С этой целью он провел военную реформу, создал регулярную армию, которая по окончании войны уже не распускалась по домам, а занималась обучением. Она комплектовалась не случайной вольницей и «даточными людьми», а периодически рекрутскими наборами (крестьяне и посадские в городах обязаны были давать одного рекрута с каждых 20 дворов). Командный состав рекрутировался из среды дворянства.

Военная служба при Петре I становится пожизненной. Не менее двух третей дворянского сословия должно было находиться на военной службе и проходить ее, начиная с рядового.

Впервые при Петре I в России создается военно-морской флот, который к 1725 году, к концу царствования Петра, состоял из 48 больших линейных кораблей и 800 галер — мелких судов. Заново была создана артиллерия, в том числе и полевая, до этого отсутствовавшая в русской армии. В течение одной зимы 1700—1701 года Петр сумел отлить свыше 300 пушек. Когда не хватило меди, Петр распорядился снять с церкви колокола и перелить их на пушки. В армии Петра I впервые появляется конная артиллерия в виде полковых орудий с конной прислугой. (Пехота XVII века еще не умела соединять холодное оружие с огнестрельным. Половина была вооружена огнестрельным оружием — тяжелыми и неудобными фитильными

мушкетами, — а половина — копьями.) В армии Петра с 1709 года были введены кремневые ружья со штыками, что удвоило силу пехоты, ибо штык дал возможность одному и тому же солдату быть одновременно и стрелком и копьем. Все рядовые пехотных и драгунских полков имели также шанцевый инструмент. Обмундирована регулярная армия была на европейский лад. Обмундирование состояло из кафтана с камзолом, штанов, доходивших до колен, чулок и башмаков, черной шляпы, сначала с круглыми полями, а затем треуголки.

Управление армией было сосредоточено в Военной и Адмиралтейской коллегиях, а снабжение — в Артиллерийской и Провиантской канцеляриях. Был создан также и генеральный штаб.

Петр провел ряд реформ и в области культуры и быта. При нем были открыты новые типографии и впервые в России стали печататься учебники, книги по военному делу, машиностроению и т. д. С 1703 года стала выходить первая русская газета: «Ведомости о военных и иных делах».

При Петре впервые были созданы технические и ремесленные училища, математические («цифирные») школы. В 1701 году была организована мореходная школа. В 1707 году при военном госпитале на Яузе была открыта медицинская школа, а в Петербурге — артиллерийская школа. Учеников в школы набирали принудительно, из дворянской преимущественно среды.

За счет принудительного обучения дворянских «недорослей» Петр создавал свои, отечественные командные кадры.

Наряду с созданием регулярной кадровой армии и созданием централизованного государственного аппарата Петр энергично принялся за преобразование промышленности. Для вооружения и снаряжения армии и флота нужно было создать свои артиллерийские и оружейные заводы, свою металлургию, текстильную промышленность.

В своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года товарищ Сталин говорил: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскокить из рамок отсталости»¹.

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин снова отмечал, что «...Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», и указывал, что «...возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торгов-

¹ Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III, стр. 315. Партиздат. 1937.

цев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹.

Все вышеописанные преобразования Петра проходили в условиях непрекращавшихся военных действий со шведами. Отрядив Меншикова на помощь польскому королю Августу, уже свергнутому Карлом XII, Петр I лично руководил борьбой за завоевание прибалтийского побережья. Осенью 1702 года русские взяли штурмом крепость Нотебург, расположенную у истоков Невы, построенную еще новгородцами и называвшуюся тогда Орешек. Возобновив укрепления крепости, Петр назвал ее Шлиссельбургом. Весной 1703 года в устьях Невы была взята у шведов крепость Ниеншанц, также основанная новгородцами, 16 мая 1703 года в устье Невы был заложен город Санкт-Петербург. Осенью 1703 года началась постройка крепости на месте нынешнего Кронштадта (остров Котлин).

«Россия не могла оставить устье Невы, естественный выход для продукции северной России, в руках шведов... Петр в этом направлении по крайней мере завладел только тем, что было безусловно необходимо для естественного развития его страны»². Вернув себе исконные русские города и земли на побережье Балтийского моря, Петр предложил Швеции мир, но Карл XII и слышать не хотел о мире.

3

Пройдя походным порядком Данию, Польшу и Саксонию, «непобедимый» Карл XII возомнил себя преемником Александра Македонского. Выполняя волю шведских феодалов, стремившихся к расширению своей территории, и мечтая о «великой Швеции до берегов Амура», Карл XII предполагал покорить Россию, мешавшую ему захватить Балтийское море в свое безраздельное пользование.

26 января 1708 года Карл вступил в Гродно, из Гродно он двинулся на северо-восток, в Сморгонь, отсюда — к юго-востоку и остановился в Радомковичах. Русская армия, предводительствуемая Шереметьевым и Меншиковым, отступала с боями, задерживая неприятеля, разрушая мосты и дороги, уничтожая все, что нельзя было увезти, и предусмотрительно избегала до поры до времени генерального сражения, пока шведы не растеряют часть своих войск в мелких стычках с русскими войсками.

¹ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 7 Партиздат. 1937.

² К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

Обмундирование, введенное Петром I для солдат кавалергардского полка.

Силы Карла XII накануне вторжения в пределы России были очень велики. В Гродно под его командованием была армия до 40 тысяч человек, в Риге был вспомогательный корпус Левенгаупта в 16 тысяч человек против Петербурга, в пределах Финляндии действовал корпус Любекера в 15 тысяч человек, в Польше оставался корпус Кассова в 8 тысяч человек, в гарнизонах Лифляндии и Померании было сосредоточено до 25 тысяч человек и в Швеции насчитывалось до 20 тысяч готового резерва. Всего Карл XII имел до 120 тысяч войска.

Русская армия в 1708 году количественно уступала шведской. Численность русской армии не превышала 100 тысяч человек (около 60 тысяч было в главной армии, 20 тысяч — в Петербурге, свыше 10 тысяч — в гарнизонах Новгорода, Пскова, Смоленска, Азова и т. д.). Часть войск к тому же подавляла восстание крестьян и казаков на Дону, вспыхнувшее в 1707 году под руководством казака Кондрата Булавина. Тактика отступления в глубь страны, предпринятая русским командованием, была единственно правильной.

Неизвестно было, в каком направлении будут наступать шведские интервенты, на Петербург или на Москву, и Петр принял меры к укреплению обеих столиц, а также городов: Пскова, Твери, Серпухова, Можайска и др. К укреплению городов привлекались все слои населения, не исключая и

Карл XII. Гос. исторический музей.

духовенства. Вдаваясь в глубь страны, шведы встречали мертвую пустыню, ибо население всюду руководствовалось указаниями Петра I: «провиант и фураж, также и скотину, лошадей, волов и овец забирать с собою сколько возможно, и чего невозможно, то провиант и фураж жечь, чтобы неприятлю в руки не достался»².

Карл привык в Западной Европе к скорым победам над врагом. Он привык к раболепие польского дворянства, продававшего свою родину направо и налево, к немецким бюргерам, которые во время оккупации Карлом XII Саксонии за 30 миль спешили прислать ему ключи от города и покорно снабжали каждого шведского солдата обильным пайком: 2 фунтами хлеба, 2 фунтами мяса и даже... 2 кружками пива в день!

Карл XII жестоко обманулся, когда рассчитывал встретить что-либо подобное в России. Как только он перешел русские границы, в шведской армии начался хронический голод. Шведские солдаты были поставлены на «подножный корм»: они собирали на полях колосья, искали на брошенных огородах репу и капусту. Русское население уходило в глубь страны, уничтожая все запасы продовольствия и фуража, которые нельзя было вывезти, увозило с собой скот, сжигало постройки, разрушало мосты, заваливало лесные дороги.

Шведы думали воевать с одной русской армией, а им пришлось воевать со всем народом, поднявшимся на защиту своей родины.

В июне 1708 года Карл выступил из Радшковичей к Борисову, где намерен был переправиться через Березину, но русский страд заставил его идти через трудно про-

ходимые болота и переправиться гораздо ниже, в 5 милях от местечка Головчина. Здесь 3 июля произошла битва, в которой шведы потеряли убитыми свыше тысячи рядовых, генерала Врангеля, несколько полковников и больше 100 офицеров. Петр I на пути к армии узнал об этой битве и был очень доволен, что «наши прежде генеральной баталии выделись с неприятелем хорошею, и что от всей его (Карла.— В. П.) армии одна наша треть так выдержала и отошла»¹.

Русские войска не успели приготовить к обороне Могилев, и Карл занял его и засел в нем надолго, так как ожидал прихода вспомогательного корпуса Левенгаупта из Риги с 16 тысячами войска, с артиллерией, боевыми припасами и огромным обозом провианта, посланного из Швеции. Не дождавшись Левенгаупта, Карл в начале августа выступил из Могилева к северовостоку. Русские, отступая параллельно, решили задержать переправу шведов через реку Сож. У местечка Доброго 29 августа произошел бой, в котором было убито 3 тысячи шведов и о котором Петр писал, что «я как начал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал». Русская армия отступила после сражения при Добром к северу. Карл шел за нею, но опять остановился, ожидая Левенгаупта.

Провианта не было. Шведы, двигаясь по опустошенной стране, питались репой и капустой, подбирали на полях колосья и мололи их между камнями. Вдобавок пошли непрерывные дожди, а укрыться было негде. 14 сентября 1708 года Карл XII, не дождавшись Левенгаупта, неожиданно повернул на Украину.

4

Взяв курс на Украину, Карл XII приказал Левенгаупту спешно идти на Стародуб, для соединения с ним. 21—22 сентября Левенгаупт перешел Днепр у Шклова и начал пробираться тайком на юг, к Стародубу. Как ни плохо была поставлена разведывательная служба в русской армии того времени, она не могла потерять из виду 16-тысячного корпуса Левенгаупта:

Петр I не замедлил воспользоваться ошибкой Карла XII и погнался за Левенгауптом. Уже 27 сентября Петр во главе 14-тысячного корпуса настиг шведов около Пропойска, при деревне Лесной. 28 сентября здесь произошел ожесточенный бой, в котором русские войска одержали полную

² С. М. Соловьев. Том XI—XV, стр. 1474.

¹ С. М. Соловьев. Том XI—XV, стр. 1480.

и блестящую победу несмотря на численное превосходство шведов. На поле боя осталось 8 тысяч шведских трупов, между тем как русских было убито немногим более тысячи человек. Русские взяли в плен 876 человек, захватили весь шведский обоз (5 тысяч телег), всю артиллерию (16 пушек) и 42 знамени. Левенгаупт явился к Карлу возле Стародуба с небольшим деморализованным остатком своего корпуса, без былой самоуверенности и без долгожданных беспринасов и предводительств. Это крайне осложняло положение шведских интервентов. Петр I позднее называл победу при Лесной, одержанную ровно за 9 месяцев до Полтавы, «матерью полтавской баталии». «Сия у нас победа, — писал он, — может первая назваться понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем... тут первая проба солдатская была, и людей, конечно, обобрала»¹.

После победы при Лесной можно было готовить и окончательный разгром шведов в генеральном сражении, что и произошло 27 июня 1709 года под Полтавой.

Почему Карл XII, будучи вблизи от Смоленска, отказался от прямого пути на Москву и повернул на Украину? Недостаток в провианте и фураже по пути отступающей русской армии влиял на перемену направления. На Украине Карл XII рассчитывал найти неисчерпаемые и не тронутые еще запасы кормов и провианта. Но главное — Карл увидел, что он с одной своей армией бессилён покорить Россию, и пытал большие надежды на измену «малороссийского» гетмана Мазепы, который уже был с ним в тайной связи через поляков. Карл надеялся, что Мазепа поднимет против России украинский народ.

Мазепа был ловким двурушником и предателем, умевшим приспособляться к обстоятельствам и угождать сильным. Он служил сперва польскому королю, потом — русскому царю. Выдавая себя за горячего патриота и сторонника петровских реформ, он хитростью и лестью завоевал неограниченное доверие Петра I. Мазепа сумел добиться того, что были казнены генеральный судья Кочубей и полковник Искра, сообщившие Петру о готовящейся измене гетмана и о тайных связях его с польским королем. Когда Карл XII вторгся в пределы России, Мазепа, будучи уверен в неизбежном поражении России, перешел «под протекцию непобедимого шведского короля». 24 октября 1708 года его измена из тайной стала явной. Но Мазепе удалось увлечь за собой лишь 2 тысячи человек из всего казачьего войска. Сообщая об этом Петру I,

Меньшиков писал, что в народе и старшине «никакого худа ни в ком не выдать».

28 октября Петр издал манифест к украинскому народу по поводу измены Пуды-Мазепы, который «ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа».

Карл XII также рассылал манифесты по Украине, по его «прелестные письма», как и «универсалы» Пуды-Мазепы не находили отклика в народе. Измена Мазепы не дала ожидаемых результатов. Украинский народ поднялся не против России, а против продажного гетмана, пытавшегося вернуть Украину под ярмо польских панов и против его покровителя — шведского короля. Украинский народ вместе с русским народом оказывал упорное сопротивление захватчикам. Известно, что небольшую деревушку Алешня (на правом берегу Ворсклы) шведскому генералу Гамильтону пришлось брать приступом, хотя она не была укреплена и в ней не было ни одного русского солдата. Карл XII решил сломить сопротивление украинского народа репрессиями. Он во все стороны отправлял свои карательные отряды, которые опустошали страну. Все селения, оказывавшие сопротивление, разорялись и предавались огню. Десятки селений (Краснокутск, Городня, Мурафа, Куземино и т. д.) были превращены Карлом в пепел. Там, где безоружные жители не успевали скрыться, они подвергались издевательствам:

Чтобы оскорбить религиозные чувства населения, шведы в церквах ставили лошадей. Страна стонала от грабежа интервентов. Но и репрессии не запугали украинский народ. Крестьяне прятали хлеб и имущество в лесах, оставляли шведов без жилищ, угоняли у шведов лошадей, отбившихся шведов захватывали в плен — чинили врагу всевозможные препятствия, «промышляли над ним всякими средствами». Украинский народ знал, что победа Карла — Мазепы будет победой панской Польши, которая при их помощи постарается вновь поработить Украину. Живы были еще старики, которые помнили, какие «права» были на Украине, когда она страдала под владычеством польской шляхты.

Повернув на Украину, Карл вовсе не отказался от мысли о походе на Москву, он лишь решил, что ему легче удастся взять ее с юга, при поддержке Мазепы, турецкого султана, крымского хана и поставленного им на престол польского короля Станислава Лещинского. Но эти расчеты не оправдались.

Когда стало известно, что Карл и Мазепа выслали своих доверенных людей к турецкому султану и крымскому хану с целью подбить их на новую войну с Россией, Петр I, не теряя времени, поспе-

¹ «История Свейской войны».

Украинские крестьяне. Со старинной гравюры. Гос. исторический музей.

шил в Воронеж и Азов и там начал готовить новый флот для возможной войны с новым противником. Этот решительный шаг Петра остановил турецкого султана, не забывшего еще про Азов, и султан заверил русского посла в Константинополе, что мир не будет нарушен, что в этом духе даны строгие инструкции крымскому хану. Посол Карла XII — полковник Сандул — вернулся из Турции ни с чем. Было ясно, что турки боялись ввязываться в эту войну. Польский король Станислав готов был повести свои войска на Украину, на помощь своему хозяину — Карлу XII, — но он был лишен этой возможности, так как его войска сдерживались сильным отрядом русских войск, оставленных для этой цели на границах с Польшей.

Карл XII остался одиноким. Помощи извне не было. В мелких стычках его армия таяла, началось дезертирство.

Русская армия постоянными нападениями не давала покоя шведам. Кочуя от одного сожженного селения к другому, шведы не имели опорного пункта. Таким пунктом мог быть город Батурин, бывшая резиденция Мазепы, но Меншиков 31 октября подошел к Батурину, взял его штурмом и на виду у «непобедимых» шведов сжег город и ушел.

Шведы опоздали в Батурин и остановились в Ромнах, но русские в декабре произвели демонстрацию у Гадяча и, выманив Карла XII, заняли Ромны.

Проведя голодную и холодную зиму на Украине, Карл XII 1 апреля 1709 года избрал объектом своего нападения город Полтаву. Ее он предполагал сделать опор-

ным пунктом дальнейшей войны. Взятием Полтавы он думал поднять унававший дух своей передевшей армии.

5

2 апреля 1709 года Карл XII с кавалерийским отрядом появился под стенами Полтавы. Не выдержав ураганного огня крепости, он вынужден был отступить. Попытки взять город штурмом ни к чему не привели, и Карл XII решил начать осаду Полтавы.

Полтава лежит на правом, высоком берегу реки Ворсклы. Ворскла возле Полтавы течет в низменной долине, окаймляющейся в то время непроходимыми болотами. Полтава была тогда весьма незначительным городком, обнесенным земляным валом с деревянной обшивкой и налицадом (ряд вертикально поставленных деревянных брусев с заостренными вершинами и проделанными на высоте человеческого роста бойницами для стрельбы из ружей). Укрепления, сделанные еще для отражения набегов орд крымского хана, были очень слабы. В течение зимы в ожидании нападения шведов укрепления были исправлены и усилены некоторыми наружными пристройками.

Полтава была заманчивым объектом для Карла. В ней, по словам Мазепы, имелись большие запасы продовольствия и снаряжения. Мазепа советовал Карлу не медлить со взятием Полтавы.

Осадив Полтаву, Карл XII заявил своим генералам, что русские, засевшие в такой ничтожной крепости, как Полтава, сдадутся при первом пушечном выстреле по городу. Однако русские войска, засевшие в этой «ничтожной» крепости, проявили чудеса храбрости. Они не только не сдались, но приковали к себе шведов на 3 месяца (с 2/IV по 27/VI), пока последних не разгромили. Не жалея на штурм Полтавы своих солдат, Карл не раз пытался атаковать ее. Но все попытки шведов взять город были тщетными.

Трехмесячная оборона Полтавы его гарнизоном и жителями — одна из славных страниц в книге патристических подвигов братских народов — русского и украинского.

Всей шведской армии, осадившей Полтаву, противостоял гарнизон крепости из 4 тысяч человек регулярного войска и 2500 человек вооруженных жителей. Командантом крепости был талантливый и самоотверженный полковник Иван Степанович Келлин.

Когда он заметил, что шведы начали рыть подкоп под укрепления города, из гарнизона был выслан отряд в 1400 человек. Отряд вступил в жаркий бой со шведами, забрал у них весь находивший-

ся вблизи шанцевый инструмент. Эта неудача сильно озлобила Карла XII, и в следующую ночь он повел шведов на решительный штурм Полтавы, но нападение их снова было отбито.

Гарнизон Полтавы проявил исключительную самоотверженность и храбрость. За апрель из гарнизона было сделано 12 вылазок против шведов, и неприятель понес большой урон. 23 апреля шведы произвели подкоп под крепостной вал и заложали под него изрядное количество пороха, чтобы взорвать вал во время приступа. Осажденные сумели своевременно и тайно произвести контрподкоп и вынуть заложенный неприятелем порох. Три тысячи шведов, рассчитывая на взрыв, ринулись на приступ. Но взрыв, конечно, не произошел, и шведы с большими потерями были отброшены от стен города. Осада затягивалась, тем более что в тылу у шведов были русские войска, они под командованием Меншикова беспрерывно беспокоили шведов и постоянными диверсиями в тылу и на флангах шведов помогали осажденной крепости держаться. Кроме того русским удалось провести в город вспомогательные силы. Отряд в 900 солдат, переодетых в шведские мундир, снятые с пленных, под командованием Головина смело подошел к линии неприятельских осадных работ почти в обычное время смены охранных караулов.

Шведы были обмануты. Только под самыми стенами Полтавы шведы обнаружили хитрость. Завязалась схватка, но было уже поздно. Потеряв 18 человек убитыми и 32 ранеными, отряд русских солдат проник в осажденную крепость и усилил ее гарнизон. У шведов погибло в этой схватке до 200 человек.

В конце мая вся русская армия стала лагерем у села Крутой берег, против Полтавы, на левом, болотистом берегу Ворсклы, и начала строить через болота фашинные мосты и плотины, чтобы установить сообщение с городом. Однако шведы не дали выполнить этот план. Гарнизон Полтавы оставался отрезанным.

1 июня шведы выпустили по городу 32 бомбы. В городе возник пожар, и большая часть гарнизона бросилась его тушить. Шведы воспользовались этим и пошли на новый приступ. Им удалось взойти на вал и даже водрузить на нем свое знамя. Но когда они, торжествуя победу, ударили в барабаны, все население Полтавы бросилось на врагов и очистило от них город, вернув шведов на прежние позиции.

4 июня к русской армии из Азова прибыл Петр I. Он сразу же наладил связь с осажденной крепостью. В пустые бомбы вкладывались письма, этими бомбами

стреляли из пушек — таким путем письма перебрасывались в осажденную Полтаву и обратно. В первом письме Петр благодарил гарнизон за мужественную защиту города и просил сообщить о ресурсах. Гарнизон «воздушной почтой» ответил, что ряды его поредели, что в городе осталось из 6500 вооруженных защитников не более 5 тысяч и что боевые припасы подходят к концу. Чтобы выручить Полтаву, надо было дать шведам генеральное сражение. Это и было решено на военном совете, созванном Петром 18 июня. Чтобы дать сражение, надо было перейти на правый берег Ворсклы.

В непосредственной близости у Полтавы этого сделать было нельзя, и русская армия 19 июня двинулась вверх по реке к деревне Черняково, где заранее высланным отрядом уже подготовлялась переправа. 20 июня русская армия начала переправляться на правый берег Ворсклы.

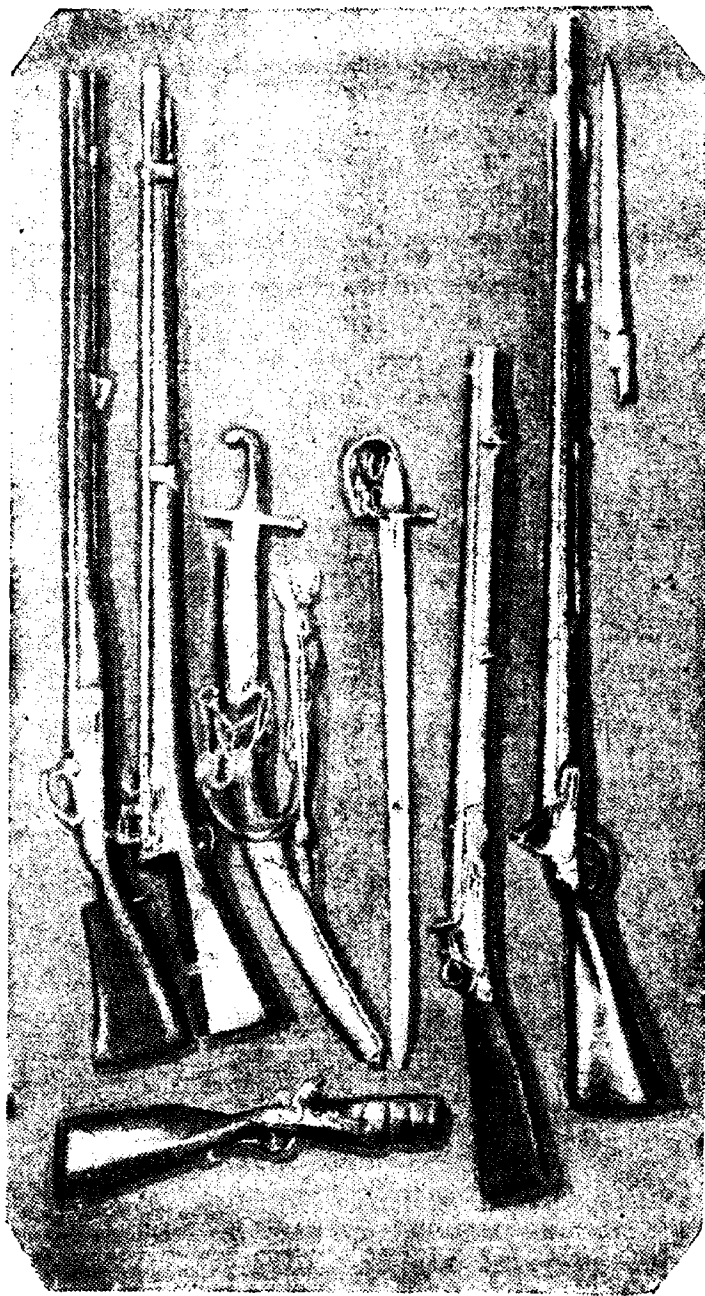
Карл XII, узнав о совершающейся переправе, решил атаковать русскую армию, но прежде хотел овладеть Полтавой. И 21 июня он приказал вновь штурмовать крепость. Штурм длился весь день и вечер 21 июня и, возобновленный на рассвете 22 июня, окончился лишь к ночи.

Шведы особенно надеялись на действительные мины, которые они подвели под укрепления, но осажденные опять успели разрядить мины, и приступ был отбит. Правда, 22 июня шведам удалось во многих местах прорубить палисад и взойти на вал. Дробь шведских барабанов уже раздавалась внутри крепости, но в городе ударили в набат, и вновь жители города устремились на ворвавшегося неприятеля. Штурм закончился неудачей для шведов. За 2 дня осажденные потеряли почти 1300 человек убитыми и ранеными, а шведы — до 1700 человек. Это было уже последнее испытание для гарнизона. Оставив в траншеях под Полтавой небольшое количество войск, Карл XII 23 июня двинул остальные войска к северу, навстречу русским главным силам, и решил вырвать у них инициативу в генеральном сражении.

6

Ко дню сражения под Полтавой русских войск было: 58 батальонов пехоты и 17 полков конницы. Общая численность наличных русских войск, сосредоточенных под Полтавой, не превышала 42 тысяч человек (до 29 тысяч пехоты и до 13 тысяч кавалерии). Это подтверждается всеми официальными источниками того времени.

Русская пехота была вооружена кремневыми ружьями, разнообразными по конструкции и боевым свойствам, так как

Оружие русских войск времен Петра I.
Гос. исторический музей.

именно в этот период происходила замена старого оружия новым. Большая часть пехоты уже имела кремневые ружья со штыком, что облегчало переход пехоты от огневой обороны к атаке. В бою пехота действовала сомкнутым строем, шеренгами.

Русская армия имела 72 орудия. Артиллерия делилась на полковую и главную. Полковая артиллерия снабжена была гладкоствольными, заряжающимися с дула пушками и придавалась поорудийно к батальонам. Прислуга была пешей. Драгунские полки были вооружены гаубицами, прислуга которых уже имела лошадей. Главная артиллерия состояла из бомбардирской роты Преображенского полка и из артиллерийского полка. Бомбардирская рота имела 4 пушки и 6 мортир. Артиллерийский полк имел 24 орудия и делился на 6 канонирских рот. Важно, что жерла орудий были одинакового размера, что позволяло отливать ядра одного калибра. Перевозилась артиллерия лишь частично на артиллерийских лошадях, но большей частью пользовалась обывательскими лошадь-

ми (гузевая повинность населения). Дальность огня артиллерии не превышала 500 шагов.

Силы шведов на месте сражения исчислялись 26 батальонами пехоты и 22 полками кавалерии. Общая численность шведских войск под Полтавой доходила до 30 тысяч человек. Большая часть артиллерии по причине недостатка в порохе была оставлена в обозе, и на поле сражения действовало лишь 4 орудия.

Но сила русских войск была не только в их численном превосходстве. Известно, что в самый момент сражения уже первая шеренга в 10 тысяч русских солдат обратила в бегство всю шведскую армию, так что «вторая линия русской пехоты до боя не дошла».

Некоторые буржуазные историки, особенно иностранные, пытаются сопоставлением цифр обесценить подвиг русских войск в Полтавском сражении, своя все дело к количественному перевесу русских, хотя перевес этот был незначительным.

Огромное моральное превосходство русских солдат, защищавших свою родную землю, над профессиональным шведским войском, проливавшим кровь за чуждые ему захватнические интересы, и привело к победе русских.

Шведские солдаты, уже 8 лет оторванные от своей страны, были деморализованы голодной зимой на Украине, безуспешной осадой Полтавы и непрекращавшимися стычками с русскими войсками. От былой самоуверенности и прославленной дисциплины в шведской армии не осталось и следа. Началось дезертирство, все более учащались случаи неповиновения солдат офицерам.

Даже шведские генералы не верили в победный исход сражения под Полтавой и отговаривали Карла XII от сражения, предлагая вернуться в Польшу. Но никогда до этого не проигравший ни одного сражения Карл XII и слышать не хотел об отступлении. Обе армии шли навстречу друг другу.

Переправившись 20 июня через реку Ворсклу, русская армия повернула к Полтаве и стала лагерем в 5 верстах от нее. Здесь русские предполагали дать 29 июня сражение и в первую же ночь приступили к сооружению укрепленного лагеря, который с тыла замыкался крутым берегом Ворсклы, с правого фланга был прикрыт глубокой ложиной, а с левого фланга — густым лесом, перерезанным многочисленными оврагами. Перед фронтом лагеря на 2 версты простиралась открытая равнина. Выбранная позиция вполне соответствовала тогдашним прямолинейным построениям во время боя. Кроме того впереди позиция была усилена 6 редутами, построенными на расстоянии ружейного

выстрела один от другого (редутом называлось небольшое, отдельное, сомкнутое со всех сторон укрепление). Здесь, под Полтавой, русские впервые в истории военного искусства применили систему отдельных укреплений вместо непрерывных цепных, применявшихся тогда всеми армиями. Редуты, построенные русскими на пути наступления противника, вынуждали последнего тратить большие силы на овладение ими или прорываться в промежутки под сильным огнем соседних редутов. Всего редутов было построено 6, но Петру это показалось недостаточным, и 26 июня он приказал построить еще 4 редута в направлении, перпендикулярном к прежней линии редутов. Однако они не были закончены. Перед сражением редуты были заняты 2 батальонами пехоты и за ними расположились 17 полков конницы. Остальная пехота — 56 батальонов — заняла укрепленный лагерь (ретраншемент, как это тогда называли).

Наряду с технической подготовкой к сражению шла и моральная подготовка войск. Карл XII, еще до сражения раненый в ногу, ездил в качалке перед своими войсками и напоминал о Нарве. Не желая верить, что перед ним стоит новая, в войне со шведами изрядно обученная и хорошо оснащенная армия, он уверял, что завтра победным исходом сражения шведским войскам будет открыт путь на Москву. Офицеров Карл заранее приглашал на пир в шатре русского царя, а обратившись к генералу Шпару, заявил: «Поздравляю Вас Московским губернатором!»

Петр накануне сражения также объезжал войска и говорил офицерам и солдатам о громадной важности для судьбы отечества предстоящей «генеральной баталии». Петр рассказывал о замыслах шведского короля разделить Россию на мелкие, зависимые от Швеции, Польши и Турции княжества. Рассказывал о стараниях шведов призвать на помощь крымского хана, турецкого султана и т. д.

В ответ на пламенные речи Петра русские войска единодушно отвечали криком:

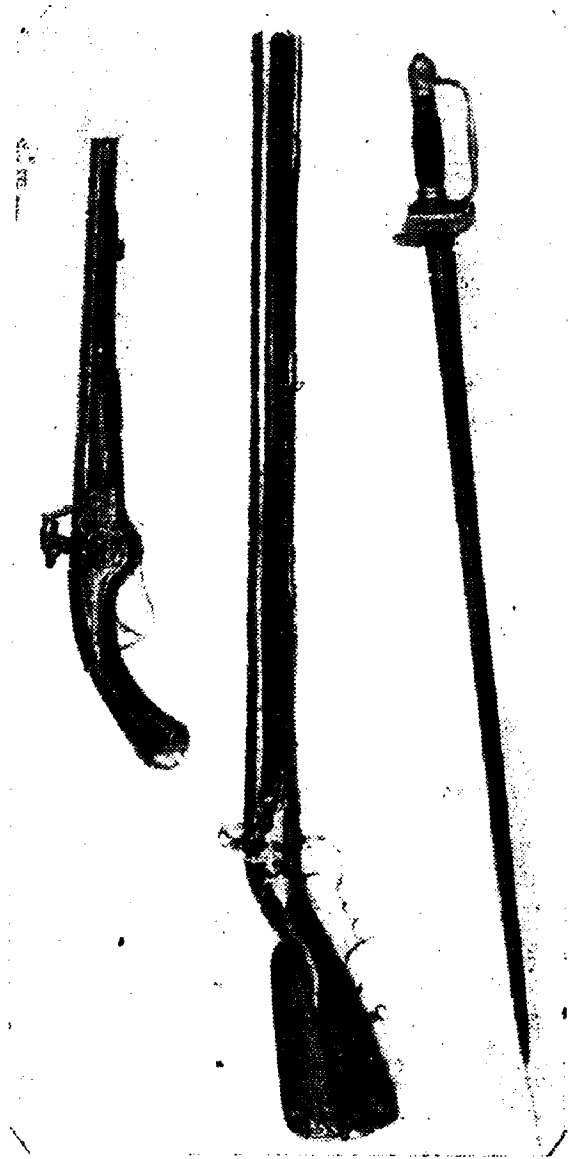
«Да погибнет неприятель!»

26 июня, накануне сражения, всем русским войскам был зачитан ставший знаменитым приказ Петра I:

«Вояны! Вот пришел час, который решит судьбу отечества!

И так, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой... Не должна вас так же смущать слава неприятеля, будто-бы не победимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали...

...А о Петре ведайте, что ему жизнь недорого, только бы жила Россия в бла-

Оружие шведов, захваченное русскими войсками. Посередине ружье, принадлежащее Карлу XII. Гос. исторический музей.

женстве и славе, для благосостояния вашего»¹.

27 июня оправдало ожидания Петра и надежды русских солдат. Этот день стал днем одной из наиболее славных побед русской армии.

7

Шведы опередили русских в инициативе нападения. Перед рассветом, в 2 часа утра, шведская пехота 4 колоннами напала на линию русских редутов, преграждавших путь к укрепленному лагерю, но встретила упорное сопротивление. Несмотря на все свои усилия она сумела выбить русских лишь из 2 неоконченных редутов. Карл XII решил, что лучше всего, не теряя времени на овладение редутами, пройти в промежутки между ними и броситься на русскую кавалерию, оттеснить ее и ударить по укрепленному лагерю, где находились главные русские силы. Это решение было правильным, но Петр парализовал этот натиск шведов искусным маневром своей конницы. Когда шведы несмотря на ураганный

¹ «Русский Архив» № 1, стр. 187. 1871.

огонь из редутов развернулись в боевой порядок и устремились на русскую кавалерию, завязалось упорное кавалерийское сражение.

Русские эскадроны проявили большую храбрость и сумели отбить у шведов 14 штандартов (знамен). Одним из первых трофеев был шведский кирасирский штандарт, захваченный каптенармусом нижегородского драгунского полка Аврамом Антоновым. В этой первой стычке под Меньшиковым было убито 2 лошади. Взяв третью, он вновь врезался в гущу шведов. Однако одна кавалерия не могла устоять против всей шведской армии, и Петр в 4 часа утра отдал ей приказание отступить, но отступить так, чтобы, удаляя свое правое крыло от неприятеля, примкнуть к правому флангу лагеря. Отступая в порядке, русская кавалерия увлекла за собой шведскую армию и поставила ее под фланговый огонь русской артиллерии.

Шведам пришлось преследовать русскую кавалерию в непосредственной близости от русского лагеря (не далее 30 сажень). Из всех русских орудий был открыт убийственный картечный огонь. Поражаемые картечью во фланг, шведы дрогнули, растерялись, их боевой порядок нарушился, и они в замешательстве вынуждены были отступить влево, к опушке леса, где и занялись перегруппировкой своих сил.

Линия редутов, построенных Петром, предугадавшим движение неприятеля, оправдала себя. Отчаявшись быстро взять их и прорываясь между редутами, шведская армия несла большой урон живой силой, кроме того у нее оказалась отрезанной от своих главных сил четверть пехоты и шестая часть конницы. Этой частью войск на правом шведском фланге командовал генерал Розен. Петр I не замедлил воспользоваться разрывом шведских сил и немедленно бросил Меньшикова во главе 5 батальонов пехоты и 5 кавалерийских полков в атаку на оторвавшуюся часть шведов. Эта часть шведских войск, утомленная безуспешным штурмом редутов, не могла противостоять свежим силам Меньшикова и поспешно отступила в лес, по направлению к Полтаве. Настигнутые Меньшиковым в лесу, шведы были приведены в окончательное расстройство, и большая часть их была захвачена в плен, в том числе и генерал Шлиппенбах. Генерал Розен с остатками войска укрылся в траншеях под Полтавой, но был окружен русской пехотой и сдался в плен. Сдался в плен и войска, оставленные Карлом XII для осады Полтавы.

Русские восстановили связь с освобожденным от 3-месячной осады городом.

Эта операция была проделана настолько стремительно, что Меньшиков с кавалерией

вернулся к своим главным силам еще до начала решающего сражения. Инициатива шведами уже была потеряна, и русские, не дожидаясь атаки своих главных укреплений, решили сами атаковать шведов.

Оставив для охраны укреплений всего 9 батальонов, Петр в 6 часов утра вывел все войска вперед и выстроил их в 2 линии. За каждым батальоном первой линии стоял во второй линии батальон того же полка. Вторая линия стояла на расстоянии, достаточном, чтобы в случае нужды без замешательства сменить первую линию. Однако второй линией русской пехоты в сражении участвовать не пришлось, за исключением одного батальона, предводительствуемого лично Петром I, ибо от сокрушительного удара первой линии «господа шведы скоро хребет показали».

Русская армия построилась к бою впереди лагеря в следующем порядке: в центре—42 батальона пехоты (под командованием фельдмаршала Шереметьева), на левом фланге—6 полков кавалерии (под командованием Меньшикова), на правом фланге—11 полков кавалерии (под командованием генерала Баура). Артиллерия—72 орудия—была распределена по всей линии. Боевой порядок имел целью охватить шведскую армию кавалерией с обоих флангов, зажать ее в клещи и уничтожить.

Так как в шведской армии уже оставалось не более 20 тысяч человек, Карл XII построил свою пехоту в одну линию с самыми небольшими резервами, а кавалерию поместил по флангам в 2 линии. Правым шведским флангом командовал фельдмаршал Реншельд, левым—генерал Левенгаупт (разбитый Петром I наголову еще при деревне Лесной).

Для поднятия духа своей армии Карл XII, обложив раненую ногу подушками, приказал нести себя перед батальоном правого фланга в специальной качалке (в числе трофеев она хранится в Московской Оружейной палате).

В 9 часов утра обе армии сошлись на дистанцию ружейного выстрела.

«И грянул бой, полтавский бой!»

В начале боя на мгновение успех, казалось, был на стороне шведов. Правый фланг шведской пехоты, перед которым несли в качалке короля, яростно устремился вперед и потеснил батальон Новгородского полка. В первой русской линии образовался промежуток, но Петр I быстро заметил грозившую опасность и сомкнул разорванные ряды, явившись во главе одного батальона второй линии, и лично повел его в атаку. Полчаса длилась на этом участке ожесточенная рукопашная схватка, пуля пробила Петру шляпу, вторая—седло.

Петр I во время Полтавской битвы. Фрагмент старинной гравюры. Гос. исторический музей.

Удар русских войск был неотразим. Расстроенные огнем пехоты и артиллерии, охваченные с обоих флангов конницей, шведы были опрокинуты сначала на левом фланге (где русскими командовал Меньшиков), а потом — и на всех участках боя. Все поле было усеяно трупами.

Шведы без оглядки бросились к лесу, находившемуся в их тылу. Когда шведские солдаты с ужасом побежали с поля боя, Карл велел поднять себя перед войском на перекрещенных пиках и закричал в отчаянии: «Шведы! Шведы!» Но шведам было уже не до короля, и он чуть не попал в плен. К 11 часам дня, через час после начала боя, никто из шведов уже не думал о сопротивлении, и вся армия сплошной толпой бежала к своему прежнему лагерю. Однако, к их удивлению, шведский лагерь под стенами Полтавы давно уже был занят русской пехотой, заставившей сдаться оторвавшиеся части генерала Розена.

Полным взором шведов был полный. Если русские во время сражения потеряли 1345 человек убитыми и 3290 — ранеными, то после Полтавской битвы было найдено 10 тысяч убитых шведов, не считая трупов, брошенных в лесу, и солдат, умерших от

болезней. Остатки шведских войск, спасшиеся из клещей русской кавалерии, двинулись вниз по реке Ворскле, и 30 июня достигли Днепра у ма-

леньего городка Переволочны. Но город был уже разрушен русскими. Ни жителей, ни каких-либо средств передвижения через Днепр у Переволочны не оказалось, едва удалось отыскать 2 лодки. Их связали вместе и поставили на них повозку короля, так что задние колеса были в одной лодке, передние — в другой, и Карл ночью переправился через Днепр. С ним переправился и убежавший от возмездия Мазепа, который все же успел захватить с собой 2 бочонка с золотом. Из всей шведской армии, которая перед Полтавским сражением насчитывала до 30 тысяч человек, успело переправиться на правый берег Днепра всего 200 человек пехоты и 800 кавалеристов. Русская армия и эту тысячу беглецов преследовала степью до самой турецкой границы.

Результат Полтавской битвы так ошеломил шведов, что когда 30 июня Меньшиков во главе 9-тысячного отряда кавалерии настиг их у Переволочны, то генералы Левенгаупт, Крейц и Круз не решились его атаковать и пошли на капитуляцию, хотя и имели еще в наличии 5 тысяч пехоты и 9 тысяч кавалерии. Четырнадцатитысячное шведское войско, крепко проученное под Полтавой, покорно сдалось в плен 9-тысячному отряду Меньшикова, сдало ему оружие, 18 пушек, 2 гаубицы, 8 мортир, 127 знамен и штандартов.

Всего во время сражения у Полтавы и при Переволочне русскими было взято в

Кавалерийская схватка русских со шведами.

Фрагмент старинной гравюры.
Гос. исторический музей.

плен свыше 18 тысяч человек. Среди плен-ных были: первый министр Швеции граф Шпер, фельдмаршал Реншельд, генералы: Шлиппенбах, Розен, Стакельберг, Гамил-тон, Левенгауит, Крейц, Круз, много пол-ковников, 1160 офицеров. У противника была захвачена вся артиллерия (32 ору-дия), 264 знамени и штандарта, королев-ская походная канцелярия со всеми чинов-никами, обоз и т. д.

8

По окончании сражения Петр благода-рил свои войска за храбрость и героизм, за то, что они «не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись необяз-ненно». «Храбрые дела ваши,— говорил Петр,— никогда не будут забвенны у по-томства». В тот же день Петр поехал в Полтаву и благодарил доблестный гарни-зон, столь геройски выдержавший 3-ме-сячную осаду. Гарнизон получил в награду годовое жалование, серебряные и золотые медали.

Вечером Петр написал в Москву о «пре-великой виктории» (победе), достигнутой «через неописанную храбрость наших сол-дат... с малою войскою наших кровию». В своем журнале Петр записал о «полтав-ской баталии» так:

«...хотя и zelo жестоко во огне оба вой-ска бились, однако ж то все долее двух часов не продолжалось: ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали и от

наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута...

Неприятельских трупов мертвых перече-тено на боевом месте и у редут 9234, кроме тех, которые вросли по лесам и по-лям побиты и от ран померли, которых счесть было невозможно... При сем же и сие ведать надлежит, что из нашей пехо-ты только одна передняя линия с непри-ателем в бою была, а другая до того бою не дошла».

Русские войска под Полтавой снискали себе славу храбрейших и у иностранных свидетелей.

Так, австрийский дипломат Оттон Плей-ер писал: «Надо весьма удивляться... до какого совершенства дошли русские солда-ты в военных упражнениях... как смело ведут себя в деле... и все они так рети-вы»¹.

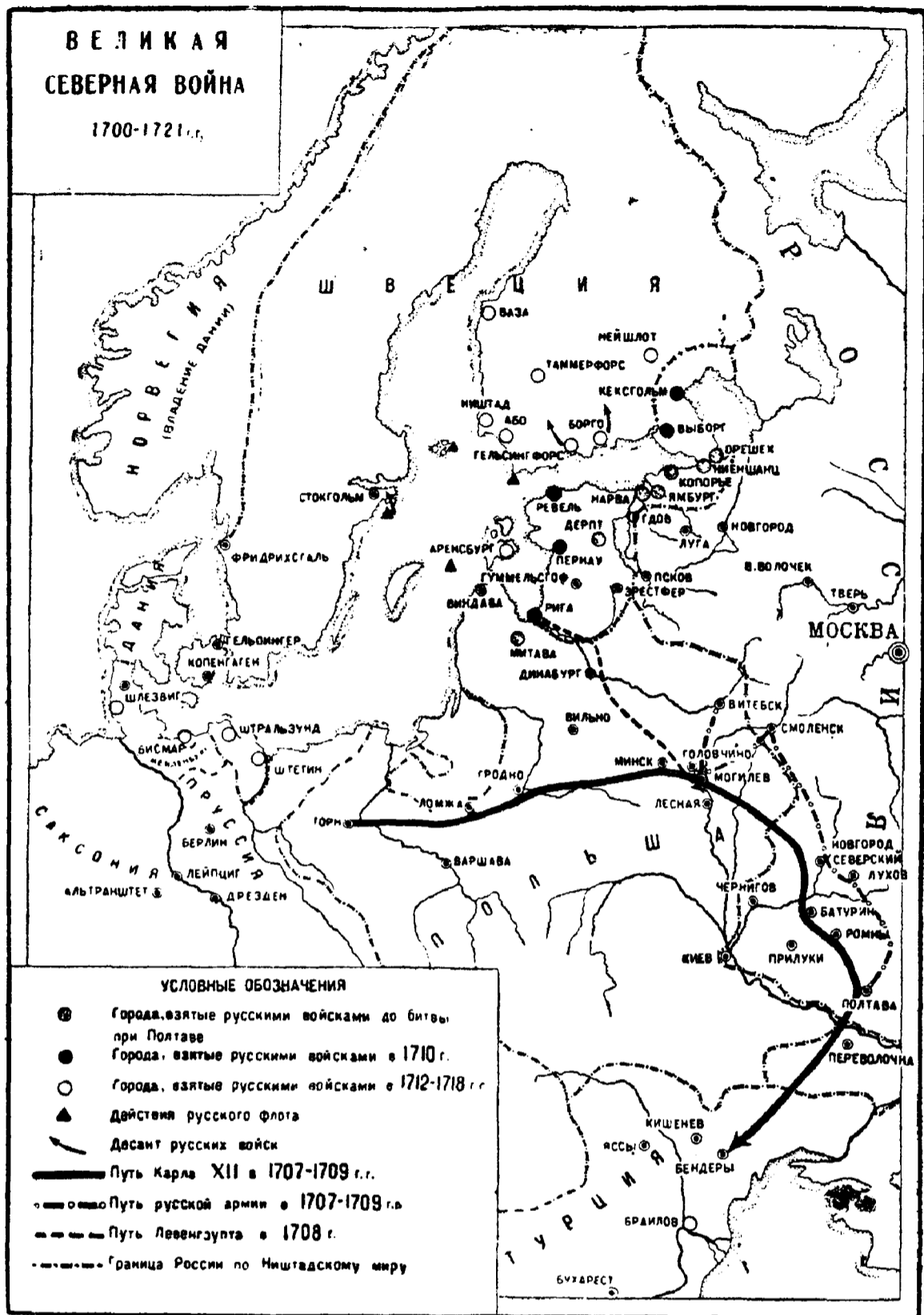
Полтавская победа торжественно отмеча-лась по всей стране.

6 декабря в Петербурге был заложен корабль «Полтава». Самое слово «Полтава» стало для русских синонимом победы.

Победа под Полтавой навсегда осталась в памяти народной. Народ складывал пес-ни и былины о геройских подвигах своих сынов.

21 декабря 1709 года в Москве была устроена триумфальная встреча победите-лям.

¹ М. Ковалевский «Хрестоматия по русской истории». Ч. 2-я, стр. 238.

Гос. исторический музей.

За победителями — русской армией — шли побежденные шведы. Они были построены по 4 человека в ряд, и таких рядов было насчитано москвичами 5520. От былой, «непобедимой» шведской армии не осталось и следа. Основным результатом шведской интервенции в пределы России было уничтожение шведской армии.

Вся Европа следила за результатами Полтавского боя, решавшего судьбу Европы.

Когда была уничтожена шведская армия, все западные державы, до этого только интриговавшие во вред России, чем особенно отличалась Англия, теперь стали искать и добиваться союза с Россией, не прекращая, однако, своих интриг. Польша и Да-

ния, терпеливо сносившие до этого гнет шведского владычества, после разгрома шведов под Полтавой вновь обрели «мужество» и решили с помощью русского оружия постоять за свою независимость...

Война со шведами после Полтавской битвы не закончилась. Карлом XII была потеряна сухопутная армия, но у него оставался сильнейший на севере флот. Война переносится на море, и русский военный флот впервые одерживает блестящие морские победы, из которых особо важными были 2: у мыса Гангут 27 июля 1714 года и у острова Гренгам 27 июля 1720 года.

Только перенесение войны на территорию Швеции принудило ее подписать 30

августа 1721 года в городе Ништадте мир, на котором шведские короли навсегда отказались от притязаний на неконные русские земли по восточному берегу Балтийского моря.

Россия вернула себе «окно в Европу» и, став крупнейшей европейской державой, получила условия для дальнейшего роста и экономического развития.

* * *

Победа при Лесной 28 сентября 1708 года, героическая 3-месячная оборона Полтавы, исключительные доблесть и отвага, проявленные русскими войсками в «полтавской баталии», — являются ярким свидетельством непобедимого патриотизма русского и украинского народов, кровью своей отстоявших свою родину от интервентов, даже в тяжелых условиях крепостнического гнета. И после Полтавы, вплоть до наших дней, всякий раз, когда находилась

непокойные и неумные охотники до нашей земли, они получали сокрушительный отпор. Еще более сокрушительный отпор, двойной удар они получают впредь, Советский народ, разгромивший в годы гражданской войны полчища интервентов и бело-гвардейцев, создавший непобедимую Красную Армию, продемонстрировал это как нельзя более наглядно.

Известный немецкий ученый и философ Лейбниц, современник Северной войны, веривший вначале, что Карл XII сумеет покорить Россию до Амура, переменял свои взгляды после Полтавской битвы и назвал ее «достопамятным событием в истории и полезным уроком для позднейших поколений». Это следовало бы помнить германским фашистам тем более, что в 1918 году украинский народ с помощью братского русского народа под той же Полтавой, Киевом и другими городами Украины сделал немцам достаточно внушительное напоминание.

ДОКУМЕНТЫ О ПОЛТАВСКОМ БОЕ

В центральных государственных архивах СССР имеется большое количество материалов о Северной войне 1700 — 1721 годов и о сражении под Полтавой 27 июня 1709 года.

Особенно богаты архивохранилища Москвы и Ленинграда. Так, в Центральном военно-историческом архиве (ЦВИА) сосредоточены фонды высших военных учреждений этого периода: Военного приказа (1701—1711 г.г.), Главной Военной Канцелярии (1711—1718 г.г.), Военной Коллегии (1718—1812 г.г.) и многочисленных подчиненных ей управлений. Очень интересны также документы из коллекции бывшего Военно-Ученого Архива, особенно подлинные письма Петра I.

Ценные материалы о Северной войне хранятся также в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ).

Исключительную важность для изучения Полтавской битвы имеют так называемые «шведские дела» Посольского приказа, кабинетские дела бывшего Государственного архива Российской империи, личный фонд А. Д. Меншикова и ряд других материалов ГАФКЭ.

В ленинградских архивах (Государственном архиве внутренней политики, Государственном Центральном Военно-Морском архиве) сконцентрированы архивные фонды Сената, так называемые «Именные высочайшие повеления царствования императора Петра I (1704—1725 г.г.)» и ряда высших военно-морских учреждений: Приказа воинского морского флота (1654—1718 г.г.), Адмиралтейской канцелярии (1697—1728 г.г.), Приказа Большой Казны, Азовской приказной палаты и Царского шатра в Воронеже, материалы которых охватывают период с 1693 по 1708 год; Адмиралтейств-Коллегии (XVIII—начало XIX века), а также фонды военно-походных канцелярий генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (1699—1762 г.г.) и адмирала К. М. Брюйса (1704—1727 г.г.). Наряду с материалами военно-морских учреждений в Морском архиве хранится коллекция «Бумаг Петра I», в которой собраны многочисленные письма, указы, резолюции и записки о русском флоте и армии.

Помимо этих основных архивов материалы, имеющие важное значение, хранятся в Артиллерийском историческом му-

зее РККА (фонд Штаба генерал-фельдцейхмейстера) и Архиве Академии Наук СССР.

Документация перечисленных выше фондов и коллекций позволяет с достаточной полнотой и объективностью восстановить ход военных действий, организацию, комплектование и снабжение русской армии; планы и намерения русского и шведского командования и многочисленные примеры высокой доблести и героизма русского народа.

Петр I придавал исключительно большое значение хранению и опубликованию документов Северной войны и в особенности Полтавского боя. Вечером 27 июня 1709 года «из лагеря от Полтавы» он собственноручно написал Алексею письмо, в котором сообщал первые итоги генерального сражения.

Это известие было получено в Москве 2 июля 1709 года и немедленно отпечатано¹.

После сдачи шведских войск у Переволочны в штабе русской армии была составлена официальная «обстоятельная реляция о главной баталии меж войск его царского величества российской и королевского величества шведского учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день, 1709-го лета», подробно описывавшая важнейшие перипетии боя под Полтавой и разгром и слачу шведской армии. Реляция и план сражения были затем отпечатаны и опубликованы.

В 1713 году Петр I издал «Книгу Марсову», куда были включены реляции о важнейших сражениях Северной войны. Собранные в «Марсовой книге» реляции послужили затем главным источником для составлявшейся в XVIII веке истории Петра I и его времени, причем авторы не мудрствуя лукаво переписывали и переказывали целые страницы «Марсовой книги»².

В 1766 году «Марсова книга» была переиздана, причем второе издание в ряде деталей разнилось от первого. В дальней-

¹ И. Лихачев «Каталог летучих изданий и их переизданий», стр. 254—255. СПб. 1898.

² См. например «Историю Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». Соч. Феофана Прокоповича, стр. 141—145, 206—217 и др. СПб. 1773.

шем включенные в «Марсову книгу» документы неоднократно перепечатывались преимущественно из второго издания. При позднейшем копировании в текст документов был внесен ряд существенных изменений.

В ЦВИА хранится рукописная копия «Марсовой книги», в которой помещена «обстоятельная реляция» о Полтавском сражении, озаглавленная следующим образом:

«Обстоятельная реляция о главной баталии межъ войск его царского величества российскаго и королевскаго величества швейцарскаго (которыми войсками командовали сами их величества) учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день 1709 лета».

Слова, взятые в скобки, были вставлены переписчиком в середине XVIII века.

В XIX и начале XX в.в. документы о Северной войне и Полтавской битве не раз печатались в многочисленных сборниках и журналах; из важнейших изданий укажем на «Сборники русского исторического общества». Тома 20, 25, 39, 50 и 61. «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 2(69). М. 1869; кн. 3(78) М. 1871; «Северная война 1705—1708 годов». СПб. 1892; «Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах 1708—1714 годов» (документы Государственного архива). СПб. 1893; Труды Военно-Исторического Общества. Тома I и III (последний целиком посвящен Полтавскому бою). СПб. 1909; «Материалы по истории русского флота». СПб. 1865; «Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем сенате». СПб. 1880—1892. Тома I—V; «Письма и бумаги императора Петра Великаго». СПб. 1897—1912. Тома I—VI; И. Ф. Павловский «Битва под Полтавой 27 июня 1709 года и ее памятники». Полтава. 1908. «Полтавская битва 1709—1909». СПб. 1909; и другие.

Публикуемый ниже документ представляет интерес во многих отношениях.

В этом документе, составленном при ближайшем участии Петра, дается детальное описание сражения.

Это описание легло в дальнейшем в основу всей литературы о Полтавской битве. Кроме того документ написан характерным для петровской эпохи ярким и динамичным языком.

Документ хранится в Центральном военно-историческом архиве. Он печатается по светокопии оригинала реляции 1709 года. Этот документ был перепечатан затем в «Марсовой книге»; по сравнению с подлинником текст «Марсовой книги» имеет ряд незначительных отличий, например:

«Оба» вместо «са», «тысяшь» вместо «тысяч», «Европе» вместо «Еуропе» и т. д.

Орфография документа очень своеобразна и изобилует рядом ошибок против тогдашнего правописания. Все стилистические особенности документа оставлены без изменений. Все вставки в прямых скобках принадлежат нам и введены для пояснения текста.

* * *

1. «Обстоятельная реляция¹ о главной баталии², межъ войск его царского величества российскаго и королевскаго величества швейцарскаго учинившейся неподалеку от Полтавы, сего июня в 27 день. 1709-го лета».

Сего месяца 20 дня, перешла вся наша армия через Ворсклу и по ту сторону оной с малую милю от неприятельской армии, стали.

Потом же, 24 числа, пошли далее со всею армеею и стали с четверть мили от неприятеля и да бы оной на нас нечаянно не напал, оучинили около обозу транжамент³. Наша же кавалерия, на правой руке между лесов поставлена была и пред оною несколько редут⁴ зделано. И людьми и пушками осажены (над которыми командовал бригадир Аугустов).

А в 25 и в 26 день, рекогнос(ц)ировать оную ситуацию и неприятельской лагерь изволил его царское величество и всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля. Однакожь оной по своей обыкновенной запалчивой отваге, в том нас оупредил.

И 27 числа поутру, весьма рано, почитай при бывшей еще темноте (из дефилеев⁵, в которых (неприятель), во всю ночь свое все войско в строю поставленное имел) на нашу кавалерию, как конницею, так и пехотою своею, с такою фурвою⁶ напал, чтоб конечно не точию конницу нашу разорить, но и редуты весьма все овладеть. Однакожь в том много оной противности нашел, и толко два редута (которые той ночи зачаты были и не отделаны) овладел, а прочим никакой вреду оучинить не мог, так что шесть батальонов пехоты и несколько десятков шквадрон⁷ кавалерии его с правова крыла от главной армии оторваны, и в лес оуйтить принуждены. Главное же войско, с немалою тратою пробилось, где четырнатцать знамен и штандартов от неприятеля наша кавалерия получила, и многократно конницу неприятельскую сбивала, но всегда от пехоты неприятельская конница сикурс⁸ получала (где генерал-поручик Рен-

¹ Описание военных действий.

² Сражение.

³ Вид полевого укрепления.

⁴ Вид полевого укрепления.

⁵ Теснина.

⁶ Неистовство.

⁷ Эскадрон.

⁸ Поддержка.

в том жестоком бою ранен), а нам так скоро из транжаментов пехотою своей кавалерии выручать тогда было невозможно. Того ради дан оуказ генерал-порутчику Боуру, да бы оной с кавалериею оуступил в право от нашего ретранжаменту¹, да бы тем время получить к вывождению нашей пехоты из ретранжаменту, однакожь приказано оному (Боуру) крепко того смотреть, чтоб гора оу одного во фланке, а не ззади была, да бы неприятель не мог нашу кавалерию под гору оутеснить. И тако оной (Боур) по оуказу тотчас так оучинил. И когда оной (Боур) с нашею кавалериею стал ретироватна, а неприятель на оную наступал, тогда неприятель получил наш транжамент во фланку себе, от которого из пушек гораздо трактован², и тако неприятель оувидел, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, от оной престал и в некотором логу (далее пушечной стрельбы), в порат³ стал.

Меж темже послан господни генерал от кавалерии князь Меншиков и генералы-лейтенанты Гейшклин и Ренцель с шестью полками и с пятью батальонами пехоты на оную вышеупомянутую оторванную пехоту и конницу в лес, которая (русские) пришед оных (шведов) атаквали и вскоре с помощью божиею наголову побили и генерала-маеора Шлиппенбаха взяли, а генерал-маеор Розен ретировался к своим апрошам⁴ под гору, за которым (Розеном) последовал генерал-лейтенант Ренцель, который редуты неприятельские оступил⁵, и послал барабанщика, что оныя (шведы) здались, которая (шведы) просили сроку, но оной (Ренцель) им боле полу часа того не дал. Потом генерал-маеор Розен со всеми при нем будучими из редут вышел ружье положили, и на дискрецию⁶ его царскому величеству здались.

В тоже время из транжаменту на обе стороны выведена на фланки пехота, того для ежелиб неприятель дерзнул атаквал транжамент, чтоб оным (этим) со фланков оного (неприятеля) обернуть. По том и прочая большая часть пехоты выведена, а в транжаменте оставлены генерал-маеор и полковник, от артиллерии Гинтер, да полковник Бой, при котором были полки дивизии генерала князя Меншикова: Грандирской, Лафортвской, Ренцелев, Троицкой, Ростовской, Опракши, да из прочих дивизии по несколку еот. И из оных три батальона послано с полковником Головинным в монастырь на гору для коммуникации⁷ с городом, да с гетманом Скоропадским: генерал-маеор Волконской с шестью полками драгун и шесть полков нашей кавалерии взято с правого крыла и позади пехоты обведены и поставлены на левом берегу.

¹ Вид полевого укрепления.

² Обстрелян.

³ В порядке.

⁴ Рвы, образующие траншеи; имеется в виду укрепление, окружавшее лагерь шведов под Полтавой.

⁵ Окружил.

⁶ На милость победителя.

⁷ Для связч.

И тако наша армия стала в ордер де батальни⁸, что видя неприятель, тот час из оного логу вышел и стал фронтом пред нами також в ордер батальни.

По том во имя господне неприятеля атаквали, которой неждана на месте, сам такожде на нас пошел. И тако в 9 часу пред полуднем генеральная батальни началась. В которой хотя и zelo жестоко, во огне сса войска билась, однакожь далее дву часов не продолжалась, ибо непобедимыя господа шведы, скоро храбет показали и от наших войск с такою храбростью вся неприятельская армия (с малым осуроном наших войск иже при том пайвйаще⁹ оудивительно) как кавалерия, так и инфантерии весьма опровергнута, так что швецкое войско иже иже потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами, багнетами¹⁰ и пиками колота, и даже до обретающагося в близу лесу гнаны и биты.

При том в начале генерал-маеор, Шгакелберх, потомже генерал-маеор Гамелтон, такожде после фельтмаршал Рейншелт и принц Виртенбергской купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицеры и несколько тысяч рядовых, которые большая часть с ружьем и с лошадми отдались и в полон взяты.

В погоню же за оуходящим неприятелем последовала наша кавалерия болши полуторы мили, а именно пока лошади ради оутомления итти могли, так что почитай от самой Полтавы, в циркумференции¹¹, мили на три и болши, на всех полях и лесах мертвые неприятельские телеса обретались и чаем оных от десяти до тринадцати тысяч побито (ибо перечтено на боевом месте и оу редут девять тысяч двести двадцать четыре), а сколько пушек, знамен и литавр взято, також сколько и с нашей стороны людей побито и ранено, тому последует роспись.

И тако милостию всевышнего совершенная виктория¹² (которой подобной мало слыхано) с легким трудом и малою кровию против горлого неприятеля, через его царского величества славное оружие и персональной храброй и мудрой привод¹³ и храбрости начальных и солдат одержана. Ибо его величество в том случае свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, вы вышнем градусе показал и при том шляпа на нем пулею прострелена.

Под его же светлостью князем Меншиковым, который токмо мужество свое при том довольно показал, три лошади ранены.

При семже и сие ведати надлежит, что из нашей пехоты такме одна линия, в которой с десять тысяч не обреталось с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла, ибо неприятели будучи от

⁸ Боевой порядок.

⁹ Наиболее.

¹⁰ Вид колющего оружия.

¹¹ Окружность.

¹² Победа.

¹³ Предводительство.

нашей первой линии совершенно опровергнуты и побиты и прогнаны.

Тогож числа, по окончании счастливого бою, в вечеру за неприятелем в след посланы генерал поручник и полковник от гвардии князь Голицын с гвардиею, да генерал-поручник Боур с драгунскими полки. На завтра же в 28 день июня, его светлость князь Меншиков тудаж послан.

Також в 30 день его царское величество сам высокою особою своею, тудаж поход свой восприять изволил и хотя всякое прилежание чинено да бы неприятеля как скорее догнать, однакож оного (неприятеля) (который оставя большую часть своего багажу наскоре к Днепру бежал) не могли прежде 30 июня нагнать, которого числа, его недалеко от Переволочни в zelo крепком месте под горою при Днепре стоящаго обрели и от взятого в полон полкового квартирмистра и нескольких валах¹ оуведомился, что король шведский до того за три часа с несколькостами конных чрез Днепр переправился с великою трудностию и генералов-маеоров Шпара и Лагеркрона с (собою) взял. Генерала же Левенгаупта с оставшимся от побитой армии войском, по сей стороне Днепра оставил (понеже за скудостию судов переправится не могли).

И по расположению, повелел его светлость генерал князь Меншиков, без потерянна времени обретающемуся под своею командою войску, которого не болши девяти тысячь было к неприятелю приближаться.

И понеже от взятых полоняников было оуведано, что неприятели иногда на сучиненой оговор зладутся. И того ради его светлость посылал к той задаче их наговаривать и при том им объявить велел, чтоб они разсудя, что все оубежище и спасение оу них пресечено — зладись.

В противном же случае они не ожидали себе квартиру или пощады, но все побиты будут. И после того неприятели, генерала-маеора Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и генерала адъютанта графа Дукласа к его светлости прислали и о акорде² трактовать велели, которой по некоторым разговорам тотчас и оучинен и о его светлости князя Меншикова и генерала графа Левенгаупта подписан. По которому неприятель (состоящей еще паче всех чаяния в четырнадцати тысячах тридцати человеках воору-

¹ Валахов, состоявших на шведской службе.

² Условия сдачи.

женных, большая часть кавалерии) ружье свое иго воинские полоняники положила зделались. И оное еще тогож дня купно со всею артилериею и принадлежащею к тому воинскою казною, канцеляриею, и всеми знамены, штандарты, литавры и барабаны, посланному генералу-лейтенанту Боуру отдали.

Измениник же Мазена еще за несколько часов прежде короля купно с некоторыми из своих изменнических единомышленников чрез Днепр перешел. Многиеж из оных зладись и просили оу его царского величества милостивого прощенья.

И тако боянею помощию вся неприятельская толь в свете славная армия (которая бытием в Саксонии, немалой страх в Еуропе чинила) его царскому величеству в руки досталась.

Ибо от оной кроме не многих сот, которые с королем чрез Днепр в турецкую землю оушли (из которых по том с двесте побито, також более дву сот штидесят человек от посланных взяты, при которых генерал аудитор и иные знатные) никто не оубежал, но все его царского величества победоносному оружию златися принуждены, так что ни единой человек в свое отечество немог возвратиться. А что от неприятеля пушек, штандартов, знамен також и прочего в добычу получено, тако-ж сколько подлинно людей в полон взято, и сколько из войск его царского величества при том побито и ранено тому последует при сем роспись³.

В приложенных к реляции ведомостях содержатся сведения о потерях шведов и русских и трофеях, взятых русскими войсками в боях под Полтавою и Переволочной.

Под Полтавою:

взяты в плен 2880 чел., в том числе — первый министр, генерал-фельдмаршал, 4 генерал-майора, штаб и обер-офицеров 186, пушек взято 4, знамен 142: из них — 14 кавалерийских штандартов, 29 драгунск. знамен, знамен пехоты 93 и 6 знамен лейб-гвардии. Взяты также 4 пары литавр (одна серебряная).

Под Полтавою и Переволочной вместе взято пленных: 18746, из них штаб и обер-офицеров 1161, орудий взято 32, из них 15 медных пушек, 2 гаубицы, 8 мортир, штандартов и знамен 269.

Со стороны русских войск в кавалерии и пехоте убито 1353 чел., ранено 3303 чел.

³ ЦВИА. Фонд ВУА, оп. № 2, д. № 1497.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА УЧАЩИХСЯ НАД ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ЛЕНИНА, СТАЛИНА И НАД „КРАТКИМ КУРСОМ ИСТОРИИ ВКП(б)“

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В 10-х КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» у учащихся старших классов средней школы окрепло стремление к самостоятельному изучению произведений классиков марксизма-ленинизма. Они обращаются к преподавателям с просьбой указать им для чтения произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и с большим воодушевлением приступают к их изучению.

Преподавателю истории необходимо уделить большое внимание руководству этой самостоятельной работой учеников, тщательно организовывая и направляя ее в течение всего учебного года. В своей

статье я хочу рассказать, как в текущем, 1938—1939 учебном году мною была организована самостоятельная работа учащихся по изучению произведений Ленина и Сталина и книги «Краткий курс истории ВКП(б)».

1

Кроме календарного учебного плана по истории, я составляю еще план для проведения самостоятельной работы учащихся.

Вот образец такого плана:

П Л А Н

заданий для самостоятельной работы учащихся по изучению произведений Ленина—Сталина

№ задания	При изучении какой темы необходимо дать задание для самостоятельной работы	Какую подготовку надо провести в классе, прежде чем дать задание для самостоятельной работы	Какую работу должны выполнять учащиеся
1	Русско-японская война	1. Рассказать учащимся о приемах чтения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина	1) Изучить самостоятельно статью Ленина „Падение Порт-Артура“
		2. При изучении в классе статьи Ленина „Падение Порт-Артура“ показать учащимся, как надо ее читать	1) Составить план этой статьи 2) Подготовить устно изложение статьи по плану
2	Революция 1905 года	1. Провести беседу о методах записи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина 2. Указать, как надо делать выписки при изучении произведений классиков марксизма-ленинизма	1) Изучить статью Ленина „Доклад о революции 1905 года“ 2) Составить план статьи 3) К вопросам плана выписать цитаты

Самостоятельная работа учащихся по изучению произведений Ленина и Сталина проводилась у нас в тесной связи с изучаемым историческим материалом, способствуя таким образом более прочному усвоению курса истории. В начале учебного года ученикам давались несложные задания по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, но затем, в процессе изучения истории, по мере накопления учащимися опыта самостоятельной работы, эти задания становились все более сложными.

Прежде чем дать учащимся задание надом для самостоятельной работы, я проводил в классе большую подготовительную работу. Я рассказывал учащимся, с помощью каких приемов они могут хорошо подготовить данное задание. Учащиеся предварительно выполняли в классе отдельные виды самостоятельной работы над произведениями Ленина и Сталина. Задание надом по самостоятельному изучению классиков марксизма я давал только тогда, когда был уверен, что учащиеся вполне подготовлены для его выполнения.

Большой интерес у учащихся вызывали рассказы учителя о методах работы наших великих вождей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Яркие примеры научной работы гениальных вождей, создателей теории марксизма-ленинизма, образцы их работы над книгой, газетой, документами, образцы их рукописей, планов, конспектов глубоко запечатлевались в памяти учащихся.

Помощь учащимся со стороны преподавателя была систематической. Некоторые задания для самостоятельной работы надом рассчитаны были на длительный срок (например: составить тезисы доклада по прочтении нескольких работ Ленина и Сталина, подготовить письменный реферат). В процессе выполнения такого задания учащимся оказывалась помощь путем консультации. Консультации имели чрезвычайно большое значение. Учащиеся спрашивали совета, искали ответов по ряду вопросов, которые возникали у них в процессе выполнения ими самостоятельной работы, просили указать дополнительную литературу. Преподаватель внимательно и подробно отвечал на все вопросы, ободрял учащихся и направлял их дальнейшую работу.

Приступая к изучению с учениками произведений Ленина и Сталина, я прежде всего поставил перед собой задачу — научить учащихся 10-х классов правильно читать статьи Ленина и Сталина. Поэтому свою работу я начал с разъяснения приемов чтения. Я рассказал учащимся о том, что произведения Ленина и Сталина надо не просто читать: их надо изучать, штудировать. Приступая к чтению, не надо бояться трудностей, которые могут встре-

таться при изучении работ Ленина и Сталина. Я рассказал учащимся, как Ленин в своей лекции «О государстве» учил студентов Свердловского университета преодолевать трудности, возникающие при чтении произведений Маркса и Энгельса. Ленин говорил: «Сразу кое-кого может быть и отпугнет трудность изложения, — надо опять предупредить, что этим не следует смущаться, что непонятное на первый раз при чтении будет понятно при повторном чтении»¹.

Ленин так рекомендовал изучать произведение Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Нет сомнения, что в этом сочинении не все части одинаково доступно, понятно изложены: некоторые предполагают читателя, обладающего уже известными историческими и экономическими познаниями. Но опять скажу: не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком»².

Я советовал учащимся следовать этим указаниям В. И. Ленина. Я привел также ряд поучительных примеров, показывающих, с каким исключительным вниманием читали книги Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Вот что рассказывает Поль Лафарг о чтении Маркса: «Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые лучшие авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до источника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он ездил в Бриганский музей, чтобы в его библиотеке проверить этот факт...»³.

Поль Лафарг рассказывает о большом трудолюбии Маркса. Он приводит такой пример. Маркс, чтобы написать в «Капитале» несколько страниц об английском рабочем законодательстве, проштудировал «целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них»⁴.

С исключительным упорством работал и Ленин над книгой. Сестра Владимира

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 362.

² Там же, стр. 364—365.

³ См. Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 66.

Ильича, М. П. Ульянова, в своих воспоминаниях рассказывает о том, как Ленин читал книги: «Он не просто читал книги, он изучал авторов, штудировал их, делал заметки и выписки из книг... Сохранилось много тетрадок и выписок Владимира Ильича, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания было им протрудировано. Он всю жизнь учился. Изучал великих мыслителей и живую жизнь, теорию и практику, факты и цифры»¹.

На образцах работы великих мыслителей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина десятклассники учащиеся самостоятельной работе над книгой.

2

При изучении первой темы программного материала («Русско-японская война») учащимся задано было изучить статью Ленина «Падение Порт-Артура» (т. VII, стр. 44—50).

По учебному плану я отвел специальный урок для изучения в классе статьи Ленина «Падение Порт-Артура». На этом уроке я решил показать учащимся, как надо изучать произведения Ленина.

Предварительно учащиеся установили, что статья эта была напечатана в большевистской газете «Вперед» 14 января 1905 года. Следовательно, сделали они вывод, Ленин написал ее сейчас же после первых известий о взятии японцами Порт-Артура.

После этого мы восстановили историческую обстановку начала 1905 года. Учащиеся рассказали о внутреннем и внешнем положении России в этот период, о начале русско-японской войны и об отношении к ней со стороны большевиков и меньшевиков. Такой прием приучал учащихся рассматривать работы Ленина и Сталина в конкретной исторической обстановке.

Мы установили также, где находился Ленин в момент написания статьи «Падение Порт-Артура» (в Женеве). Большой интерес у учащихся вызвал мой рассказ о том, как Ленин написал эту статью. Для этого я использовал варианты плана статьи «Падение Порт-Артура», приведенные в Ленинском сборнике V (стр. 57—59). На основе разбора этого плана статьи я мог рассказать, какое количество корреспонденций, статей и других материалов использовал Ленин для написания статьи. Из этого же плана мы установили, какие главнейшие мысли Ленин считал необходимым развить в этой статье.

¹ Д. И. и М. П. Ульяновы «О Ленине» стр. 10. Партиздат. 1934.

Когда мы приступили к чтению и к логическому анализу статьи «Падение Порт-Артура», я указывал учащимся в процессе этой работы, что усвоить содержание статьи — не значит заучить, «зазубрить» текст статьи. Усвоение требует продумывания, осмысливания содержания. Чтобы усвоить статью, надо не только понять каждую фразу, отдельную мысль, но выявить их смысловую (логическую) связь и последовательность.

Я учил учащихся логическому анализу текста.

Кроме того в процессе изучения статьи в классе я показал учащимся, как надо пользоваться политическим и энциклопедическим словарями.

Проведя всю эту подготовительную работу в классе, я дал учащимся задание на дом для самостоятельной работы. В задание это входило: 1) изучить статью Ленина «Падение Порт-Артура», 2) составить план этой статьи, 3) подготовить устное изложение статьи по плану. Учащиеся легко справились с этой работой.

Навыки самостоятельной работы, которые получили учащиеся при изучении статьи Ленина «Падение Порт-Артура», были закреплены и развиты при дальнейшем изучении других произведений Ленина и Сталина.

Чтобы подготовить учащихся к самостоятельному изучению произведений Ленина и Сталина, надо не только научить их правильному чтению этих произведений, но также выработать у них умение, навыки правильно делать выписки из работ Ленина и Сталина. Давая учащимся для самостоятельного изучения произведения Ленина и Сталина, я указывал, что на память свою полагаться нельзя, какой бы хорошей она ни была. Главные мысли из произведений Ленина и Сталина надо обязательно выписывать. Великие мыслители Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, обладающие замечательной памятью, как известно, с большой аккуратностью, постоянно, систематически делали выписки из прочитанного, конспектировали прочитанные книги и статьи.

Чтобы учащиеся поняли, как делал выписки Маркс, я рассказал им о его «Хронологических выписках», привел то место из воспоминаний Лафарга, где он говорит о том, как Маркс по нескольку раз перечитывал свои записки: «...У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью»².

² См. К. Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 60.

С необычайной тщательностью вел свои записи Ленин. Н. К. Крупская пишет: «Ленин не полагался на свою память, хотя память у него была прекрасная. Он никогда не излагал фактов по памяти, «приблизительно», он излагал их с величайшей точностью.

Он просматривал горы материала (читал, как и писал, чрезвычайно быстро), но то, что хотел запомнить, выписывал себе в тетрадки. В его тетрадках сохранилась масса выписок»¹.

Я привел учащимся ряд примеров, пока-

зывающих, как делал выписки Ленин, пользуясь для этого материалы «Философских тетрадей» Ленина и материалы Ленинских сборников. На этих примерах десятиклассники учились, как надо вести записи.

При изучении работ Ленина и Сталина я рекомендовал вести записи по следующей форме:

Статья В. И. Ленина «Доклад о революции 1905 года». Соч. Т. XIX, стр. 343—357.

План статьи

Ответы на вопросы плана (цитаты)

1. Своеобразие русской революции 1905—1907 годов.

1. «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которую она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения. — все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.» (стр. 345).

3

С выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» учащиеся 10-х классов вместе со всей страной получили замечательную книгу по истории большевизма. Простой, понятный и образный язык, сталинский стиль этой книги, популярное изложение исторических событий и теории большевизма — все эти прекраснейшие качества «Краткого курса истории ВКП(б)» сделали его настольной книгой всех партийных и непартийных большевиков. Из этой книги учащиеся черпают знания по теории марксизма-ленинизма, находя в ней ответы на многие вопросы, возникавшие у них при изучении курса истории СССР. «Краткий курс истории ВКП(б)» способствовал развитию у учащихся культуры речи: изучая его, учащиеся учились, как надо рассказывать об исторических событиях.

К изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» я подготовлял учащихся прежде всего тем, что преподавал историю СССР в органической связи с историей ВКП(б). Важнейшие места этой книги я цитировал в классе. Знакомство с «Кратким курсом истории ВКП(б)» развивало у учащихся настойчивое стремление к самостоятельному изучению этой книги.

Я рассказывал учащимся, как надо са-

мостоятельно работать над этой книгой, разъяснял им, что «Краткий курс истории ВКП(б)» требует глубокого и систематического изучения, что к этой книге надо обращаться снова и снова, отыскивая в ней ответы на вопросы марксистско-ленинской теории и на вопросы сегодняшней революционной практики. Я рассказывал учащимся, какие трудности могут встретиться они при самостоятельном изучении этой книги, давал практические советы, как преодолеть эти трудности. Если для выполнения задания учащимся надо было работать над несколькими источниками (работы Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», «Краткий курс истории СССР», документы и др.), я указывал, какой источник нужно положить в основу и как в процессе выполнения домашнего задания привлекать остальные. Первое время учащиеся 10-х классов не умели работать над несколькими источниками сразу, не знали, как систематизировать прочитанное, но практические советы, постоянная помощь учителя помогли учащимся преодолеть эти трудности.

Чтобы приучить учащихся к самостоятельной работе, я провел в классе чтение и конспектирование одного раздела «Краткого курса истории ВКП(б)». Для этой работы был взят раздел «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции» (глава VI, стр. 160—166). Вначале я дал учащимся

¹ Н. К. Крупская «Будем учиться работать у Ленина», стр. 10. Партиздат. 1933.

практические советы, как надо читать «Краткий курс истории ВКП(б)». Я советовал в первый раз медленно и вдумчиво прочитать весь заданный раздел книги, ни в коем случае не проявляя при чтении нетерпеливости и не стремясь скорее дочитать до конца. Встретив при чтении непонятное или неясное место, нельзя пропускать его. Надо внимательно продумать это место и, если самому не под силу будет разобраться в нем, подчеркнуть его и затем получить раз'яснение от учителя. Прочитав заданный раздел один раз, надо переходить к повторному чтению. При повторном чтении надо стремиться понять основные, стержневые мысли книги, выяснить их взаимную связь и логическую последовательность. Главные мысли необходимо подчеркивать, а по прочтении всего раздела книги коротко записать (конспектировать). Чтобы учащиеся усвоили технику самостоятельной работы над текстом «Краткого курса истории ВКП(б)», мы прочитали в классе раздел книги — «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции». При чтении ученики обратили внимание на стиль и язык «Краткого курса истории ВКП(б)». Я указал учащимся, что таковы качества сталинского стиля. Все статьи и выступления нашего великого вождя товарища Сталина отличаются глубиной мысли и кристальной ясностью их выражения. Я советовал учащимся на работах Ленина и Сталина учиться, как надо содержательно, просто и понятно излагать свои мысли.

Когда учащиеся внимательно и вдумчиво прочитали первый раз указанный раздел книги, я провел с ними повторное чтение. При повторном чтении учащиеся проводили логический анализ текста книги по абзацам. Делали мы это следующим образом. Читаем первый абзац раздела:

«Большевики не были простыми пацифистами (сторонниками мира), вздыхающими о мире и ограничивающимися пропагандой мира, как это делало большинство левых социал-демократов. Большевики стояли за активную революционную борьбу за мир вплоть до свержения власти воинствующей империалистической буржуазии. Большевики связывали дело мира с делом победы пролетарской революции, считая, что наиболее верным средством для ликвидации войны и завоевания справедливого мира, мира без аннексий и контрибуций, — является свержение власти империалистической буржуазии» (стр. 160 — 161).

По прочтении этого абзаца устанавливаем, что в нем показано, как в период первой империалистической войны отнеслась большевистская партия к миру. Отношение большевиков к миру выражено в

следующих основных мыслях: 1) «большевики не были простыми пацифистами», 2) они «стояли за активную борьбу за мир вплоть до свержения власти воинствующей империалистической буржуазии», 3) «большевики связывали дело мира с делом победы пролетарской революции». Я указывал учащимся, что эти главные мысли надо закрепить в памяти, а по прочтении всего раздела коротко записать в тетрадь. Учащиеся подчеркивают карандашом в книге выделенные главные мысли. Читаем второй абзац:

«Против меньшевистско-эсеровского отречения от революции и предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны — большевики выдвинули лозунг «п р е в р а щ е н и я в о й н ы и м п е р и а л и с т и ч е с к о й в в о й н у г р а ж д а н с к у ю». Лозунг этот означал, что трудящиеся, в том числе вооруженные рабочие и крестьяне, переодетые в солдатские шинели, должны повернуть оружие против своей буржуазии и свергнуть ее власть, если они хотят избавиться от войны и добиться справедливого мира» (161).

Я даю учащимся задание — самим выделить и подчеркнуть главную мысль этого абзаца. Учащиеся подчеркнули следующие слова: «Против меньшевистско-эсеровского предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны — большевики выдвинули лозунг «п р е в р а щ е н и я в о й н ы и м п е р и а л и с т и ч е с к о й в в о й н у г р а ж д а н с к у ю».

Выделив главные мысли в первом и во втором абзацах, закрепляем их в памяти и устанавливаем логическую связь между ними. После этого учащиеся получают задание — самостоятельно провести логический анализ всего текста. С этой работой учащиеся справились.

На следующем уроке я показал, как надо конспектировать «Краткий курс истории ВКП(б)». Я рассказал, какие формы конспекта существуют. Вместе с учащимися мы установили, что лучшей формой конспекта при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» является форма текстового конспекта, т. е. запись главных мыслей, которые они отметили карандашом при логическом анализе текста.

На стр. 130 дан образец текстового конспекта, который составили учащиеся при изучении раздела «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции».

Когда учащиеся поняли, как надо конспектировать «Краткий курс истории ВКП(б)», я для домашней работы дал им такое задание — изучить следующий раздел

книги — «Поражение царских войск на фронте. Хозяйственная разруха. Кризис царизма» — и составить конспект прочитанного. Когда учащиеся выполнили эту работу, я проверил их конспекты и дал им

критическую оценку. Научившись составлять конспекты, учащиеся при дальнейшем самостоятельном изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» тщательно конспектировали эту книгу.

КОНСПЕКТ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)». Глава VI, раздел 3 «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции».

Вопросы плана

К о н с п е к т

1. Отношение большевиков к миру.

1. Большевики не были простыми пацифистами (сторонниками мира). Они стояли за активную революционную борьбу за мир вплоть до свержения власти воинствующей империалистической буржуазии. Большевики связывали дело мира с делом победы пролетарской революции.

2. Отношение большевиков к империалистической войне.

2. Против меньшевистско-эсеровского предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны — большевики выдвинули лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую». Против меньшевистско-эсеровской политики защиты буржуазного правительства — большевики выдвинули политику «поражения своего правительства в империалистической войне». Политику поражения своего империалистического правительства должны проводить не только русские революционеры, но и революционные партии рабочего класса **всех** воюющих стран.

3. О войнах справедливых и несправедливых.

3. Большевики считали, что война бывает двух родов:
а) война **справедливая**, незахватническая, освободительная.
б) война **несправедливая**, захватническая... и т. д., и т. д.

Таким образом учащиеся приучались к углубленному самостоятельному изучению марксистско-ленинской теории.

Кроме вышеуказанных видов самостоятельной работы над произведениями Ленина и Сталина и над «Кратким курсом истории ВКП(б)» учащиеся в процессе изучения курса истории СССР выполняли еще работу по составлению тезисов. При изучении в классе статьи Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» (апрельские тезисы) я решил показать учащимся, как надо правильно составлять тезисы. Для этого я сравнил первоначальный набросок апрельских тезисов (соч., т. XXX, стр. 324—325) с тезисами в окончательной редакции (т. XX, стр. 87—90). Учащиеся при этом сравнении могли представить себе процесс работы Ленина по составлению тезисов и учились правильному составлению тезисов.

Чтобы научить их самостоятельно составлять тезисы для доклада, я дал им такое задание: 1) составить тезисы для

доклада на тему «VI съезд РСДРП», 2) для этого прочитать такую литературу: Сталин. Политический отчет на VI съезде РСДРП; Сталин. Доклад о политическом положении и заключительное слово на VI съезде РСДРП (Ленин и Сталин. Т. I, стр. 838—853); «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 187—191.

Крайне охотно учащиеся взялись за выполнение этой работы и справились с нею. Тезисы каждого ученика я проверил и дал им соответствующую оценку. Двое учеников в классе сделали доклады по тезисам.

Несомненно, навыки по составлению тезисов, которые учащиеся получили при изучении произведений Ленина и Сталина, имели для них большое значение. Самостоятельная работа над произведениями Ленина и Сталина и над «Кратким курсом истории ВКП(б)» принесла учащимся большую пользу. Выпускники средней школы идут в высшие учебные заведения подготовленными к большой самостоятельной работе по углубленному изучению основ марксизма-ленинизма.

Д. Ефимов

Средняя школа № 3 г. Пятигорска

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В 9-х КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ*

1

При изучении истории СССР в старших классах средней школы «Краткий курс истории ВКП(б)» должен быть основным пособием на тех уроках, где излагается революционная теория марксизма-ленинизма, где показывается марксизм-ленинизм в действии.

При прохождении других тем истории СССР преподаватель глубоко продумывает соответствующие главы «Краткого курса истории ВКП(б)» во время подготовки к уроку, для того чтобы построить изложение конкретного исторического материала на основе указаний «Краткого курса истории ВКП(б)».

Излагая новый материал, преподаватель кладет в основу своего рассказа оценку событий, выводы и обобщения, данные в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и в произведениях Ленина и Сталина.

Преподаватель зачитывает на уроках небольшие отрывки из «Краткого курса истории ВКП(б)» и на его классических формулировках учит учащихся точно и ясно выражать свои мысли.

Таким образом, изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» при прохождении курса истории СССР имеет огромное значение.

Особенно важной и в то же время наиболее трудной является самостоятельная работа учащихся над «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Не по всем разделам истории СССР можно организовать самостоятельную работу учащихся над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Целесообразнее всего рекомендовать учащимся для самостоятельной работы лишь отдельные страницы «Краткого курса истории ВКП(б)».

Очень большое значение имеет предварительная подготовка учащихся к изучению «Краткого курса».

2

Прежде всего надо научить учащихся самостоятельно углубленно читать марксистско-ленинский текст. Такое обучение можно проводить на уроке

* Работа проведена на основании учета опыта ряда ленинградских школ. В статье использован главным образом материал трех школ: 1-й школы Свердловского района (преподаватель—К. В. Новопашенная), 14-й школы Куйбышевского района (преподаватель—И. Г. Кондратьев) и 8-й школы Василеостровского района (преподаватель—Д. С. Фролов).

во время изложения нового материала, отведя для этого специальное время. Полезно знакомить учащихся с тем, как Ленин работал над книгами.

При изложении нового материала преподаватель обращает внимание учащихся на наиболее важные формулировки, выводы и обобщения, данные в «Кратком курсе истории ВКП(б)», и предлагает подчеркнуть их в книге или отметить на полях вертикальной чертой. Давая задание для домашней работы по «Краткому курсу истории ВКП(б)», преподаватель советует учащимся при чтении, во-первых, отмечать на полях книги все непонятные слова и выражения, во-вторых, подчеркнуть главные мысли данного параграфа, в-третьих, поставить на полях книги номера вопросов против тех строк или страниц, где имеется материал для ответа на заданные вопросы, в-четвертых, особым значком отметить на полях книги те места, где надо привести дополнительный конкретный материал, указывая источник, где можно найти этот материал.

После двух—трех занятий под руководством учителя учащиеся IX класса усваивают первые приемы работы над книгой.

Одновременно под руководством преподавателя учащиеся овладевают техникой записи прочитанного. Иногда преподаватель предлагает учащимся составить дома письменный план данного параграфа. При самостоятельной записи полезно рекомендовать учащимся следующий широко распространенный прием. Лист тетради разделить пополам и на одной половине записывать развернутый план параграфа, а на другой половине, против каждого пункта, — материал по данному вопросу, а именно: основные выводы и обобщения «Краткого курса истории ВКП(б)», примеры и цифры, а также дополнительную литературу и названия газетных статей. Такой развернутый план заменяет конспект.

Вот что пишет один ученик X класса 1-й школы Свердловского района Ленинграда о своем изучении истории СССР: «Изучая историю народов СССР преимущественно по «Краткому курсу истории ВКП(б)», мы не берем в классе дополнительный материал, сам же я дополнительно изучил много статей В. И. Ленина и И. В. Сталина. При этом отдельные работы я изучаю таким образом: прочитываю статью два—три раза, отмечаю в тексте наиболее важные места — выводы, обобщения и т. д., затем часто выписываю

некоторые примеры и обязательно общие положения-выводы. Я изучил таким образом следующие работы В. И. Ленина: «О кооперации», «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Три источника и три составные части марксизма» и некоторые другие.

Изучая «Краткий курс истории ВКП(б)», я внимательно читаю его по отдельным параграфам и подчеркиваю то, что, по-моему, необходимо запомнить».

Другой ученик X класса этой же школы пишет: «Прежде чем приступить к серьезному и глубокому изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», я внимательно прочел главу I, а некоторые места, мало знакомые или трудные, перечитал по нескольку раз. Попутно я составлял список тех произведений Ленина, на которые имеются сноски. В библиотеке взял произведения классиков марксизма, рекомендованные списком-минимумом. Все эти произведения или отдельные главы из произведений я прочел и проконспектировал. Кроме этого я просмотрел соответствующие главы «Истории XIX века» Лависса и Рамбо, конспекты и планы школьных уроков, несколько статей из газет и журналов, напечатанных в помощь изучающим историю партии. Мне еще удалось прослушать лекцию в Доме партактива. После этого я снова взялся за учебник. Работал я так: прочту абзац или два, смотря по смыслу, и стараюсь найти главную, основную мысль прочитанного. Найдя ее, записываю и подбираю к ней фактический материал из указанных преподавателем источников. Таким образом, у меня получалось нечто в виде конспекта-плана. Так как он получался слишком обширным, то я его сократил, оставляя только самое существенное по данному вопросу».

Другие ученики X класса начинали изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» с прочтения всей книги и затем лишь приступали к изучению отдельных глав.

Полезно рекомендовать учащимся во время самостоятельной работы не только выписывать основные положения из «Краткого курса истории ВКП(б)» и из произведений классиков марксизма-ленинизма, но также и основные хронологические даты. Нужно также рекомендовать учащимся записывать и вопросы, возникающие при чтении «Краткого курса истории ВКП(б)» и первоисточников, чтобы ответ на них получить либо путем консультации у учителя, либо путем работы со справочником, либо путем дальнейшей углубленной самостоятельной работы.

С большим интересом знакомятся учащиеся с тем, как Ленин писал сочинения,

когда учился в гимназии. После объявления темы сочинения Владимир Ильич сразу начинал собирать материал для своей работы. «Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, оставляя буквы и цифры согласно составленного плана. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами на белое вполне обработанное и готовое сочинение»¹.

На примере работы Ленина еще на школьной скамье учащиеся видят, как тщательно и планомерно надо вести работу по накоплению материала, прежде чем приступить к его обобщению в виде сочинения или доклада.

Домашние задания, организующие самостоятельную работу учащихся, должны быть строго индивидуализированы. Наряду с общими заданиями всему классу даются особые задания более сильным учащимся. Например в X классе 14-й школы Куйбышевского района Ленинграда на уроке «Двоевластие» всем учащимся было предложено прочитать по «Краткому курсу истории ВКП(б)» § 5 главы VI и продумать ответы по вопросам плана урока. Более сильным учащимся рекомендовалось прочитать В. И. Ленина «Письма из далека», письмо 1-е (Соч. Т. XX, стр. 13—20).

В этом же классе на уроке «Трехмесячная передышка» предлагалось всем прочитать соответствующую часть § 3 главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)» (стр. 228—229) и статью Ленина «От разрушения векового уклада к творчеству нового» (Соч. Т. XXV, стр. 148—152). Более сильным рекомендовалось дополнительно прочитать статью Сталина «Три года пролетарской диктатуры» (Ленин—Сталин, т. II, стр. 326—332).

¹ Д. П. и М. И. Ульяновы «О Ленине». Отрывки из воспоминаний. стр. 6. Партиздат. 1934.

Иногда преподаватель параллельно с общим заданием по «Краткому курсу истории ВКП(б)» предлагает в виде дополнительного задания более сильным учащимся приготовить небольшие доклады по отдельным статьям Ленина. Например в 1-й школе Свердловского района Ленинграда в IX классе на уроке «Начало революционной деятельности В. И. Ленина и петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» всем учащимся рекомендовалось прочитать § 3 и первую половину § 4 (стр. 17—21) главы I «Краткого курса истории ВКП(б)» и конец произведения Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (Соч. Т. I, стр. 193—194). На основе этого материала ученикам было предложено ответить на следующие вопросы:

1) Какую основную задачу ставил В. И. Ленин перед петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»?

2) Как под руководством В. И. Ленина петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» стал осуществлять «соединение социализма с рабочим движением»?

3) Чьи интересы выражали народники 90-х годов, и как они относились к царскому правительству?

4) Как Ленин окончательно разгромил народничество в 90-х годах?

5) Какие основные задачи русских марксистов наметил В. И. Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»?

Для доклада более сильному ученику предлагается дополнительно тема «В. И. Ленин в Петербурге в 90-х годах XIX века».

Так преподаватель, индивидуализируя задания, постепенно усложняет характер самостоятельной работы учащихся.

3

Особенно большое значение имеет «Краткий курс истории ВКП(б)» при повторении пройденного материала на уроках истории СССР.

Очень важно правильно наметить тему и план повторительного урока. Периодизация истории партии определяет и основные этапы истории СССР начиная с 1883 года. Поэтому отдельные главы «Краткого курса истории ВКП(б)» могут быть положены в основу работы при обобщении большого фактического материала, пройденного по истории СССР. В этом отношении особенно ценными являются «Краткие выводы» в конце каждой главы и отдельные параграфы, обобщающие большие разделы курса. Выводы главы I дают

возможность построить интересный повторительный урок в IX классе на тему «Развитие капитализма и борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России». Очень удачно в школьной практике проходят повторительные уроки с использованием «Кратких выводов» главы III — «Первая русская революция 1905 года».

Большой интерес представляют повторительные уроки в X классе. Остановимся для примера на одном из таких уроков, проводимом в двух вариантах, а именно рассмотрим повторительный урок по гражданской войне (глава VIII «Краткого курса истории ВКП(б)»).

Задание на повторительный урок должно быть четкое и конкретное. Надо признать неправильной очень распространенную в школьной практике формулировку задания общего характера, примерно такого типа: повторить весь пройденный материал по гражданской войне. Такая формулировка задания не учит учащихся систематизировать пройденный материал вокруг основных, стержневых вопросов темы, не подводит их к нужным выводам и обобщениям, не помогает выделить основное и главное, не учит отбору фактического материала. Основной задачей повторительного урока является не только закрепление пройденного материала, но и обобщение его, установление взаимной зависимости отдельных событий друг от друга.

В рассматриваемом варианте¹ повторительного урока для обобщения и закрепления пройденного материала были выдвинуты четыре основных вопроса:

1) Руководящая роль товарища Сталина в гражданской войне.

2) Гражданская война в национальных районах (роль партизанского движения).

3) Социалистическое строительство в годы гражданской войны.

4) Причины победы Красной Армии.

Для подготовки к повторительному уроку рекомендовалось положить в основу главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)», статью Ленина «Великий почин» и статью Ворошилова «Сталин и Красная Армия», а также использовать дополнительную литературу, рекомендованную при прохождении данной темы, и материал экскурсии. Повторительному уроку предшествовала экскурсия в Музей революции на тему «Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Перед экскурсией учащиеся получили задание: на основе мате-

¹ 8-я школа Василеостровского района Ленинграда.

риалов Музея революции охарактеризовать роль товарищей Сталина, Фрунзе и Ворошилова в гражданской войне.

К повторительному уроку силами учащихся было изготовлено соответствующее оборудование—все карты по истории гражданской войны. В результате такой подготовительной работы урок прошел очень удачно, интересно и живо, учащиеся отвечали повторенный материал на «хорошо» и «отлично».

Ответы учащихся на первый вопрос — «Роль товарища Сталина в гражданской войне» — были построены на основе сочетания материала экскурсии, статьи тов. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)».

В своих ответах на второй вопрос — «Роль партизанского движения в гражданской войне в национальных районах» — учащиеся использовали только отдельные места из «Краткого курса истории ВКП(б)» для подтверждения своих выводов, сделанных на основе изучения конкретного, фактического материала. Характеристика международного положения и внутреннего положения страны во время гражданской войны была дана на основе «Краткого курса истории ВКП(б)».

В своих ответах на третий вопрос — «Социалистическое строительство в годы гражданской войны» — учащиеся излагали содержание соответствующих разделов «Краткого курса истории ВКП(б)» (частично §§ 2 и 3) и расширили этот материал изложением статьи Лепина «Великий почин».

Ответ на четвертый вопрос — «Причины победы Красной Армии» — учащиеся излагали исключительно на основе § 5 главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)», причем каждая причина победы Красной Армии иллюстрировалась и подтверждалась конкретным историческим материалом. В заключение была дана общая характеристика гражданской войны как войны отечественной. В итоговой характеристике использовались «Краткие выводы» главы VIII.

В заключение учитель обращал внимание учащихся на героические традиции Красной Армии, закаленной в боях гражданской войны, традиции, которые живут в делах героев Дальнего Востока, сокрушительным ударом разбивших японских самураев в районе озера Хасан.

Результатом повторительного урока явилась самостоятельная работа учащихся по оформлению общешкольной выставки к 21-й годовщине Красной Армии. Учащиеся провели большую работу по подбору

и оформлению материала для выставки по истории гражданской войны и Красной Армии. Образовательное и воспитательное значение такого повторительного урока очень велико. Учащиеся не только закрепили в своей памяти основные факты, но сделали необходимые выводы и обобщения, органически связав исторический материал с современностью.

В другом варианте¹ повторительный урок был проведен только на основе § 5 главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)»: весь фактический материал по истории гражданской войны был сгруппирован вокруг восьми основных причин, обеспечивших победу Красной Армии. Предварительно учащимся было дано задание—перечитать § 5 главы VIII «Краткого курса истории ВКП(б)» и к пунктам-выводам привести примеры из изученного ими конкретного исторического материала. Учащиеся прекрасно справились со своим заданием.

Конкретизируя шестой вывод «Краткого курса истории ВКП(б)» — о роли военных и политических руководителей, героев-самородков и военных комиссаров, — учащиеся привели много ярких примеров. Они рассказывали о военных руководителях нового типа: М. В. Фрунзе (восточный фронт, борьба с Врангелем, борьба в Средней Азии), К. Е. Ворошилове (борьба под Царицыном, Кенная армия), С. М. Буденном (воронежский прорыв, поход от Майкопа и прорыв югозападного, польского фронта, разгром Врангеля в Северной Таврии); приводили факты из истории борьбы героев-самородков: Лазо, Чапаева, Шорса; упоминали военных комиссаров Фурманова и В. В. Куйбышева.

При характеристике политических деятелей Красной Армии учащиеся подробно останавливались на руководящей роли Ленина и Сталина, Орджоникидзе (Кавказ), Кривова (Астрахань), Куйбышева (восточный фронт).

Серьезная, вдумчивая самостоятельная работа над материалом «Краткого курса истории ВКП(б)» не только помогла учащимся хорошо закрепить пройденный материал, но подвела их к необходимым выводам и обобщениям, научила отбирать фактический материал для подтверждения основных положений.

Таким образом, «Краткий курс истории ВКП(б)» является замечательным пособием при проведении повторительных уроков по истории СССР. Он помогает привести в систему большой конкретный материал, показать закономерность развития историческо-

¹ 14-я школа Куйбышевского района Ленинграда.

го процесса. При правильной организации повторительных уроков возникает ряд новых теоретических вопросов, и таким образом преподавание истории СССР поднимается на более высокий теоретический уровень. Так например социалистическое строительство в период гражданской войны выдвигает теоретический вопрос о коммунистической организации труда (коммунистические субботники); вопрос о строительстве Красной Армии в период гражданской войны связан с теоретическим вопросом о роли армии в социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения; вопрос о гражданской войне как отечественной войне заставляет обратить внимание учеников на очень важный теоретический вопрос о справедливых и несправедливых войнах.

4

Огромное воспитательное значение работы с «Кратким курсом истории ВКП(б)» в средней школе определяется двумя моментами.

Во-первых, самим содержанием материала, так как здесь со всей четкостью выступает перед учащимися «марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма»¹. Здесь выступают в действии и корифеи передовой социальной науки, величайшие вожди пролетариата — Ленин и Сталин.

Во-вторых, воспитательное значение работы с «Кратким курсом истории ВКП(б)» определяется характером самостоятельной

¹ И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 48. Госполитиздат. 1939.

работы учащихся. Правильно организованная самостоятельная работа учащихся развивает их инициативу, помогает более глубоко осознать вопросы марксистско-ленинской теории.

Работа с «Кратким курсом истории ВКП(б)» является одним из видов работы с классическим материалом марксизма-ленинизма. Но эта работа имеет свои особенности.

Во-первых, здесь мы имеем не статьи и произведения по отдельным вопросам, а систематическое изложение событий в историко-хронологической последовательности. Это дает возможность широко использовать «Краткий курс истории ВКП(б)» при повторении пройденного материала по истории СССР.

Во-вторых, здесь мы имеем энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма.

В-третьих, изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» дает возможность широко организовать самостоятельную работу учащихся, разработать целую систему домашних заданий. Начиная с самостоятельного чтения «Краткого курса истории ВКП(б)» и простой записи прочитанного, учащиеся переходят к выполнению более сложных заданий — к составлению докладов и к работе сначала над одним, а потом над несколькими первоисточниками.

В-четвертых, изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» дает возможность показать марксизм-ленинизм в действии, показать творческий характер марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм «поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу»².

² «Краткий курс истории ВКП(б), стр. 112.

К. Новопашенная

Средняя школа № 1
Свердловского района Ленинграда

Н. Мурахвер

ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-МИЛИЦИОННОЙ К КАДРОВОЙ АРМИИ

До недавнего времени наша Красная Армия строилась на смешанном принципе, на сочетании двух систем: кадровой и территориально-милиционной. Теперь же «вся наша армия построена на однообразном и пока единственно правильном кадровом принципе»¹. Рассмотрим, что же представляет собой территориально-милиционная система, каковы условия, ее породившие, почему она оказалась непригодной в данный момент, что заставило правительство целиком перейти на принципы кадрового строительства армии.

1

Армия при капитализме оторвана от народа, отделена и направлена против народа. Солдаты на долгое время отрываются и изолируются от родной им социальной среды. Они живут в казармах, где офицерство, принадлежащее к господствующим классам, воспитывает их в духе слепого повиновения эксплуататорским классам. Поэтому большевики до буржуазно-демократической революции 1917 года выдвигали требование замены постоянной армии с ее длительным казарменным обучением и кастовым офицерством народной милицией, т. е. таким организационным строением армии, при котором обучение военному делу производится внеказарменным путем, без отрыва от повседневного труда. Программинимум РСДРП(б) гласила: «12: Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа». Это требование, как и другие требования демократии, шло по линии борьбы за демократизацию государственного строя.

После февральской революции 1917 года большевики противопоставили буржуазному маневру с созданием так называемой «народной» милиции, состоящей из тщательно отобранных буржуазных элементов и подчиненной помещичье-буржуазным земствам и городским самоуправлениям, лозунг всеобщего вооружения пролетариата,

лозунг пролетарской милиции. Ленин указывал, что нужна «организация, расширение, укрепление пролетарской милиции, вооружение народа под руководством рабочих»². Без пролетарской милиции, писал Ленин, «аппарат угнетения остается в силе»³. Пролетарская милиция должна была вовлечь в свои ряды женщин, молодежь и тем самым втянуть новые слои трудящихся в политику. Пролетарская милиция должна была заменить полицию, сочетать функции общественной охраны с военными «и с контролем за общественным производством и распределением продуктов»⁴.

Осуществление ленинского лозунга пролетарской милиции означало слом буржуазного государственного аппарата власти, полиции и армии, означало создание вооруженной силы для борьбы за власть советов. Большевицкий лозунг пролетарской милиции не только давал оружие в руки пролетариата, но означал формирование классовой, пролетарской армии, способной бороться за власть, и выдвигал всю совокупность вопросов перехода власти к пролетариату, подводил массы к борьбе за власть.

Меньшевистский же лозунг «народной» милиции предполагал сохранение и укрепление буржуазного аппарата власти.

Большевицкий лозунг пролетарской милиции имел успех среди рабочих. Отряды Красной Гвардии в форме пролетарской милиции создавались на фабриках и заводах из рабочих этих заведений. Красногвардейцы обучались военному делу и первое время несли обязанности милиции по охране завода.

Так формировались вооруженные силы революции. К октябрю 1917 года в Петрограде насчитывалось около 20 тысяч вооруженных красногвардейцев. Красная Гвардия сыграла решающую роль в завоевании власти пролетариатом и была вооруженным

¹ К. Е. Ворошилов. Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 12. Госполитиздат, 1939.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 28.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, стр. 30.

оплотом диктатуры пролетариата в первое время после революции. В отрядах Красной Гвардии складывались командные кадры будущей Красной Армии.

2

Первое время после революции строительство наших вооруженных сил мыслилось также по милиционной системе и лишь вследствие гражданской войны пришлось временно отказаться от этого принципа. «Сейчас же после Октябрьского переворота была намечена программа создания милиционных частей. Это направление наших работ было прервано необходимостью немедленно действовать на поле битвы, необходимостью оградить вооруженной рукой завоевания Октября. Поэтому мирный темп нашей работы был сорван, — пришлось перейти к созданию постоянных армий на регулярных началах»¹.

Для обороны завоеваний революции не только от внутренних врагов — свергнутого класса помещиков и буржуазии, — но и от внешних врагов одних отрядов Красной Гвардии оказалось недостаточно. На опыте развернувшейся кровопролитной гражданской войны большевистская партия и советское правительство пришли к выводу о необходимости создания постоянной, регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 28 января 1918 года Ленин подписал декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а через 15 дней — декрет о роспуске старого военно-морского флота и создании нового, Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Армия на первых порах строилась на добровольческих началах. В условиях страшной усталости народа от четырехлетней войны, до тех пор, пока многомиллионная масса демобилизованных солдат — крестьян в серых шинелях — не достигнет самых охраняемых пунктов необъятной страны, не начнет обрабатывать бывшую помещичью землю, не осознает нового характера войны, — до тех пор нельзя было строить армию на началах обязательной воинской повинности.

Наряду со строительством постоянной, кадровой Красной Армии партия и советское правительство в период брестской передышки развернули широкое милиционное строительство. В резолюции IV всероссийского съезда советов (март 1918 года), написанной Лениным, указывалось, что съезд признает «безусловным долгом всех трудящихся масс направить все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков

и взрослых граждан обоюго пола военным знаниям и военному делу»².

В осуществление резолюции съезда советов ВЦИК 22 апреля 1918 года декретировал всеобщее обязательное военное обучение трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет без отрыва от своего повседневного труда. Советская милиция носила социалистический характер. Вооружать буржуазию, допускать ее в армию в момент острой гражданской войны, — «значило бы, — говорилось в постановлении ВЦИК, — внести междуусобицу внутри армии и тем парализовать ее силы в борьбе против внешних врагов». Поэтому «обучение военному делу и вооружение народа в ближайшую переходную эпоху будут распространены только на рабочих и не эксплуатирующих чужой труд крестьян»³.

Рабочие с энтузиазмом учились военному делу. Несколько сот тысяч трудящихся обучались военному делу без отрыва от производства. Цехи составляли взводы, роты, батальоны, а заводы и фабрики — полки.

Но брестская передышка оказалась недолговременной. Организационный государством Антанты мятеж чехословацкого корпуса (в конце мая 1918 года) в течение нескольких дней отрезал от советской власти Поволжье, Сибирь и явился сигналом к широкому кулацким восстаниям. Интервенция Японии на Дальнем Востоке и англо-французских войск на Севере поставила советскую власть в чрезвычайно тяжелое положение. Нужна была постоянная массовая армия для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, стремившейся к установлению буржуазной власти и восстановлению буржуазных порядков в Стране советов. Добровольческие и милиционные формирования явно не удовлетворяли этим задачам. Ввиду этого 29 мая 1918 года при бешеном сопротивлении меньшевиков и эсеров ВЦИК принял решение о мобилизации нескольких возрастов. Постановление ВЦИК гласило: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов считает, что переход от добровольческой армии к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повсеместно диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции как внутренней, так и внешней».

К этому времени в сознании крестьянских масс, как отмечал Ленин, произошел перелом. Крестьяне стали осознавать, что новая война направлена против помещиков и капиталистов. Состоявшийся в июле 1918 года V всероссийский съезд решил ввести всеобщую воинскую повинность.

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 376. Партиздат, 1934.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 411.

³ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет, стр. 11.

Этот же принцип был воплощен в отдельном пункте первой советской Конституции, утвержденной съездом, в выработке которой принимали непосредственное участие Ленин, Сталин и Свердлов.

Так началось строительство постоянной, регулярной Красной Армии на принципе всеобщей воинской повинности. Партия и советская власть отказались на время от милиционных группирований. Гражданская война разгоралась. «Развернулась настоящая, кровопролитная, большая война»¹. Партия подняла народ на отечественную войну против нашествия иностранных интервентов. Страна напрягала все силы, чтобы создать массовую боеспособную армию. В борьбе с троцкистско-бухаринскими предателями такая армия была создана. К концу гражданской войны Красная Армия насчитывала 5½ миллионов бойцов.

3

В условиях обостренной гражданской войны не могло быть речи о милиционных началах в формировании армии. Во вновь принятой на VIII съезде ВКП(б) программе указывалось, что требование всенародной милиции может быть осуществлено лишь в бесклассовом социалистическом обществе. В условиях же обостренной классовой борьбы милиция должна быть построена на классовой основе. Она должна представлять собою вооруженное ополчение рабочих и крестьян, советскую милицию. VIII съезд, принявший программу партии, в резолюции по военному вопросу указывал на необходимость в определенных условиях создания «армии рабочих и крестьянской бедноты на основе обязательного обучения военному делу внеказарменным, по возможности, путем, т. е. в условиях, близких к трудовой обстановке рабочего класса»². Таким образом, здесь речь идет о милиционной системе, милиционной армии. IX съезд партии, происходивший в марте — апреле 1920 года, в период между вторым и третьим походами Антанты, когда казалось, что гражданская война идет к концу, в резолюции по военному вопросу наметил ряд практических мер по построению вооруженных сил республики «на территориальных началах Красной рабоче-крестьянской милиции». При этом съезд предупреждал, что «переход к милиционной системе должен иметь характер необходимой постепенности»³. Однако нападе-

ние Польши на нашу республику, борьба с Врангелем не дали возможности перейти к милиционной системе. Временное ослабление смычки пролетариата с крестьянством по окончании гражданской войны также задерживало переход к милиционным формированиям. Переход к частичной милиционной системе начался в 1922 году, в связи с сокращением армии.

Наша страна вышла из гражданской войны экономически ослабленной. Продукция крупной промышленности составляла 1/7 от довоенной, а сбор хлебов уменьшился почти вдвое. Транспорт был в разрушенном состоянии. Необходимы были героические усилия и огромные средства, чтобы восстановить народное хозяйство. В то же время к 1924 году «ясно было, что Советская страна сумела завоевать целый период мирной передышки»⁴.

Внешняя обстановка позволяла, а внутренняя повелительно диктовала сокращение многомиллионной кадровой армии. Тяжелое финансовое положение страны вынуждало к сокращению армии до размеров, лишь минимально обеспечивающих оборону от капиталистического окружения. В 1922 году армия была сокращена до 600 тысяч, а в 1923 году — до 562 тысяч. При таком численном составе Красная Армия могла ежегодно принять в свои ряды и обучить только половину призываемого контингента. Между тем условия обороны страны при наличии враждебного капиталистического окружения выдвигали требование обучения военному делу всей многомиллионной массы рабочих и крестьян. В связи с этим надо было найти организационные формы построения армии, которые бы обеспечили «выход на поля сражений всей массы трудящихся, способных держать оружие в руках»⁵.

Этого можно было добиться путем сочетания постоянной армии с милиционными формированиями, что уже, как мы видели, имело место одно время в истории строительства вооруженных сил республики.

Уже в 1922 году ряд кадровых дивизий был превращен в территориально-милиционные. Декрет ВЦИК от 8 августа 1923 года устанавливал смешанную систему организаций Красной Армии. Наряду с кадровыми частями организовывались милиционно-территориальные части, бойцы которых служили в войсках 3 месяца и затем отбывали краткосрочные сборы. Но и территориальные части не были чисто милиционными.

¹ К. Е. Ворошилов. XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, стр. 4. Госполитиздат. 1938.

² ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 305. Партиздат. 1936.

³ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 353. Партиздат. 1936.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 259.

⁵ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 424.

В них также имелись постоянные кадры в $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{6}$ часть общей численности людского состава, служившие 2 года, и переменный состав, равнявшийся $\frac{9}{10}$ — $\frac{5}{6}$ общего людского состава. Последние привлекались под знамена всего только на 8 месяцев: в первый год как новобранцы — на 3 месяца, следующие годы — по 1 месяцу. Технические войска, флот, большая часть конницы строились не на территориальном, а на кадровом принципе. «Слабая индустриализация страны, — писал тов. Фрунзе, — не обеспечивает специальных войск подготовленным техническим составом, для подготовки же специалистов из крестьянского молодяка необходимо значительное время»¹. При невозможности содержать большую армию территориальная система имела то преимущество, что давала «возможность при самом минимальном кадре мирного времени отработать наибольшее число военно-обязанных и развернуть максимальное число войсковых соединений»².

Товарищ Фрунзе на посту наркомвоена ликвидировал последствия вредительской, шпионской работы Троцкого, развалившего армию, и смело перешел к строительству территориально-милиционных частей. К 1925 году территориальные части составляли больше половины армии. Работу тов. Фрунзе продолжил тов. Ворошилов.

Территориальные части являлись также дополнительным и важным фактором укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством.

Однако территориально-милиционные части имели ряд слабых сторон. В начале войны территориальные части неизбежно оказываются слабее кадровых частей. Затрудняется развертывание и переброска частей. Но в условиях того времени территориальная система в сочетании с кадровой была единственно правильной формой организации вооруженных сил нашего государства и в общем удовлетворяла требованиям момента. Подводя итоги 10-летию строительства вооруженных сил Советского Союза, тов. Ворошилов говорил: «Опыт последних пяти лет убедил работников Красной Армии, что территориально-милиционная система является вполне жизнеспособной, отвечающей нашим политическим и военным задачам. В то же время, — добавлял тов. Ворошилов, — мы все убедились на опыте, что кадровые войска являются необходимым дополнением территориально-милиционных частей Красной Армии»³.

Так обстояло дело к 1928 году.

За последние 10 лет произошли коренные изменения в международной обстановке. Капиталистические государства отказались от идеи создания небольших кадровых армий, состоящих из надежных элементов и до предела механизированных: опыт войн в Абиссинии, Испании и Китае особенно ясно опроверг эти установки. «Теперь, — говорил тов. Ворошилов, — признано и проводится в жизнь всеми правительствами и генеральными штабами капиталистических стран правило: побольше боевых машин и современного оружия, обязательно и самая большая армия, какую только в силах иметь данное буржуазное государство»⁴.

Капиталистические страны, особенно фашистские, ожесточенно вооружаются. «Сейчас уже не гонка между буржуазными государствами в деле вооружений, а возникла и действует какая-то дикая скачка. Тратятся безумные средства на вооружения, и все же все не перестают кричать: мало, мало, давай больше!»⁵, — отмечал тов. Ворошилов.

Обострились до крайности противоречия империалистических стран. Капиталистический мир, едва выйдя из длительного мирового кризиса 1929—1933 годов, опять впал в новый кризис. А каждый раз, когда обостряются противоречия между империалистическими государствами, «буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР»⁶.

Началась и развертывается вторая империалистическая война. Между тем «всякая, даже небольшая война, начатая агрессором где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран, — говорил товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б). — Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успешная уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы».

Тем более велика опасность войны для нашей страны социализма; «...страна победившего социализма — самая миролюбивая из всех стран мира, — говорил тов. Ворошилов. — По будучи окруженной враждебными империалистическими странами, являясь бельмом на глазу отживающего

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 480.

² Там же, стр. 485.

³ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи, стр. 221.

⁴ К. Е. Ворошилов. XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, стр. 12. Госполитиздат. 1938.

⁵ Там же.

⁶ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 357. 10-е изд.

свой век капитализма, она больше чем другая какая либо страна находится под угрозой постоянного военного нападения»¹.

Наша партия, правительство и лично товарищ Сталин принимали все меры к укреплению обороны нашей родины. В результате усилий трудящихся нашей страны к концу первой пятилетки «из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»².

Вместе с ростом нашего государства росла и крепла наша Красная Армия. Теперь наше государство в состоянии уже выделить на нужды обороны не несколько сот миллионов рублей, а несколько десятков миллиардов рублей. В 1938 году, как известно, советское государство израсходовало на нужды обороны 23 миллиарда 151 миллион рублей; а III Сессия Верховного Совета СССР ассигновала на 1939 год на нужды обороны 40 миллиардов 885 миллионов рублей. Наши пехотные части богато оснащены автоматическим стрелковым оружием. Красная Армия получила отличную по качеству тяжелую артиллерию, могущественные танки, самые мощные и быстроходные воздушные корабли.

В соответствии с международной обстановкой партия и правительство принимали меры по увеличению численного состава армии. Уже к XVII съезду ВКП(б) численность армии значительно увеличилась, а за время между XVII и XVIII съездами — удвоилась.

Наша Красная Армия уже к началу второй пятилетки «совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией»³. К 1934 году 70 процентов армии (если считать и штатных пулеметчиков) были «приставлены к технике», являлись «большими и малыми техническими специалистами»⁴. Если в 1929 году на одного красноармейца приходилось в среднем 2,6 механических лошадиных сил, то в 1939 году на одного красноармейца приходится 13 лошадиных сил. Красная Армия в области механизации далеко превзошла армии Франции, США и

самую механизированную английскую армию. Новые роды оружия (авиация, танки, химия и др.) занимают центральное место в вооружении Красной Армии. Причем они не стоят на месте, а быстро прогрессируют, не отставая от прогресса военной техники за рубежом. В условиях быстрого прогресса военной техники, огромного роста технической оснащенности армии территориально-милиционные части перестали удовлетворять возросшим требованиям. Бойцы территориальных частей при их кратковременной (с перерывами) восьмимесячной службе не в состоянии были овладеть сложной военной техникой.

Территориальная система в настоящих условиях не удовлетворяет интересам обороны государства и в другом отношении. Наши территориальные части по своему составу были слабее кадровых частей наших противников. Между тем уже в настоящее время капиталистические государства содержат постоянные миллионные армии в боевом состоянии. Привязанность территориальных частей к отдельным районам комплектования уменьшала их мобильность и быстроту развертывания. Интересы обороны СССР в обстановке капиталистического окружения требуют, чтобы страна располагала большой постоянной кадровой армией, армией, прекрасно обученной, вооруженной новейшей техникой и способной в любой момент ринуться на врага и бить его на территории, откуда он пришел. Территориально-милиционный принцип больше не соответствовал интересам обороны государства в новой обстановке и был отменен. В результате этого количество кадровых стрелковых дивизий увеличилось в десять раз.

Товарищ Ворошилов так аргументировал необходимость отказа от территориально-милиционного строительства Красной Армии:

«1) Как известно, стрелковые части, в своем большинстве, и незначительно другие роды войск Красной Армии, раньше строились на смешанном принципе, на так называемой территориальной и кадровой системах.

Территориальная система, в случае мобилизации, предопределяла развертывание наших стрелковых дивизий на численно небольших и, следовательно, слабых кадрах. Это означало, что большая часть стрелковых и некоторых других войсковых соединений в первый период по от мобилизации были бы слабо организованными и боевая способность этих войск была бы относительной.

Территориальная система была целесообразной до поры, пока армии капиталистических стран были сравнительно неболь-

¹ К. Е. Ворошилов. Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 5—6. Госполитиздат. 1939.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 490.

³ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. стр. 601.

⁴ Там же, стр. 605.

ними и тоже на случай войны развертывались на слабых кадрах.

Территориальная система, как основа наших войск, встала в противоречие с потребностями обороны Государства, как только армии главнейших империалистических стран стали увеличиваться и приводиться в боевое состояние уже в мирное время.

Мы не имели права оставаться на старых организационных позициях, так как этим самым мы ставили себя в невыгодное положение по отношению к нашим вероятным противникам. Нужна была радикальная реформа для приведения армии в соответствие с новыми условиями отмобилизования, тактико-стратегическими задачами нашей Красной Армии и потребностями обороны Государства. Мы не могли, не имели права допустить, чтобы наша армия была менее обученной и слабее, чем армии буржуазных стран.

Помимо этого, территориальная система уже в период осуществления первой Сталинской пятилетки не соответствовала степени роста вооружения боевой техникой и современного оснащения армии.

Вследствие всего этого было признано необходимым ликвидировать основу территориального построения наших войск и целиком перейти на принцип кадрового строительства вооруженных сил. Теперь вся наша армия построена на однообразном и пока единственно правильном кадровом принципе»¹.

Но вместе с тем устарело положение партийной программы о том, что в связи с уничтожением классов Красная Армия «превратится во всенародную социалистическую милицию», что коммунистическое общество сможет обороняться от капиталистического окружения без постоянной армии, при помощи народной милиции. Постоянная армия останется и при коммунистическом обществе, если только сохранится капиталистическое окружение. Общую формулу классиков марксизма об отмирании государства в связи с уничтожением классов нельзя распространять, как показал это товарищ Сталин, «на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной об-

¹ К. Ворошилов. Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 11—12. Госполитиздат. 1939.

становки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство,—для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне»². Сохранится у нас государство также в период коммунизма, «...если не будет уничтожена опасность военных нападений извне» (Сталин). Слова товарища Сталина в письме к комсомольцу Иванову, что «нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную Армию, Красный Флот, Красную Авиацию, Осоавиахим», являются программой дальнейшего укрепления обороноспособности нашей страны.

К укреплению Красной Армии направлены решения XVIII съезда ВКП(б) о создании военных отделов в райкомах, горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий союзных республик. К укреплению Красной Армии направлены и основные решения III Сессии Верховного Совета СССР, утвердившей бюджет Союза на 1939 год.

Наша армия — подлинно народная армия. «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской Флот сильны тем, что они не противопоставлены народу, не поставлены над ним, не отгорожены от него. Они — сами состоят из лучшей части народа, служат ему, защищают интересы всего народа, тем самым защищая свои собственные интересы»³. Красная Армия наших дней совершенно новая, нигде невиданная армия, состоящая из представителей дружественных классов рабочих и крестьян. Она является воплощением морально-политического единства нашего народа.

Очистившись от троцкистско-бухаринских наемников фашизма, Красная Армия стала еще сильнее, еще могущественнее. Наша армия сильна морально политическим единством народа, его патриотизмом. Ее резервы — весь 170-миллионный народ, строящий под руководством партии Ленина — Сталина коммунизм.

Красная Армия — армия мира. Но она, как говорил тов. Ворошилов, будет самой нападающей из когда-либо нападавших армий, если враг нарушит наши границы.

² И. Сталин «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)», стр. 54. Госполитиздат. 1939.

³ К. Е. Ворошилов «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота», стр. 7. Госполитиздат. 1938.

А. Кисляков

К ВОПРОСУ О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1853—1856 годов

Н. ДРУЖИНИН «Восточная война (1853—1856 годов)». «Историк-марксист» № 2 за 1939 год.

Прошло пять лет после решения СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». За этот период проделана огромная работа по упорядочению преподавания истории в наших учебных заведениях, по ликвидации последствий вредительства в исторической науке и вредного влияния антиисторической концепции Покровского и его «школы». Крупнейшим событием в подлинно научном развитии истории является выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». В нем дан образец того, как нужно составлять учебник и по истории СССР.

К сожалению, некоторые советские историки не всегда следуют примеру составителей «Краткого курса истории ВКП(б)» и вместо правильного, марксистского анализа исторических событий скатываются на позиции так называемой «школы» Покровского, т. е. оценивают события истории с точки зрения сегодняшнего дня.

Подобный метод освещения исторических фактов ведет к извращению их. Об этом с достаточной ясностью сказано в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года. «В исторической науке,—говорится в постановлении,—до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю».

Ошибки, свойственные «школе» Покровского, имеются и в статье Н. Дружинина «Восточная война (1853—1856 годов)», помещенной в № 2 «Историка-марксиста»

за 1939 год как глава из второго тома учебника по истории СССР для вузов.

Мы не намерены подробно разбирать все вопросы, изложенные Н. Дружининым в его статье (или главе учебника), а остановимся только на тех вопросах, в которых Н. Дружинин стоит на принципиально отличных от марксизма-ленинизма позициях.

Наиболее резко это выступает в оценке Н. Дружининым Крымской войны, в объяснениях причин поражения России и в характеристике ее послевоенного развития.

Говоря о характере войны 1853—1856 годов, Н. Дружинин пишет:

«Война, начатая против агрессии Николая I, принимала характер неприкрытого вторжения на русскую землю. Если в первый период имела место наступательная захватническая война со стороны царизма, то теперь — перед лицом иностранных захватчиков — началась оборонительная война русского народа за целостность своей территории» («Историк-марксист» № 2, стр. 120).

Фактом начала интервенции Н. Дружинин считает высадку союзнического десанта на Крымское побережье, т. е. он определяет характер войны по тому, где стоят неприятельские войска, и из этого делает вывод, что из наступательной войны война стала оборонительной и народной для России.

Подобный подход к оценке характера Крымской войны содержит полнейшее забвение марксистских взглядов на определение сущности войны, ее целей и направления.

В. И. Ленин говорил: «Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эсеры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, какую политику война продолжает («война есть продолжение политики»), какой класс в каких целях войну ведет» (Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 190).

А ведь Крымская война была явным продолжением политики господствующего класса крепостников-помещиков, ставивших своей целью завоевание не только Турции, но и приднестровских княжеств (Молдавии и Валахии), ставивших своей целью подавить нарождавшуюся революцию не только в России, но и в Европе.

Марксистская историческая наука знает факты перехода одного вида войн в другие, как например война 1870—1871 годов.

Когда Германия отстаивала свое национальное воссоединение от реакционной бонапартистской Франции, — это была справедливая война. Но когда война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзас-Лотарингии), а прусские войска повели борьбу против революционной Парижской коммуны, — война стала справедливой для Франции и грабительской со стороны Германии.

История знает и другие войны, как например война России с Францией в 1812 году, когда русскому народу приходилось защищать свою национальную независимость в борьбе против нашествия Наполеона, грозившего уничтожением самостоятельности России и колониальным порабощением русского народа.

Восточная война 1853—1856 годов решительно не подходит ни под один из этих видов войн.

Маркс и Энгельс, очень внимательно следившие за ходом Крымской войны и всеми событиями, связанными с нею, ни в одной из своих многочисленных статей не называют Восточную войну ни оборонительной для России, ни народной, ни тем более справедливой.

Наоборот, во всех их высказываниях говорится о реакционности русского царизма, о необходимости поражения его в этой войне.

В поражении России — этого «жандарма Европы» — Маркс и Энгельс видели возможность развязать революцию, освободить Европу от реакционного влияния царизма, освободить Польшу и Финляндию и, наконец, самое Россию от феодально-крепостнического гнета.

Они всячески боролись с нерешительностью в ведении войны, критиковали английское и французское правительства за их нежелание «...хоть в малой степени причинить вред другу Николаю» (Маркс и Энгельс. Т. X, стр. 40).

Стремясь к соблюдению «status quo», правительства Англии и Франции давали возможность русскому царизму захватывать Турцию по частям. «...русская дипломатия, — говорил Маркс, — опиралась на трусость государственных людей Запада» (Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 411).

Надо сказать: неправильная трактовка Крымской войны дается Дружининым не впервые. Так, в сборнике Академии наук «Против исторической концепции М. П. Покровского», в статье того же Дружинина «Разложение феодально-крепостнической системы», проводится полная аналогия Крымской войны с Отечественной войной 1812 года, а затем на основе ряда предположений («если бы да кабы») автор делает вывод, что интервенция грозила целостности жизнеспособного русского госу-

дарства и что «лучшие наиболее принципиальные люди» (см. стр. 382 сборника) не могли найти ничего лучшего, как только «задержать развивавшуюся агрессию союзников и предупредить возможность грабительского договора» (там же, стр. 382).

К этим лучшим и принципиальным людям, очевидно, не относятся ни Чернышевский, ни Добролюбов, ни вообще прогрессивная часть интеллигенции того времени, так как несколькими строчками выше Н. Дружинин пишет об их пораженческих настроениях. Автор не указывает, кто относится к этим «лучшим людям». Это и понятно, иначе обнаружится перед советским читателем ложность и надуманность его концепции в оценке Крымской войны, кстати, уже встретившей возражения в нашей исторической литературе (см. журнал «Под знаменем марксизма» № 5 и статью профессора Шестакова в «Учительской газете» за 21 мая 1939 года).

К сожалению, в этих статьях совершенно упущено неправильное толкование Н. Дружининым причин поражения России.

На стр. 382 сборника Академии наук Н. Дружинин пишет: «Но одержать победу над силами союзников было безнадежно: слишком далеко зашло разложение феодально-крепостнической системы, слишком отстала и слаба была дореформенная Россия». Вступая в противоречие с самим собой, Н. Дружинин не понимает того, что не разложение феодализма ослабляло страну, а наоборот, слишком медленная его ликвидация порождала отсталость России.

Не нарождающийся капитализм способствовал поражению России в Крымской войне, а господство феодальных порядков. Энгельс в письме Даниэльсону от 22 октября 1892 года писал: «Крымскую войну действительно можно характеризовать как безнадежную борьбу нации с первобытными способами производства против нации с новейшими его формами» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 321).

В статье «Русская Армия», написанной 16 ноября 1855 года, Энгельс также объяснял причины поражения России ее социальным и экономическим устройством:

«Не меч и выстрел неприятеля, не болезни, от которых нельзя избавиться во многих частях Южной России, не необходимость длинных переходов, столь опустошающих русскую армию, — а те особые условия, при которых русский солдат вербуются, муштруется, марширует, обучается, кормится, одевается, расквартировывается, управляется и сражается, обуславливают тот ужасный факт, что почти вся русская армия, имевшаяся налицо в 1853 г., уже исчезла с лица земли, вызвав у своих про-

тивников не более трети ее потерь» (Маркс и Энгельс. Т. X, стр. 546).

Неужели Н. Дружинин не знает этих высказываний Энгельса, противоречащих его объяснениям причин поражения России.

В статье «Восточная война (1853—1856 годов)» Н. Дружинин слишком переоценивает значение войны, придает ей главенствующую роль как фактору всего последующего развития России. В кратких выводах к этой статье он пишет:

«Восточная война 1853—1856 гг. послужила исходным пунктом революционно-демократического движения внутри России и заставила правительство приступить к отмене крепостного права» («Историк-марксист» № 2, стр. 128).

Этот вывод показывает полнейшее пренебрежение автора к высказываниям классиков марксизма-ленинизма о причинах реформы 1861 года, полнейшее забвение исторических событий того времени.

Важнейшее указание по этому вопросу содержится в статье В. И. Ленина «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», где он говорит, что силой, заставившей помещиков-крепостников взяться за реформу, была «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удерживать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием, перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу» (Ленин. Т. XV, стр. 143).

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» так же характеризуются причины реформы 1861 года.

Об этом же говорил и Маркс в статье «Подготовка крестьянской реформы в России»: «Сомнительно, чтобы даже Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии дальше откладывать этот вопрос» (Маркс и Энгельс. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 531).

В полном противоречии с классиками марксизма, Н. Дружинин утверждает, что Крымская война явилась «исходным пунктом революционно-демократического движения», а реформа 1861 года—«непосредственным результатом» этой войны.

Совершенно неправильно говорится в названной статье Дружинина и о причинах перехода России к новым формам социально-экономической жизни. По Дружинину, выходит, что только после войны «русский

народ понял отсталость своей страны и начал переход к новым формам социально-экономической жизни» («Историк-марксист» № 2, стр. 127).

Как можно игнорировать борьбу предыдущих поколений России против самодержавия и крепостничества! Наша страна чтит и помнит таких людей, как Радищев, декабристы, революционные демократы: Белинский, Чернышевский и Добролюбов, боровшихся против отсталости России, против крепостнических порядков, за просвещение народа, за европейское развитие родной страны.

Каков общий вывод ко всей статье «Восточная война (1853—1856 годов)»?

Глава учебника — «Восточная война 1853—1856 годов» — не отвечает требованиям, изложенным в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника истории СССР, а именно: в ней «не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике» в 50-х годах XIX века.

Оценка характера Крымской войны как оборонительной войны русского народа против вторжения иностранных захватчиков, противоречит марксистско-ленинскому пониманию характера войн вообще и, в частности, оценке Маркса и Энгельса этой войны.

Дружинин базируется в своей оценке Крымской войны на одиннадцатимесячной обороне Севастополя. Действительно, героическая оборона Севастополя является самой яркой страницей в истории Крымской войны. В ней русский крепостной солдат проявил величайший героизм, храбрость и выносливость. Эти качества русского солдата отмечал в своих статьях и Энгельс.

Не умаляя значения и роли Севастопольской обороны в Крымской войне, историк обязан дать правильную, марксистскую оценку этой войны, чего не сделал Дружинин.

Дружинин переоценивает значение войны, забывает, что она может только ускорить или замедлить процесс развития общества, но никак не может быть главным двигателем этого процесса.

В главе учебника не показана роль Маркса и Энгельса в их борьбе против русского царизма, за демократическую революцию в Европе и России, развитию которой мешал царизм.

«Восточная война» Дружинина, предназначенная в качестве главы в учебнике, нуждается в коренных, принципиальных исправлениях, так как она уже сейчас внесла путаницу в оценку характера Восточной войны не только среди учащихся, но и среди преподавателей.

В. Пичета

Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Выпуск первый (исторический). Издание Свердловского государственного педагогического института. Свердловск. 1938. 248 стр.

«Ученые записки» педагогических институтов по историческому факультету должны привлечь к себе внимание советской общественности, так как они определяют состояние исследовательской работы на исторических факультетах педвузов. По опубликованным в них трудам можно судить об уровне наших исторических факультетов и о степени вовлечения в научно-исследовательскую работу студентов и аспирантов. С этой стороны «Ученые записки Свердловского педагогического института» представляют собой большой интерес. В них помещены статьи не только «мастеров» исторической науки — профессоров и доцентов, — но также и исследовательские работы студентов, написанные на основе местного архивного материала. Это — совершенно правильное начинание, которое надо практиковать и в дальнейшем. Периферийные педвузы должны содействовать разработке отдельных вопросов на местном материале. Наши провинциальные архивохранилища содержат много ценного материала, в частности по рабочему и крестьянскому движениям. Первичные донесения местной администрации очень подробны и более интересны чем губернаторские и жандармские отчеты на основе первичных донесений. Исследовательскую мысль студентов и аспирантов надо на это направить, и проф. С. В. Юшков правильно поступил, поручив своим студентам разработку тем о рабочем движении местного характера.

Содержание «Ученых записок» очень разнообразно. Понятно, что преобладающее место занимает история СССР, но не забыты всеобщая история и история русской общественной мысли. Наиболее полно представлены работы проф. С. В. Юшкова, напечатавшего три статьи. Под его наблюдением напечатаны и статьи студентов четвертого курса исторического факультета Ушакова, Кулагина и Орлова.

Тематика проф. С. В. Юшкова очень актуальна. В статье «К вопросу о развитии крепостного права в Московском государстве в XIV—XV веках» (стр. 43—65) проф. С. В. Юшков прежде всего разбирает вопрос

о вторичном закрепощении крестьян, выдвинутый академиком Б. Д. Грековым еще в 1935 году. Впрочем, сам Греков в дальнейшем отказался от своей теории, убедившись в ее несостоятельности.

С. В. Юшков привел ряд фактических и теоретических соображений против теории второго закрепощения. В этом заключается ценность исследования проф. Юшкова. Но едва ли можно согласиться с его выводами относительно зарождения и развития крепостного права в Московском государстве. Сам автор стоит на позициях буржуазной историографии, доказывая, что «задолженность была основанием для закрепощения не только в Киевской, но и северо-восточной Руси и во всяком случае до оформления Московского государства» (стр. 48). Ведь основоположником теории задолженности был В. О. Ключевский. Его мысли и наблюдения развил М. А. Дьяконов. Для буржуазной науки прошлого столетия (1891—1899 годы) эти теории были значительным шагом вперед. Они разрывали с господствовавшей в историографии историко-юридической теорией, но для нашей эпохи они устарели. Марксистско-ленинская научная методология ставит генезис крепостного права в связь с развитием крупного землевладения и внеэкономическим принуждением. Это не было учтено С. В. Юшковым, и поэтому известная недоговоренность в этом вопросе может внести путаницу в головы читателя и учащихся. С. В. Юшкову не удалось преодолеть наследия, оставленного вышеуказанными крупными представителями буржуазного исторического и историко-юридического знания.

Вторая статья — «Пушкин-историк» (стр. 87—111) — юбилейного характера. Отсюда неизбежная ее сжатость. С. В. Юшков, подвергнув правильной критике работу М. Н. Покровского «Пушкин-историк», показал всю ее несостоятельность. Но ему следовало бы коснуться и статьи Н. Н. Фирсова «Пушкин, как историк», напечатанной в полном собрании сочинений А. С. Пушкина под редакцией Венгерова (Н. Н. Фирсов «Исторические характеристики и эскизы (1890—1920 гг.)». Т. II. Казань. 1922). Статья С. В. Юшкова появилась в печати после окончания замечательных дней юбилея Пушкина. По случаю юбилея были напечатаны работы Б. Д. Грекова («Исторические записки». Т. I. 1937), П. Д. Софинова («А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения». «Исторический журнал» № 2 за 1937 год, стр. 38—52), Попова и ряда других.

Очень важно было бы разобраться во взглядах советских историков на Пушкина

как историка. Б. Д. Греков, П. Д. Софиев и др. очень высоко ценят Пушкина как историка и в особенности его «Историю Пугачева». Поэтому если бы С. В. Юшков отнесся внимательно к советской пушкинской историографии, то читатель мог бы быть ему только благодарен. Исследование Юшкова «Пушкин-историк» очень сжато, но и очень выпукло в то же время. Основные исторические взгляды Пушкина по отдельным проблемам им отмечены правильно. Можно полностью присоединиться к заключительным словам автора: «Все это лишней раз показывает и исключительную многогранность и широту его гения».

Третья статья С. В. Юшкова — «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане» (стр. 65—87) (до русского завоевания) не вполне удовлетворяет читателя.

Тема очень большая и притом совершенно не разработана. Читатель вправе знать об источниках, которые были использованы С. В. Юшковым, и об их исторической достоверности. Необходима была критическая, хотя бы краткая, их оценка. Без этого статья производит впечатление социологической схемы, недостаточно насыщенной конкретным материалом. Мы полагаем, что нам следовало бы отказаться от больших тем, по необходимости излагаемых кратко. Но С. В. Юшков поставил интересную проблему, и в этом его заслуга.

Студенческие работы посвящены «Кыштымскому восстанию 1822—1823 гг.», «Волнениям углежогов в Ревдинском заводе в 1841 году» (стр. 199—223). Первая статья написана М. И. Ушаковым, но в разработке материалов принимала участие группа студентов IV курса. В основном история Кыштымского восстания уже была известна историкам по работе В. И. Семевского. Но авторы обратились к изучению первичного материала и сообщили много ценного и нового. Авторы начали с изучения предпосылок восстания, указав на положение рабочих на заводах Расторгуева. Желательно было бы поставить изучение положения рабочих в связь с общим социально-экономическим развитием империи периода начала разложения крепостного хозяйства, в связь с общей социально-экономической политикой царского правительства. Нельзя было не коснуться также вопроса о положении рабочих на других горнозаводских предприятиях. Нет описания самого завода и его производительности. Авторы статей, в сущности, сжато и хорошо пересказывают архивный материал.

Вторая статья — «Волнения углежогов в Ревдинском заводе в 1841 году» (Жулагин и Орлов) — знакомит читателя с состоянием завода, но самые волнения

оторваны от массового движения в империи. Хорошо, конечно, что авторы изучили архивный материал и рассказали его содержание. Но это — только начало исследовательской работы. Местный материал должен быть разработан на общероссийском социально-экономическом фоне. Понятно, что означает заключение авторов статьи: «никаких уступок углежогам не добились, но апрельские события дали углежогам серьезные уроки классовой борьбы» (стр. 247). Могли ли вообще в эпоху диктатуры крепостников, при отсутствии пролетариата, углежогам чего-либо добиться? Авторы ограничились трафаретной фразой, не сумев дать более глубокого ее анализа.

Очень хороша статья проф. П. П. Руткевича «Покровский о возникновении мпровой войны» (стр. 5—43), но она уже была напечатана полностью в «Историк-марксисте» (№ 3 за 1938 год). «Историк-марксист» — журнал достаточно распространенный, и читатель уже успел в нем познакомиться с ценными наблюдениями автора и принять их к сведению. Статью вторично следовало бы печатать только в том случае, если бы она в журнале была напечатана неполностью.

И. Ф. Ивашин напечатал превосходную статью «Богатейший вклад в историческую науку» — о вновь опубликованных работах по истории средних веков (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 185—199).

Отметив громадную ценность изданного рукописного материала Ф. Энгельса для изучения средних веков, автор правильно заключил, что «на основе изданных работ Энгельса и вообще работ классиков марксизма-ленинизма советские историки должны дать ряд новых исследований по конкретным вопросам истории средних веков» (стр. 197). Другая статья И. Ф. Ивашина — «Республиканская антипапская борьба римлян и Арнольд Брешианский» (стр. 159—185) — представляет собой попытку на основе высказываний Энгельса о средневековых ересь в «Крестьянской войне в Германии» выяснить социально-политическое лицо Арнольда Брешианского. Вероятно, автор не мог раздобыть первоисточников и черпал конкретный исторический материал из вторых рук. Полезность таких обобщающих статей на основе марксистско-ленинской методологии, конечно, несомненна, но от молодого автора советская историческая марксистско-ленинская наука вправе требовать изучения первоисточников. Пора нам перестать писать по пособиям и брать сведения из вторых рук. Пусть классики марксизма будут всем нам, историкам, наглядным тому примером.

Е. Благовещенская и С. Димант

ПАМЯТНИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 ГОДА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

1

150-летний юбилей Великой буржуазной Французской революции естественно вызывает усиленный интерес к ее памятникам, к тем книгам, журналам и бесчисленным мелким брошюрам, в которых так ярко запечатлелись эпоха, дела и дни революции, борьба классов и партий того времени, энтузиазм и героизм народных масс.

Государственная публичная историческая библиотека имеет исключительное по ценности собрание книг и брошюр, вышедших во Франции в годы революции. Большая и лучшая часть его поступила в свое время в бывшую библиотеку Исторического музея (ныне составную часть Исторической публичной библиотеки) в числе книг фельдмаршала князя А. И. Барятинского. Барятинский же, по видимому, эту часть своей коллекции приобрел у вдовы Виктора Ивановича Касаткина, книголюба и библиографа, сотрудника журнала «Библиографические записки» (1858—1861 годы), ставшего политическим эмигрантом из-за связей с Герценом. В эмиграции он и умер, оставив после себя библиотеку в 25 тысяч томов, которую он собрал, отнюдь не будучи богатым человеком.

Всего Историческая библиотека имеет более 1600 названий книг, брошюр и журналов, вышедших во Франции на французском языке в 1789—1804 годах, а также изданий 1787 и 1788 годов, официальных и других, имевших непосредственное отношение к последующим революционным событиям. Кроме того имеется около сотни изданий этих же лет, вышедших на французском языке в Англии, Германии и других странах Европы и так или иначе связанных с французскими делами (эмигрантская литература, литература о революционной борьбе в Бельгии, в Швейцарии и др.). Возможно, что некоторые из этих зарубежных изданий, в частности те из них, которые вышли без обозначения типографской фирмы, на самом деле были тайно нанечатаны во Франции. Ряд анти-

религиозных и антиклерикальных произведений, на которых местом выхода из печати обозначен «Иерусалим» или «Рим, Ватиканская типография», столь несомненно парижского происхождения, что они безоговорочно причитаны нами к основной группе французских изданий.

Исключительно хорошо представлено в собрании Исторической библиотеки начало революции — 1789 год. На его долю приходится 345 названий, вышедших только во Франции, не считая зарубежных. Следующий, 1790 год представлен уже втрое меньшим количеством изданий, и в остальные годы цифра колеблется от 41 названия (1796 год) до 131 (1802 год). По содержанию больше половины имеет прямое отношение к революции: это официальные издания, периодика, листовки на злободневные вопросы, публицистика, политическая сатира, мемуары, биографии военных и общественных деятелей, описания кампаний на разных фронтах, руководства по военному делу, беллетристика и театральные пьесы, отражающие современность, путешествия по революционной Франции и т. п. Ко второй группе относятся переиздания дореволюционных писателей, греческих и римских классиков, переводные романы и беллетристика с дореволюционной тематикой, многочисленные путешествия, исторические труды и т. п. В начале революции, в 1789 году в особенности, явно преобладала первая группа, в последние годы — вторая.

Из богатого собрания изданий 1789 года в свою очередь выделяется обильным материалом начальный период революции — май — июль 1789 года.

Основные исторические даты этого периода представлены официальными изданиями: речью короля при открытии Генеральных штатов 5 мая, отчетами о заседаниях Национального собрания 17 и 20 июня и рядом других.

Национальному собранию посвящена целая литература: его приветствуют, ему адресуют всякие проскты и пожелания, на его заседания пишутся народици, на его

отдельных членов — сатиры. Особенно много достается на долю крайне правого аббата Мори. Как на пример обращений к Национальному собранию можно указать на выдержавшее несколько изданий обращение к «Господам Генеральным штатам» парижских рыночных торговцев, в котором выставляется требование уничтожить заставы, обложить налогом коляски аристократии, английские парки, лишнюю прислугу и т. д.

Хорошо представлена борьба третьего сословия за свои права и за изменение государственного строя Франции. Наряду с работами таких политических деятелей, как аббат Сийес («Что такое третье сословие»), Кондорсе, Рабо де Сен-Этьен, укажем на вышедшее еще в апреле 1789 года сочинение Карра «Оратор Генеральных штатов». Оно было отмечено в полицейских списках как «чрезвычайно дерзкое» и пользовалось огромной популярностью, вызвавшей несколько переизданий на протяжении одного года.

Ликование первых дней победоносной революции отражает знаменитая работа Камилла Демулена «Свободная Франция», клеймящая преступления Французских королей. Написанная до 14 июля, она была опубликована лишь после взятия Бастилии. Короткие анонимные листовки в 4—8 страничек день за днем показывают нарастание революционного движения в Париже в июле. Они пишутся под непосредственным впечатлением событий и печатаются немедленно. Так например описание происшедшего вечером 30 июня освобождения толпой из тюрьмы солдат, арестованных за отказ стрелять в народ, было напечатано 1 июля.

Многочисленны брошюры, связанные с отставкой Неккера и его возвращением на министерский пост после падения Бастилии. В эти дни он многим представляется спасителем Франции. Одна из брошюр даже предлагает без лишних слов распустить Национальное собрание и передать Неккеру все полномочия с тем, чтобы он все привел в порядок ко дню созыва нового Национального собрания. При этом по адресу министра расточаются столь неумеренные похвалы, что возникает вопрос: не издевается ли автор над увлечением своих сограждан?

Семнадцать изданий посвящено взятию Бастилии и истории этого тюремного замка. Среди них отметим «Заметки и анекдоты о замке Бастилии вместе с историческими подробностями осады, взятия и разрушения этой крепости, снабженные двумя соответствующими гравюрами» и «Лавры Сент-Антуанского предместья или награда за неиспровергнутую Бастилию. Понедельник 20 июля 1789 г.». Последняя

брошюра напоминает о бедственном положении победителей Бастилии, рабочих Сент-Антуанского предместья, и о необходимости прийти им на помощь. Интересен также план Бастилии с текстом, в котором даются краткие сведения по истории Бастилии и штурма 14 июля и сообщается, что на месте этого памятника деспотизма будет поставлен памятник Людовику XVI, «восстановителю Французской свободы», — момент, чрезвычайно характерный для политических настроений начального периода революции, когда наряду с резкими и подчас совершенно нецензурными нападками на королеву и ее окружение идеализируется личность Людовика XVI и прославляется конституционная монархия.

Ряд памфлетов направлен против первых представителей эмиграции, особенно недовольных народу. Среди них находится брошюра с ироническим описанием жизни высокопоставленных беглецов за границей и враждебного отношения к ним местного населения, а также вымышленные «исповеди» графа д'Артуа, герцогини Полиньяк, принцессы Бурбон, бывшего министра финансов Колонна и других. В анонимной брошюре «Банкет изгнанников, где будут услышаны рассуждения многих о многом», подчеркивается, что главную надежду эмигранты возлагают на внутренние распри во Франции, и поэтому автор призывает к спокойствию и к доверию избранным властям.

Особенный интерес представляют немногочисленные брошюры, касающиеся революционного движения в провинции: в городах Ренне, Бресте, Лионе (сатирическое описание падения лионской крепости после получения в городе известий о взятии Бастилии) и в сельских местностях. Брошюра «Поджигатели в Дофинэ» рассказывает, как 26 августа отряд из 50 человек хорошо вооруженных людей, появившихся неизвестно откуда, за одни сутки уничтожил 12 замков, предав огню все записи феодальных повинностей. Полную пассивность при этом окрестного населения автор объясняет как результат многовекового угнетения крестьянства феодальными сеньерами.

Чрезвычайно интересно также небольшое по количеству собрание изданий, вскрывающее взаимоотношения между буржуазией и рабочими в 1789 году. Продовольственный кризис и безработица вызвали первое крупное выступление голодного парижского пролетариата: разгром дома промышленника Ревельона в конце апреля 1789 года. В мемуарах, изданных через несколько дней после случившегося, Ревельон опровергает слухи о его якобы намерении снизить заработную плату рабочим, останавливается на истории своего

предприятия и на положении рабочих, излагает события 27—28 апреля и перечисляет понесенные им убытки. В анонимной брошюре «Удаление рабочих Монмартра», написанной, по видимому, в августе 1789 года, автор, обеспокоенный все возрастающим скоплением безработных в Париже, что, по его мнению, грозит беспорядками и грабежами, предлагает создать военизированные трудовые отряды по 500 человек в возрасте от 10 лет. В них принимаются все, независимо от роста и физических недостатков. Срок службы — 16 лет; раньше можно покинуть отряд, только доказав наличие средств к существованию. Отряды чинят дороги, пришедшие в упадок после отмены старых натуральных повинностей, и обрабатывают пустующие земли. Во время войны из них формируются саперные части. При наличии таких трудовых отрядов, по мнению автора, не будет противно принципам гуманности ввести суровые законы против бродяжничества и всех отказывающихся вступать в отряды отнести к категории бродяг.

В брошюре «Патриотическое рвение» владелец граверной мастерской Рекокилье предлагает ввести налог на игорные дома, сбор отдать ему, а он откроет на эти деньги в зимнее тяжелое время бесплатную столовую для бедняков.

Из числа брошюр, посвященных специально продовольственному кризису в Париже, следует отметить памфлет «Когда же у нас будет хлеб» с очень резкими нападками на муниципалитет во главе с Балли и на генерала Лафайета и листовку «Смерть булочника» с описанием самосуда толпы над булочником Франсуа в октябре 1789 года. Этот самосуд явился поводом для издания Национальным собранием закона о военном положении, о праве стрелять в народ. О введении в действие военного положения население оповещалось вывешиванием красного флага на городской ратуше. Против этого закона и всей системы буржуазного террора гневно выступает анонимный памфлет «Краткое слово гражданина Сент-Антуанского предместья, обращенное к тысяче одному представителю нации и к тремстам адвокатам ратуши относительно военного закона, красного флага и новых ордеров на аресты». Автор памфлета называет себя рабочим, участником штурма Бастилии, вынужденным терять половину рабочего дня в очереди за хлебом. Выступая против буржуазии, присвоившей себе завоевания революции в ущерб беднякам, автор призывает народ не подчиняться закону о военном положении и угрожает узурпаторам восстанием, которое будет возглавлено предместьями Сент-Антуан и Сен-Марсо.

Голодный поход женщин Парижа в Версаль 5 октября и последовавший за ним вынужденный переезд королевской семьи в Париж породили немалое количество литературы, в частности довольно солидный том официального следствия о событиях 5—6 октября.

Очень обширна антидворянская и антиклерикальная литература. В борьбе с церковью сатира находила себе наиболее частое применение и достигала особой остроты. Достается папству и в частности папе Пию VI, вдохновителю контрреволюционных выступлений духовенства, в памфлете «Правдивое и достопримечательное повествование о великом путешествии папы в ад». Остроумна и зла пародия «Протокол генерального собрания святых мучеников, исповедников, ангелов, херувимов, серафимов и проч., имевшего место в раю 15 ноября 1789 г.» и продолжение «Протокола» от 20 ноября.

Вообще следует сказать, что начало революции отличается обилием народной и сатирической литературы, идущей и с левой и с правой сторон. В этот период, когда еще не началась гражданская война, еще не было революционного трибунала, не заработала гильотина и многие будущие эмигранты еще пребывали во Франции, главным оружием в борьбе являлось печатное слово. Некоторые брошюры, вышедшие в нескольких тысячах экземпляров, раздаются в Пале-Рояле даром. Выступают представители самых разнообразных политических мнений. Казалось бы, в этот период во Франции существует полная свобода печати, но это не так. Нет больше старой, королевской цензуры, но есть новая, буржуазная. Автор анонимной брошюры от сентября 1789 года, обличающей захват буржуазией всех прав, добытых кровью революционного народа, говорит, что он вынужден писать анонимно и что 36 типографий отказались печатать эту его брошюру; Марат по той же причине принужден был завести собственный печатный станок. Парижский муниципалитет производил аресты неугодных авторов не хуже королевской полиции. Наконец, крупные типографские фирмы, принадлежавшие той же буржуазии, всеми средствами старались задушить вновь народившихся мелких конкурентов, как об этом свидетельствует брошюра с коллективной жалобой мелких типографчиков Парижа.

Как было сказано выше, годы, следующие за 1789 годом, представлены в нашей коллекции гораздо меньшим количеством печатных изданий. В 1790 году довольно значительное количество листовок посвящено празднику федерации — первой годовщине взятия Бастилии. Отдельные изда-

ния отражают деятельность патриотических клубов. Возрастает роль якобинцев, и соответственно растет количество антиякобинской литературы.

Национальное собрание пересматривает состав королевских пенснеров, получавших огромную сумму казенных денег, причем обычно в количестве, обратно пропорциональном своим заслугам перед государством. В связи с этим выпускается «Красная книга» со списком пенсий и дотаций, и вслед за ней «Замечания и сокращения, предлагаемые одним гражданином для списка пенсий» с шестью приложениями, в которых даются суровые и остроумные характеристики большинства пенснеров и их «заслуг».

Отметим еще несколько изданий, посвященных колониальному вопросу в период Учредительного собрания, в частности анонимный памфлет «Раскрытие заговора против интересов Франции», вышедший, по видимому, в 1790 году. Памфлет направлен против руководителей «Общества друзей черных», в первую очередь против Бриссо. Восстания на Гваделупе и Мартинике объясняются пропагандой этого «Общества». Автор — страстный защитник Французской колониальной империи.

2

Для эпохи Национального конвента чрезвычайно ценно собрание официальных изданий, печатавшихся по его распоряжению и рассылавшихся во все департаменты Франции и в действующие армии. В библиотеке имеется протокол заседания Конвента от 21 сентября 1792 года, на котором было постановлено уничтожить монархию во Франции и провозгласить республику. Следует упомянуть также официальное издание конституции 1793 года, самой демократической из буржуазных конституций.

Борьбу партий отражают материалы о предании суду Марата в апреле 1793 года. Имеется поименное, с мотивировками голосование в Конвенте по вопросу, есть ли данные для обвинения Марата, и второе официальное издание — «Обвинительный акт против Марата» — с приложением выдержек из его статей (кроме этого в Исторической библиотеке есть еще ряд изданий 1791—1793 годов как о Марате, так и принадлежащие перу самого Марата). Упомянем также официальное издание речи Лувэ, произнесенной в Конвенте 29 октября 1792 года и резюмировавшей все нападки жирондистов на Робеспьера. Итог борьбы на данном этапе выражен в обвинительном акте против жирондистов, представленном Конвенту от имени Комитета

общественной безопасности А. Амаром 3 октября 1793 года, а затем в приговорах революционного трибунала, о которых речь будет ниже.

Ряд официальных изданий посвящен суду над Людовиком XVI. Кроме сборника материалов, относящихся к самому процессу, любопытны обращения к Конвенту департаментов и отдельных граждан, требующих казни короля и решительных мер против внешних и внутренних врагов республики.

Отдельные доклады, пламенные воззвания Конвента к нации отражают международное положение Франции, революционную войну против интервентов. Конвент призывает республику стать единым лагерем, вооруженной нацией, подняться на защиту конституции 1793 года: «Мы или исчезнем с лица земли или останемся французами и независимыми». К Конвенту, в свою очередь, обращалась со своими воззваниями революционная армия. Вот маленькая, в две странички, листовка: «Обращение первого Коррезского батальона к представителям французской республики 8 декабря 1792 года», под которым подписалось 122 человека. Солдаты протестуют против предоставления волонтерам права на отпуск, заявляют, что будут смотреть как на предателя родины на каждого, кто захочет воспользоваться этим правом, и заверяют народных представителей в том, что не положат оружия, пока не уничтожат всех тиранов на земле.

Знаменательны документы, явившиеся результатом продвижения за пределы республики этой революционной армии, для которой писателем-республиканцем Себастьяном Шамфором был предложен ставший знаменитым девиз: «Мир хижинам, война дворцам». Жители десяти деревень немецкого округа Берг-Цаберна обратились в ноябре 1792 года в Национальный конвент с приветствием победоносным войскам республики и с сообщением о том, что они тоже произвели у себя революцию, свергли власть своего герцога и просят включить их в пределы свободной Франции. С такой же просьбой осенью того же 1792 года обратилась к Конвенту и Савойя.

Приветствия, поздравления с успехами республиканских войск и осуждения интервентов Конвент получал также и от немецких и английских демократических обществ. Последние резко критиковали политику «нейтралитета», официально провозглашенную английским правительством в период, когда Великобритания сама еще не приступала к открытой интервенции. «О стыд! — восклицали авторы обращения к Конвенту. — В борьбе свободы против деспотизма британцы останутся нейтральными!» В заключении выражается уверенность, что «тройственный союз на-

родов Америки, Франции и Великобритании даст свободу Европе и мир всему миру».

К периоду якобинской диктатуры, когда напрягались все силы для борьбы с внешним врагом, относится «Программа революционных курсов по фабрикации селитры, пороха и пушек». Программа, напечатанная по распоряжению Комитета общественного спасения, вышла под лозунгом «Смерть тиранам!» Из нее мы узнаем, что в организации этих курсов и в оборонной работе принимали участие такие крупнейшие ученые Франции, как Бертолле, Монж и другие.

Особенно ценным материалом для периода якобинской диктатуры является собрание приговоров парижского революционного трибунала, числом 337. Трибунал был учрежден законом от 17 августа 1792 года, упразднен 23 ноября того же года и вновь учрежден по требованию народа 10 марта 1793 года. Первый приговор, имеющийся в собрании, вынесен 2 сентября 1792 года, последний — 18 месендора II года республики, т. е. 6 июля 1794 года, за три недели до падения Робеспьера. За исключением 18 приговоров 1792 года все остальные вынесены за период с 13 сентября 1793 года по 6 июля 1794 года, — следовательно преимущественно охватывают период наивысшего подъема революции во Франции и одновременно период наиболее напряженной деятельности самого трибунала, получившего с сентября 1793 года свое окончательное организационное оформление. Огромное большинство дел относится к контрреволюции в тылу и изменам на фронте. Здесь есть почти все крупнейшие политические процессы того времени: жирондистов, эбертистов, дантонистов, Филиппа Эгалите, генералов Брюне, Бирона и других.

Но, может быть, не меньший, если не больший, интерес представляют менее громкие дела: дела провинциалов, дела католических пасторов немецкого происхождения, специализировавшихся на шпионаже, трагикомические дела самозванцев, выдававших себя в провинции за комиссаров Конвента, и многие другие. При этом надо заметить, что по большей части обвинительный материал излагается подробно, вплоть до передачи контрреволюционных анекдотов, пикримируемых подсудимому, даются списки взятой при обыске нелегальной литературы, приводятся цитаты из писем и т. д. Дополнением к этим приговорам служит «Общий список... всех заговорщиков, которые были приговорены к смерти Революционным Трибуналом, 1794». Этот список печатался последовательными выпусками. В библиотеке имеются №№ 5—9 и приложение к № 9, изданное после 9 тер-

мидора, в котором находятся имена казненных сторонников Робеспьера и сообщение о прекращении издания в связи с реорганизацией трибунала.

Падение Робеспьера вызвало волну антиякобинской, контрреволюционной литературы. К этой литературе относятся «Преступления Робеспьера и его сообщников», биография Робеспьера с рисунком его головы в руке палача, заседания казненных якобинцев в аду, разговор между Маратом и Робеспьером (в аду же). В альманахах 1794—1795 годов собраны рассказы о беззакониях якобинцев в период их диктатуры, издевательские анекдоты о безграмотности многих членов якобинских клубов, описания быта заключенных в главных тюрьмах Парижа во время террора, подробности термидорианского переворота.

Из официальных документов конца 1794 года характерно «Полное голосование 3 и 4 фримера третьего года французской республики, единой и неделимой, по вопросу: есть ли место для обвинения, да или нет, против гражданина Каррье, представителя народа? Напечатано по распоряжению Национального Конвента, роздано его членам и послано в департамент и в армию». Полное голосование с мотивировками завершилось решением передать суду якобинца Каррье.

В 1795 году вышло официальное издание бумаг Робеспьера, в 1796 году — четыре тома стенографических записей процесса Бабефа и «копии бумаг, взятых в помещении, которое занимал до своего ареста Бабеф».

Следующее судебное дело, в восьми томах, относится уже к 1804 году: это процесс Пипегрю, Жоржа и других, обвиняемых в заговоре против особы первого консула, Бонапарта.

1799 год, «Седьмой год республики», отмечен новым потоком яростных антиякобинских памфлетов, направленных против оживления деятельности якобинского клуба и предоставления ему здания манежа. Якобинцы обвиняются во всевозможных преступлениях, в том числе и в изменническомговоре с англичанами, а главное — в желании вернуть республике конституцию 1793 года. Среди трех десятков брошюр 1799 года, сплошь антиякобинских, выделяется одна, под заглавием «Читайте на стенах, смотрите на головы и шарьте в своих карманах», подписанная именем Сен-Венан и напечатанная в типографии Сен-Венана же. Это единственная в указанном собрании прямая защита якобинцев с перечислением их заслуг и обличением вздорности возводимых на них обвинений.

К тому же 1799 году, очевидно, относится недатированная брошюра с подписями авторов Барбе и Дарсе — «Агония свободы, или берегитесь военного правительства. Оттиск из № 6 «Эха патриотических клубов». В ней говорится о слабости директории и об опасности, грозящей республике со стороны Бонапарта. Затем следует объявление на трех страничках министра полиции Жозефа Фуше о состоявшейся 18 брюмера замене директории консулатом.

Консулат представлен многочисленными описаниями военных кампаний (в том числе и суворовских походов), биографиями генералов, а также лиц, казненных во время террора. Много книг посвящено истории революции: «История директории» Анри, «Гражданская война в Вандее» Бертрам де Бурнисо; «История якобинцев» аббата Баррюэля и др.

И, наконец, следует многозначительная брошюра Лагари 1804 года о законопроекте, дающем первому консулу, Бонапарту, императорскую власть и право передавать ее по наследству.

3

Из периодических изданий революционных лет в библиотеке имеются: «Друг народа» Марата (1791, январь—февраль), «Национальная газета» (1792—1794, 1800—1802), «Парижский журнал» (1791), «Революции Франции и Брабанта» Камилла Демулена (ноябрь 1789—май 1790) и «Революции Парижа» Прюдома (1789—1794, февраль). Два последних журнала выходили с иллюстрациями. «Революции Парижа» были единственным органом, касавшимся рабочего вопроса.

Хорошо представлена в собрании библиотеки история французского театра за годы революции. Помимо значительного собрания пьес (больше сотни) есть ежегодники «Зрелища Парижа, или исторический и хронологический календарь театров за 1788—1804 годы», четырехтомная «История французского театра от начала революции до общего замирения» Этьенна и Мартэнвиля (1802), брошюра «Великое банкротство главных театров Парижа» (1799).

Интересны детские буквари эпохи Конвента, издания, посвященные вопросу о разводе, положению женщины. Среди последних примечательна книжка известного антирелигиозного писателя, бабувиста Сильвена Марешаля — «Проект закона, запрещающего обучать женщин чтению. 1801» (сам Марешаль был сторонником женского образования).

Книжки вышесказанного ценнейшего собрания, заключающие в себе уникальные вещи, по большей части хорошо сохранились; на некоторых имеются сделанные одной и той же рукой (Н. П. Касаткина) надписи на французском языке, раскрывающие содержание и значение книги, ее редкость, иногда автора анонимного произведения. Так, на редчайшей анонимной сатире 1789 года «Экстраординарное и секретное заседание Французской Академии, состоявшееся 30 марта 1789, по случаю Генеральных Штатов» указано, что эта сатира принадлежит перу графа Ривароля (одного из самых блестящих остроумцев конца XVIII века, умершего в 1801 году в эмиграции), а в конце книжки раскрыты имена всех академиков, выведенных в тексте под фантастическими наименованиями, и дана справка о составе Академии в 1789 году, доказывающая, что Ривароль не пропустил ни одного из академиков.

Интересен один официальный документ 1789 года — это «Королевская библиотека. Доклад финансового комитета». Исследование Королевской, впоследствии Национальной, библиотеки производилось по поручению Национального собрания для выяснения возможности сокращения расходов. Экземпляр, принадлежащий Исторической библиотеке, является корректурой, причем наряду с правкой текста некто, но всей видимости, сам докладчик, делал примечания и дополнения (характеристики служащих, отметки подлежащих ликвидации должностей). Так например весь «секретариат», состоявший из секретаря, канцлера (!) и одного чиновника, взят за скобку и получил резолюцию: «Бесполезные должности». Любопытны примечания по отношению к двум служащим отдела рукописей, стоящим в списке должностей рядом. Один из них, с окладом в 1500 ливров, получает характеристику: «Человек работающий, ученый и скромный; он занимает это место в продолжение 25 лет». Против имени другого, с окладом в 1600 ливров, пометка: «Бесполезная должность, так как она занята человеком, который не в состоянии выполнять ее функций». В сноске поясняется, что этот человек, ставленник аристократического директора Королевской библиотеки Ленуара, до прихода в библиотеку бывшего шефом парижской полиции, не умеет читать даже французских рукописей.

Наиболее интересные части коллекции будут показаны в текущем году Исторической библиотекой на выставке, посвященной 150-летию юбилею французской революции.

Г. Фраднин

„МАРСЕЛЬЕЗА“

(Кинофильм)

Верный сын французского народа, замечательный мастер слова, Ромэн Роллан в своей работе «Вальми» пишет: «История Франции времен революции во многом соответствует истории Франции, России и Испании наших дней. Пусть же она поучает и вдохновляет нас».

Фильм «Марсельеза», вышедший на французский экран в 1938 году, с большой художественной силой повествует о бурных событиях 1789—1792 годов и вдохновляет французский народ на борьбу за демократию, за свободу, за независимость.

Этот фильм замечателен тем, что он необычайно злободневен, что он всем своим содержанием перекликается с современностью и отражает думы и настроения французского народа, лучших людей французской культуры, к которым принадлежит и автор фильма — блестящий художник-реалист, крупнейший мастер французской кинематографии — режиссер Жан Ренуар.

Фильм «Марсельеза», воскрешая славные революционные традиции свободолюбивого французского народа, с исключительной остротой и силой бьет по врагам французского народа, по врагам народного

фронта. Он напоминает всем подлинным французским патриотам о силе народа, он вызывает в народных массах ненависть к нынешним врагам, предателям Франции, и зовет к победе.

О силе народа свидетельствует и самая история создания этого фильма. Когда во Франции в 1936 году в кругах передовой интеллигенции возникла мысль о постановке фильма «Марсельеза», который должен был отразить стремление народа к единению и его волю к борьбе за демократию, ни один кинопредприниматель не согласился осуществить постановку такого фильма. В условиях современной Франции это было серьезным и почти непреодолимым препятствием. Друзья с горечью, враги с радостью уже считали, что идея создания этого фильма, едва родившись, должна умереть.

Но заговору кинодельцов французский народ противопоставил свою волю, свое несокрушимое желание иметь фильм, служащий интересам народа. Народ сам дал средства, необходимые для постановки фильма. Эти средства были собраны по народной подписке. В короткий срок было распространено около 700 тысяч «акций» стоимостью по два франка каждая.

И фильм французского народа был создан. Он овеян мощным дыханием революционных событий, он правдиво рассказывает зрителю о Великой французской буржуазной революции, он показывает французский народ, свергающий тираническую власть короля, показывает борьбу народных масс с их врагами — дворянами, аристократами, — их бои с иностранными захватчиками.

«Марсельеза», боевая революционная песня Руже де Лилля, была подхвачена марсельскими волонтерами, пронесена ими через всю Францию с юга на север и стала гимном свободы, стала песней французского народа. Она волнующе гремит в этом фильме, утверждающем право на эту песню только тех, кто отстаивает интересы народа.

Значение фильма, в частности, заключается в том, что он вернул «Марсельезу» французскому народу, сделавшему ее наряду с «Интернационалом» гимном народного фронта. Эта боевая народная песня, начинающаяся словами: «Идем, сыны отечества, день славы наступил, против нас поднято кровавое знамя тирании...», — не для деляроковских молодчиков: ее вправе петь только верные сыны отечества, которые намерены с оружием в руках защищать свободу, славу и независимость Франции.

Не надо искать в этом фильме исторической последовательности событий. Сценарист и постановщик фильма Жан Ренуар не придерживается хронологической точности. Ставя своей задачей показать народ в революции, он излагает события в таком порядке, как это ему кажется необходимым, чтобы ярче и полнее донести до зрителя свой основной творческий замысел.

Пролог фильма вводит зрителя в Версальский дворец утром 14 июля 1789 года. Герцог Лярошфуко сообщает Людовику XVI о взятии восставшими парижанами Бастилии. Происходит ставший историческим разговор:

«Это бунт?» — спрашивает король.

«Нет, это революция», — отвечает более проникательный придворный.

Вслед за тем экраном овладевает народ, решительный и мужественный в бою, веселый и ликующий в торжестве победы.

1792 год. Юг Франции. Марсельские грузчики, рыбаки, крестьяне и ремесленники на бурном собрании, которое единодушно в своем стремлении покончить с происками контрреволюции. Среди марсельских патриотов герои фильма, граждане Марселя: Арно, Бомье и Жавель.

Темпераментный и горячий марселец Муассон призывает народ к борьбе против врагов народа: «Кучка мятежников

пытается сорвать дело революции. Мы видим их в торговых предприятиях, где они повышают цены на продукты; мы видим их в государственных учреждениях, где они устраивают заговоры против законов, полезных для народа; мы видим их в армии, где офицеры под угрозой пушек содействуют организаторам смуты в преследовании патриотов».

Доблестные марсельские патриоты с помощью военной хитрости овладевают фортами Марселя и разоружают их гарнизон.

Поучительна сцена, в которой один из марсельцев, Отран, во время захвата форта встречается со своим земляком — солдатом гарнизона Конилем.

«Кониль, сколько лет, сколько зим! Я и не знал, что ты в армии! Ведь мы с Конилем земляки!» — говорит он, обращаясь к своим товарищам.

Это ли не поучительный эпизод для врагов народа, которые рассчитывают противопоставить народу армию, рассчитывают опереться на армию в грозный час классовых боев.

* * *

«Вся французская знать собралась в Кобленце и Майнце под предводительством обоих братьев короля и маршалов Франции Брорли и Кастри... Множество эскадронов под белым флагом, знатнейшие люди подошли к границам Франции, остервенев от ярости и жажды мести, как волки, готовые броситься на врага. Они клялись уничтожить все огнем и мечом», — пишет Ромэн Роллан.

На экране немецкий город Кобленц, где французская аристократия, эмигрировавшая из Франции, в неистовом нетерпении ждет похода прусских и австрийских интервентов на Францию, надеясь с помощью чужеземных штыков вернуть былое господство и снова поработить французский народ.

Эти предатели интересов нации, ненавидящие свободный французский народ, торгуют своей родиной, цинично говоря, что «утопающий вполне может отдать свои часы человеку, который вытащил его из воды».

Эта сцена — обвинительный акт против той реакционно-фашистской сволочи, которая рассчитывает с помощью коричневорубашечников Гитлера установить во Франции кровавый «порядок».

Снова Марсель. Клуб друзей конституции. На трибуне женщина из народа — Луиза Воклер. Она говорит о своем возлюбленном — сержанте пехотного полка, убитом австрийцами в результате предательства, свившего себе гнездо в руководстве армией и страной:

«Граждане! Я вас спрашиваю, до каких пор мы будем посылать наших людей на

войну, в то время как главные враги пахотятся не вперед, а позади нас? Я говорю даже не об этих прелателях — аристократах, — которые жаждут поражения своей страны потому, что это могло бы вернуть им их привилегии... Я говорю о короле, королеве, о Национальном собрании. Король предает потому, что он тряпка. Королева предает потому, что она австриячка, потому, что она ненавидит Францию, потому, что она рассчитывает, что армия ее племянника, императора австрийского, сможет восстановить ее неограниченную власть... Она забывает, что народ нельзя водить за нос как мужа...

Что касается Национального собрания, то оно предает из страха. Эти господа за революцию, но за такую революцию, которая была бы полезна только им. Как только революция отвечает интересам народа, они начинают вопить об анархии...»

Эта великолепная речь представительницы французского народа заканчивается словами, которые сегодня звучат так же актуально, как и тогда, и целиком направлены против современных властителей Франции:

«...Поговаривают о том, чтобы послать на север батальон марсельцев... Но нам нужна твердая гарантия, что раньше, чем подставить свою грудь под австрийские пушки, наши земляки расправятся с преступными правителями, которые ставят свои классовые интересы выше благополучия родины...»

Объявлена запись в волонтеры. Формируется знаменитый в истории французской революции марсельский батальон. Под звуки «Марсельезы» он отправляется в поход на север сражаться за народ, за Францию.

Они идут, эти пламенные патриоты, через всю Францию: через поля, долины, мимо деревень — и всюду их сопровождает горячая народная любовь и поддержка. Бедный люд — крестьяне и ремесленники — приветствуют своих защитников.

Наконец, они входят в Париж. С исключительным мастерством передана постановщиком атмосфера революционного Парижа тех дней, когда бурливая, энергичная и веселая толпа парижского народа восторженно встречает марсельцев на площади, где на груде развалин прибита досочка: «Здесь была Бастилия».

По дороге в кафе, где парижане устроили завтрак для марсельцев, Кокюлер говорит, обращаясь к Арно: «Так вот они, Елисейские поля! Какое странное название!» Арно отвечает ему: «В древности так называли место успокоения душ умерших». «А где они, эти умершие?» — спрашивает Кокюлер. «Вот они, — говорит Арно об аристократах-монархистах, которые из-за ограды одного из кафе встречают марсельцев кри-

камп ненависти и потоком ругательств. — Посмотри на них... Не знаю, мертвы ли они, но лица у них действительно как у покойников».

Марсельцы не отвечают на провокацию контрреволюционеров и продолжают свой путь. Однако, увидев, что озлобленные монархисты стали теснить парижан, они бросаются им на помощь.

Уличный бой. Марсельцы обращают в бегство королевских молодчиков, которые едва успевают скрыться за оградой дворца.

Так, в этой короткой сцене, фильм показывает этих еще живых покойников, осужденных на неизбежную гибель.

Дворец Тюильри. Людовик XVI вместе с королевой и министрами обсуждают манифест герцога Брауншвейгского, главнокомандующего австро-прусской армией, в котором он грозит с неслыханной наглостью французскому народу и Парижу суровыми карами, требуя от них покорности королю. «Жители городов, местечек и деревень, которые осмелятся защищаться против войск их императорских и королевских величеств, будут немедленно наказаны по всей строгости военного времени, дома их будут сожжены или разрушены, — пишется в манифесте. — Город Париж и все его жители без исключения обязаны немедленно подчиниться королю... Если дворец Тюильри подвергнется вторжению или нападению... за это последует незабываемое отмщение. Париж подвергнется военной экзекуции и всеобщему разрушению...»

Королева Мария-Антуанетта, эта «австриячка», требует опубликования манифеста, пораженцы-министры поддерживают ее.

Один из министров, Дюбушаж, говорит, обращаясь к королю:

«Вчера я был у моего банкира, и мы, конечно, говорили о войне. Он сказал мне: «Господин министр, я предпочел бы видеть лагерь пруссаков на площади Людовика XVI и падение асигнаций ниже нуля, чем видеть победу, которая усилит элементы беспорядка». Государь, я твердый сторонник опубликования этого манифеста. Он заставит ужаснуться ваших взбунтовавшихся подданных».

Манифест опубликован. Весь Париж поднимается, взбодороженный этим гнусным документом.

Марсельцы читают призыв Друга народа воспротивиться попытке снова надеть оковы на свободный французский народ.

«Да здравствует Марат! Да здравствует Друг народа!» — восклицают марсельцы.

Пришедший из якобинского клуба Арно сообщает, что народ требует от Национального собрания низложения короля, если он не примет решительных мер к обороне страны. Национальному собранию предоставлена неделя срока.

«А если Собрание не согласится?» — спрашивает Жавель. «Тогда мы пойдем штурмом на дворец», — заявляет Арно.

Париж ждет решающих дней.

Бомье с молодой парижанкой Луизон сидят в театре силуэтов. Они познакомились еще в первый день прихода марсельцев в Париж, во время уличной схватки, и полюбили друг друга.

На экране театра силуэты Людовика XVI и женщины во фригийском колпаке, олицетворяющей Францию:

Король. Госпожа Франция, прошу вас, придите в мои объятия, я вас поцелую.

Франция. Это невозможно, господин король. Мост сломан, и между нами пропасть.

Король. Что это за пропасть?

Франция. Это манифест герцога Брауншвейгского!

* * *

Наступило 10 августа 1792 года.

Марсельцы готовятся к штурму Тюильрийского дворца. Во дворце идет лихорадочная подготовка к обороне. Особенно деятельна Мария-Антуанетта. Король по ее настоянию обходит королевских гвардейцев и наемников-швейцарцев, стоящих наготове. Но среди гвардейцев нет единодушия. Раздаются возгласы «Да здравствует народ!»

Редерер, старший прокурор, желая спасти королевскую семью, уговаривает короля покинуть дворец и пойти в Национальное собрание под его защиту.

Король с семьей покидает дворец и медленно идет по аллее, покрытой осыпавшимися листьями. Это напоминает погребальное шествие, похороны королевской власти. «Сколько листьев. Они рано осыпались в этом году», — меланхолически говорит Людовик XVI.

Монархисты, оставшиеся во дворце, решают защищать дворец и готовятся дать бой народу.

Марсельцы первыми, с ружьями наизготовку, входят в огромный дворцовый двор. Небольшая пауза. Тишина. Национальные гвардейцы, стоящие на подступах ко двор-

цу, присоединяются к народу. Раздаются крики радости. Люди обнимаются. Народ готов уже торжествовать свою победу.

Но во дворце еще остались офицеры-монархисты и швейцарцы. Раздается команда, и из всех окон гремят выстрелы.

Среди марсельцев и национальных гвардейцев замешательство. Много убитых и раненых. Смертельно ранен и Бомье. Его уносят на перевязочный пункт.

Подходят патриоты из рабочего Ангуанского предместья. Бой закипает с новой яростью и ожесточением. Народ теснит швейцарцев и врывается во дворец. Победа!..

* * *

В последних кадрах фильма зритель видит марсельский батальон, идущий навстречу врагу, который вступил на территорию Франции. Разделавшись с внутренней контрреволюцией, преданные народу героические марсельские патриоты идут громить интервентов.

Отвечая Кокюлеру на высказанные им опасения за исход предстоящей битвы, Арно говорит: «...Даже если пушки пруссаков разобьют нас, они не разобьют того, что мы принесли миру. Теперь трудно разлучить народ со свободой. А если разлучат, они встретятся снова...»

Перед штурмом Тюильрийского дворца марседец Муассон обращается к своим товарищам с замечательно простыми и глубоко проникновенными словами: «...И пусть каждый помнит, что какова бы ни была его личная судьба в этой битве, завтра солнце взойдет над Францией, очищенной от измены и готовой сопротивляться иностранному захватчику».

Сегодня, через 150 лет после этих великих событий, французский свободолюбивый народ повторит эти слова с глубокой благодарностью к авторам «Марсельезы», воскресившим его боевые, революционные традиции, традиции, которые так близки советскому зрителю, героическому, свободолюбивому советскому народу.

Ефимов А. В. «Французская буржуазная революция XVIII века». 1789—1794 годы (к 150-летию юбилею). Изд. Академии наук СССР. 1939. 73 стр. 1 р. 20 к.

Книжка имеет следующие разделы: Франция накануне революции. Идеология поднимающейся буржуазии и народных масс. Обострение кризиса. Созыв Генеральных штатов. Начало революции (взятие Бастилии 14 июля 1789 года). Крупная буржуазия у власти. Свержение монархии. Борьба жирондистов. Период якобинской диктатуры. Значение Французской буржуазной революции XVIII века.

Левицкий Н. А. «Полководческое искусство Наполеона». Воениздат. 1938. 279 стр. 4 р. 50 к.

В кратком очерке автор показывает развитие полководческого таланта Наполеона. Красной нитью проходит в книге мысль, что блестящих побед Наполеон добивался тогда, когда его войска осуществляли цели борьбы с феодализмом, и терпел поражение тогда, когда превращал свои войны в захватнические.

Вступительные главы дают общее представление об организации и состоянии армий Великой французской революции, наполеоновских армий и армий феодально-абсолютных монархий, противостоявших Наполеону.

Дельбрюк Г. «История военного искусства в рамках политической истории». Том IV. Новое время. Воениздат. 1938. 421 стр. 9 руб.

Последний том работы Дельбрюка по истории военного искусства, вышедший в Берлине в 1920 году (последующие V—VII тома написаны проф. Даниельсоном по материалам Дельбрюка и на русском языке, кроме тома V, еще не появлялись). Книга состоит из 4 частей: I. Военное искусство в эпоху Возрождения. II. Эпоха религиозных войн. III. Эпоха постоянных армий (XVIII век). IV. Эпоха народных армий (Великая французская революция и наполеоновские войны).

Ф. Меринг считал работу Дельбрюка наиболее серьезным трудом исторической мысли буржуазной Германии последнего столетия.

Клаузевиц «1799 год» (перев. с немецкого). Воениздат. 1938. 300 стр. 6 руб.

Книга посвящена итальянскому и швейцарскому походам европейской феодальной коалиции против войск Франции. Для советского читателя кампания 1799 года представляет особый интерес в связи с тем, что главным действующим лицом в ней был гениальный русский полководец А. В. Суворов.

Мотылев В. «Зарождение и развитие тихоокеанского узла противоречий». Соцэкиз. 1939. 143 стр. 1 р. 65 к.

Исторический очерк развития империалистических противоречий между Японией, Англией и США начиная с зарождения этого узла на рубеже XIX и XX веков и кончая завязыванием на Дальнем Востоке начала второй империалистической войны. В частности освещены: японо-китайская война 1894—1895 годов, боксерское восстание в Китае в 1900 году, русско-японская война 1904—1905 годов, китайские революции 1911 и 1925—1927 годов, захват Японией Манчжурии и пр.

Книга является более или менее популярным изложением подготовляемой автором к печати большой научной работы по этому вопросу.

Попов В. Т. «Бои за Верден». Воениздат. 1939. 79 стр. 1 руб.

В кратком очерке книга рисует героическую оборону Вердена французскими войсками, длившуюся почти весь 1916 год. Автор вскрывает планы германского верховного командования по захвату Вердена, провал их в связи с неподготовленностью германской армии к решению этой сложной задачи и последующее контрнаступление французов. Автор убедительно доказывает, что Верден удержали не форты, а живая сила армии.

Корсун Н. «Балканский фронт мировой войны 1914—1918 годов». Воениздат. 1939. 124 стр. 3 р. 25 к.

Автором использованы обширные иностранные и русские источники для обстоятельного изложения сложных и разнообразных военных действий на Балканском полуострове, происходивших в течение мировой войны между австро-германской и болгарской армиями, с одной стороны, и армиями Сербии, Франции, Англии, России, Италии и Румынии, с другой стороны.

Ярославский Ем. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. Соцэкиз. 1939. 46 стр. 30 коп. 50 000 экз. На основании работ Ленина, Сталина и документальных материалов книжка показывает отношение большевиков к русско-японской войне, роль партии в революционизировании народных масс в 1904—1905 году и работу большевиков в царской армии.

Ярославский Ем. Анархизм в России. Госполитиздат. 1939. 120 стр. 2 руб. 100 000 экз.

Книга имеет 8 глав, из которых только первые 5 глав говорят об анархизме в России: I. Чему учит опыт деятельности русских анархистов (Бакунина и Печаева) в период до возникновения самостоятельной рабочей партии (большевиков). II. Анархизм в период первой русской революции. III. Анархисты во время империалистической войны. IV—V. Анархисты в период пролетарской революции. Последующие главы посвящены европейскому анархизму: VI. Современные анархо-синдикалисты в свете пролетарской революции и антифашистской борьбы. VII. Критика анархи-

стов и анархо-синдикалистов в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. VIII. Отношение анархистов к революции в военно-фашистскому мятежу в Испании.

Флот в боях за родину. Сборник статей. Военмориздат. 1938. 160 стр. 1 р. 70 к.

Отдельные статьи сборника (всего 11) посвящены следующим странницам из истории нашего Военно-Морского Флота: победа над шведами при Гангуте (1714 г.), Чесменский бой с турками (1770 г.), Спнопская победа над турецким флотом (1853 г.), поход 2-й Тихоокеанской эскадры из Балтики в Тихий океан (1905 г.), восстание на линкоре «Гангут» (19 октября 1915 г.), Балтийский флот в империалистическую войну (1914—1918 гг.), Лоевский прорыв Днепровской флотилии (1920 г.), бой с японцами на Амуре в 1918—1922 годах.

Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 годов. Переиздание (с 1-го издания 1917 г.). Соцэкгиз. 1939. 342 стр. 7 руб. 10 000 экз.

Новое издание выпущено с небольшими редакционными изменениями и с приложением 3 статей автора: «Новые материалы для истории Смутного времени», «Изображение Пожарского в новом списке Хронографа 1617 г.» и «Источники и историография по истории Нижегородского ополчения» (впервые публикуемая статья).

Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937). Под ред. Л. Геллера и Б. Фогараша. (Предисловие Е. Варга.) Госполитиздат. 1938. 280 стр. 4 руб.

Содержание: I. Научный коммунизм о положении рабочего класса (в последний период капитализма: обзор высказываний Маркса, Ленина, Сталина). II. Общий кризис капитализма и рабочий класс. III. Безработица — бич рабочего класса. IV. Изменения в структуре рабочего класса. V. Усиление эксплуатации рабочего класса. VI. Быт рабочих в капиталистических странах. VII. Борьба рабочих и профсоюзы. VIII. Два пути — два итога.

Широкая картина положения рабочего класса в капиталистических странах с обширным статистическим материалом дана в сопоставлении с положением рабочего класса в СССР.

Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Перев. с француз. С. П. Моравской. Соцэкгиз. 1939. 186 стр. 4 р. 25 к.

Курс лекций известного русского ученого М. М. Ковалевского (1851—1916), которого Маркс называл «другом по науке», читанный на французском языке в 1890 году в Стокгольмском университете, дает историю семьи, историю домовладения и сельской общины и историю поземельной собственности. Особенно обстоятельно освещено развитие «большой» и «малой» семьи.

В конце книги даны: список работ Ковалевского по первобытной истории, этнографии и обычному праву за 1876—1914 годы (31 назв.) и указатель литературы о Ковалевском (3 назв.).

Ефименко П. П. Первобытное общество. 2-е, допол. и перераб. изд. Соцэкгиз. 1938. 636 стр.

Книга является опытом истолкования археологических фактов на основе марксизма-ленинизма. В ней подведены итоги достижениям советской и иностранной науки в области изучения палеолита. Особенное внимание обращено в книге на результаты археологических исследований на территории СССР.

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ 1914 ГОДА

а) **Букар Р.** «В недрах секретных архивов» (перев. с французского). Воениздат. 1938. 52 стр. 50 коп.

б) **Он же** «За кулисами французской и германской разведок» (перев. с французского, предисловие Б. Изакова). Соцэкгиз. 1938. 88 стр. 60 коп.

в) **Вудхол Э.** «Разведчики мировой войны» (перев. с английского). Воениздат. 1938. 144 стр. 1 р. 60 к.

г) **Ландау Г.** «Секретная служба в тылу у немцев» (1914—1918 годы. Перев. с английского, 2-е изд.). Воениздат. 1938. 92 стр. 1 руб.

д) **Ньюмен Б.** «Английский шпион в Германии» (перев. с английского). Воениздат. 1938. 175 стр. 3 р. 25 к.

е) **Ривьер Л.** «Центр германской секретной службы в Мадриде в 1914—1918 годах» (перев. с французского). Воениздат. 1938. 80 стр. 75 коп.

ж) **Ринтельн** «Секретная война». Записки немецкого шпиона. 1914—1918 годы. Соцэкгиз. 1938. 120 стр. 85 коп.

з) **Рише М.** «Моя разведывательная работа». Воениздат. 1938. 128 стр. 1 р. 35 к.

и) **Ронге М.** «Разведка и контрразведка» (перев. с немецкого). Воениздат. 1939. 244 стр. 3 р. 10 к.

к) **Россель Ч.** «Разведка и контрразведка» (перев. с английского). Воениздат. 1938. 88 стр. 1 руб.

«За последние 10 лет о шпионаже написано больше, чем раньше за целое столетие», — говорит автор одной из названных книг (М. Ронге). Это указывает на чрезвычайное обострение международных отношений и на ту огромную роль, которую играют в деле подготовки войны органы капиталистической разведки и контрразведки. Тов. Сталин на мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года предложил принять «необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Указанные выше 10 книг с разных сторон знакомят читателей с работой иностранных разведывательных органов.

В книге **Букара** «В недрах секретных архивов» рассказывается о похищении германского дипломатического кода, с помощью которого английская контрразведка сумела расшифровать телеграммы германского правительства, подготовлявшего

внезапное нападение на США в мировую войну, и затем о работе одного французского агента в германском шпионском центре в Мадриде и в самой Германии.

Во второй книге **Букара** «За кулисами французской и германской разведок» дается общий очерк шпионских, диверсионных и вредительских актов, организуемых разведывательными органами, в частности рассказывается о том, как вербуют в свои сети разведывательные органы морально неустойчивых людей.

В книге **Вудхоло** «Разведчики мировой войны» дан обширный материал, рисующий методы и приемы шпионской работы в мировую войну Германии, Англии и Франции.

В книге **Ландау** «Секретная служба в тылу у немцев» описываются главным образом способы наблюдения за железнодорожным передвижением войск и постановка разведки в мирное время.

В книге **Ньюмена** «Английский шпион в Германии» содержатся воспоминания автора о его разведывательной работе в германском генеральном штабе.

Книга **Ривьера** «Центр германской секретной службы в Мадриде» подробно рассказывает о «работе» этого учреждения, занимавшегося на нейтральной территории пропагандой в пользу Германии, шпионажем и диверсионными актами на территории Франции.

В книге **Ринтельна** «Секретная война» говорится об организации немцами шпионской и диверсионной работы в США, в частности в области транспорта, военного снаряжения.

Книга **М. Рише** «Моя разведывательная работа» содержит воспоминания агента-двойника, работающего в германском шпионском центре в Мадриде в пользу французской разведки.

Книга **М. Ронге**, начальника австрийской разведки с 1913 года по 1918 год, рассказывает об австрийском шпионаже против России.

Книга **Ч. Росселя** представляет собой своего рода «учебное пособие» по разведывательному делу; это курс лекций, читанный автором зимой 1924 года в Нью-Йорке для офицеров запаса армии США.

В целом вся указанная литература содержит богатый фактический материал о вредительски-диверсионной и шпионской работе разведывательных органов капиталистических государств. Факты даются, однако, в однобоком освещении (с значительной романтизацией и даже идеализацией, особенно своей отечественной разведки) и не вскрывая еще всех ее приемов. Совершенно неосвещенными, в частности, остаются методы использования разведки для прямых целей классового угнетения рабочих своих же собственных стран.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 1 «Исторического журнала» за 1939 год была помещена рецензия Н. Паисова на брошюру Н. Подорожного «Тедовое побоище». Наряду с совершенно правильными замечаниями по поводу отдельных недостатков брошюры рецензент указывает на неправильное комментирование в ней слова «брань». Это обвинение лишено основания, так как автор брошюры правильно трактует слово «брань» в двойном смысле: как «битву» и как «ругань», предшествовавшую битве. На стр. 15 брошюры это слово дано в смысле ругани, на стр. 16 — в смысле боя.

ПОПРАВКИ

В статью Барера «Сперанский и его реформы», помещенную в № 3 за 1938 год, вносятся следующие поправки:

Напечатано

на стр. 68, 69, 70, 71, 72 в сносках:

М. Сперанский «Исторический обзор», т. X, 1899 г.

М. Сперанский. План государственного преобразования, изд. 1905 г.

На стр. 66, левая колонка, 15-я строка сверху: из Франции.

Неверно изложен указ Александра I от 1803 г. о «свободных хлебопашцах». Инициатором этого указа был граф С. Румянцев, а не Мордвинов. В указе речь идет «об отпуске помещикам крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных». В статье же говорится о разрешении государственным и удельным крестьянам выкупаться на волю.

Стр. 68, вторая колонка, 4-й абзац сверху: записка Сперанского «О крепостных людях» составляет не приложение к проекту Сперанского от 1809 года, а написана в конце 20-х годов.

Следует читать:

М. Сперанский. Введение к уложению государственных законов. «Историческое обозрение», т. X, 1899 г.

«План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», изд. «Русской мысли», 1905 г.

Следует читать: из Германии.

СОДЕРЖАНИЕ

А. МОЛОК — Борьба за свержение монархии во Франции	1
Ф. ХЕЙФЕЦ — Жирондистский конвент	13
С. ФРЯЗИНОВ — Борьба течений в лагере якобинцев	28
М. БУКОВЕЦКАЯ — Война революционной Франции против контрреволюционной интервенции	42
Л. ГЕРМАН — Идеологическая подготовка буржуазной революции во Франции	65
А. ПРЕСНОВ — Французская буржуазная революция и русская общественная мысль	67
И. ИОФФЕ — Карикатуры французской революции	76

К 25-летию ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В. ХВОСТОВ — Возникновение первой мировой империалистической войны	80
М. СТРУВЕ — Ход первой мировой империалистической войны	91

К 230-летию ПОЛТАВСКОГО БОЯ

В. ПЛОТИЦЫН — Разгром шведских захватчиков	106
М. РАБИНОВИЧ и И. ЛИНШИЦ — Документы о Полтавском бое	121

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Д. ЕФИМОВ — Самостоятельная работа учащихся над произведениями Ленина и Сталина и над „Кратким курсом истории ВКП(б)“ в 10-х классах средней школы	125
К. НОВОПАШЕННАЯ — Самостоятельная работа с „Кратким курсом истории ВКП(б)“ в 9-х классах средней школы	131

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Н. МУРАХВЕР — От территориально-милиционной к кадровой армии	136
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

А. КИСЛЯКОВ — К вопросу о крымской войне 1853—1856 годов (Н. Дружинин „Восточная война (1853—1856 гг.)“. „Историк-марксист“ № 2 за 1939 год)	142
В. ПИЧЕТА — Ученые записки Свердловского государственного педагогического института	145

ХРОНИКА

Е. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ и С. ДИМАНТ — Памятники французской буржуазной революции 1789 года в Государственной публичной исторической библиотеке	147
Г. ФРАДКИН — „Марсельеза“	153

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор—**Б. М. ВОЛИН**

Зам. редактора—**С. И. Голнер**

Отв. секр.—**О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А—14845

Изд. № 721

Зак. № 1840

Тираж 50 000

Материал сдан в набор 5.VI 1939 г. Подписан к печ. 20.VII 1939 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

ВНИМАНИЮ

**НАЧАЛЬНЫХ, СРЕДНИХ ШКОЛ
и других УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕОДЕЗИИ
и КАРТОГРАФИИ при СНК СССР**

ИЗДАНЫ НОВЫЕ МНОГОКРАСОЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ КАРТЫ

являющиеся наглядным пособием для преподавателей и учеников при прохождении курса истории.

Карты показывают важнейшие события отображаемых периодов и составлены в полном соответствии с курсом истории, проходимым в данных классах.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ:

1. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗОЛОТАЯ ОРДА В XIII ВЕКЕ.
2. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII ВЕКЕ (европейская часть).
3. КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО СОСЕДИ В IX—XI ВЕКАХ.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ:

1. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВО ВРЕМЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
2. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА X—XII ВЕКОВ.
3. ДРЕВНИЙ ВОСТОК, ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЕГИПЕТ.
4. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.

ЦЕНА: без наклейки — от 5 до 6 руб.
наклеенная на ткань — от 20 до 24 руб.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. Образование и рост Московского государства в XIV—XVII веках.
2. Народные восстания в XVII веке.
3. Европа в VIII—IX веках.
4. Европа в XIX веке.
5. Монархия Александра Македонского и эллинистические государства.
6. Европа в XVI веке.
7. Октябрьская социалистическая революция.
8. Гражданская война в СССР.

ПРОДАЖА в картографических магазинах „КАРТГЕОБАЗЫ“
1. Москва, Кузнецкий мост, 9. 2. Ленинград, Гостиный двор, Суворовская линия, пом. 102—104, а также в магазинах КОГИЗ, Учторга-Роскультторга и потребкооперации.

О ПОЧТОВЫМИ ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ Ленинградского магазина, а также по адресу: Москва, Таганский проезд, 2/10, магазин № 12 МОГИЗ. **КАРТА—ПОЧТОЙ.**

КАРТЫ высылаются НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
В тех же магазинах требуйте учебно-географические, справочные и другие карты